

ВОКРУГ **СВЕТА**

11 1979
НОЯБРЬ

ВОКРУГ ГЛОБУСА

№ 11 НОЯБРЬ 1979

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЦК ВЛКСМ

ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

Журнал основан в 1861 году

А. ФРОЛОВ — Ледовые причалы Ямала	2-я стр. обл.
В. МАШКИН — Говорит «Радио Сандино»!	5
БОРИС ДЬЯЧЕНКО — «...для новых обысканий у реки Витим»	11
АНАТОЛИЙ МОСКВИН — Черный день Бретани	14
Д. ЦЭМБЭЛ — Облепиховый край мой	18
Г. АЛОВА — Целебный взрыв	21
ЯНУШ ВОЛЬНЕВИЧ — Под двумя флагами	22
Д. ШПАРО, А. ШУМИЛОВ — Люди Русанова	26
А. ГЛЕБОВ — Робинзоны и «молчаливые»	30
О. ЗУБОВ — Знак мастера	31
В. ЛЕБЕДЕВ — Полет длиною в миг	32
А. ФАЛЬК-РЕННЕ — Огонь и янггона	38
Новости экологии	43
Н. НЕПОМНЯЩИЙ — Прыжок эланда	44
ЮРИЙ ЛИННИК — Круговорот	46
Изобретательный влюбленный	49
БОРИС КРАКОВСКИЙ — Город закрытых окон	50
ИРВИНГ УОЛЛАС — Документ «Р»	54
Пестрый мир	62
Листая старые страницы	63
ЮРИЙ КИРИЛЛОВ, ВИКТОР АДАМЕНКО — Внедрение	64
Л. ОЛЬГИН — Плывут горшки по Иравади	64

На первой странице обложки: **СОВЕТСКИЙ СОЮЗ. Атомный ледокол «Сибирь»** прокладывает путь сквозь арктические льды дизель-электроходу «Павел Пономарев». Уже третий год доставляют суда на Ямал грузы, необходимые геологам-газовикам. Фото А. Фролова.

Главный редактор А. В. НИКОНОВ

Члены редакционной коллегии:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, Р. Ф. ИТС, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), Г. В. МАКСИМОВИЧ (ответственный секретарь), Ю. А. СЕНКЕВИЧ, О. И. СОКОЛОВ, Е. В. ХРУНОВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются

Технический редактор А. Бугрова

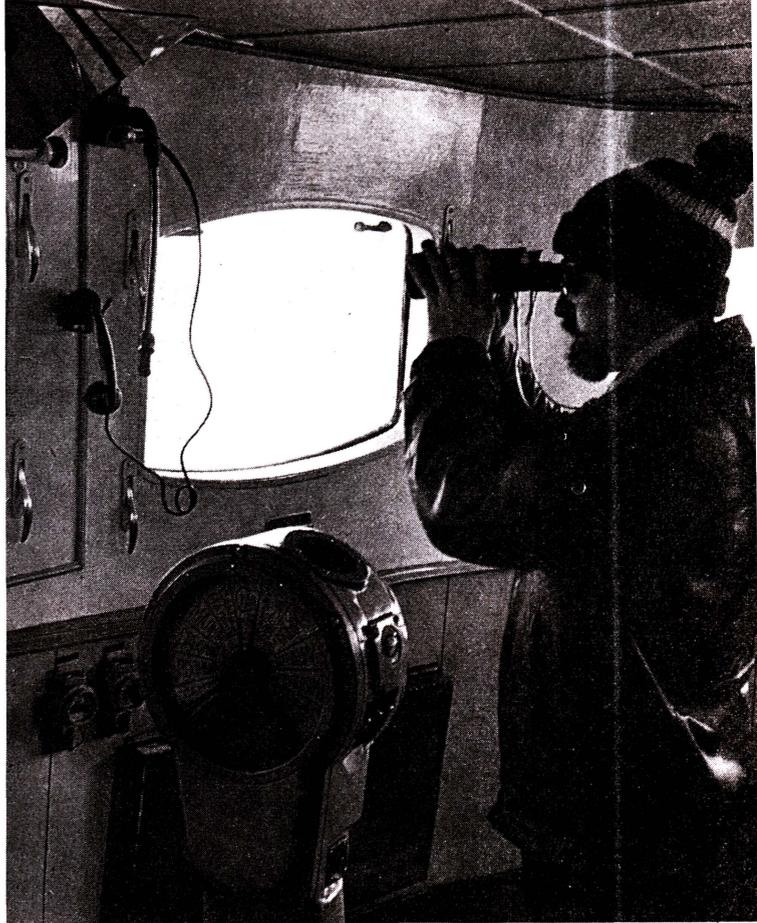
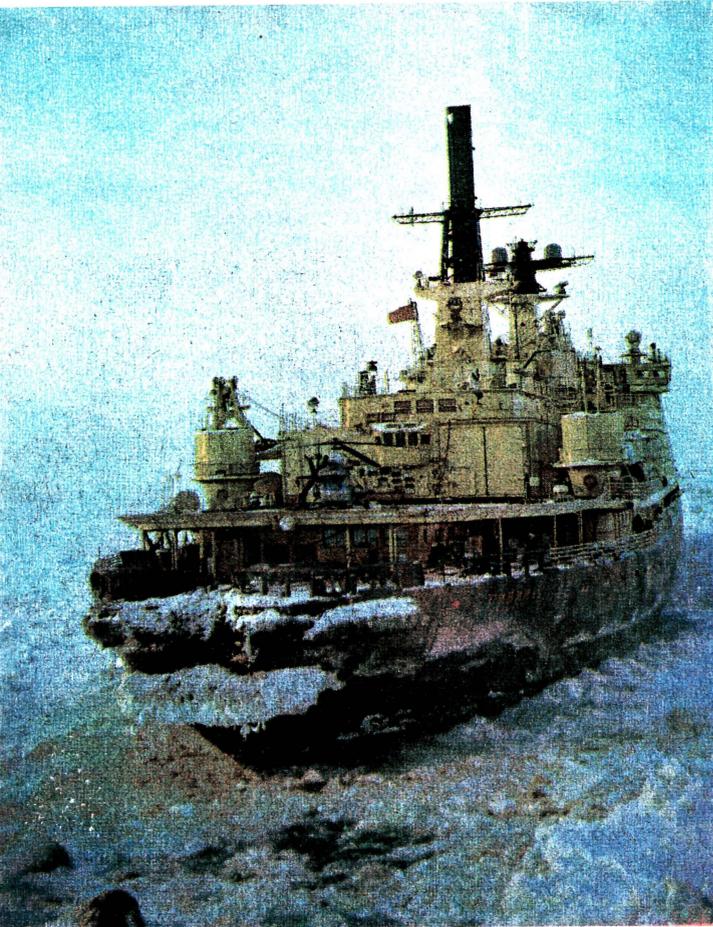
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

А. ФРОЛОВ, наш спец. корр.

Фото автора

Мы продвигались к Ямалу уже неделю. Ледовая обстановка в этом году была особенно тяжелой: в Дудинке, в Енисейской губе, застрял целый караван судов. Но пробиться с грузом на Ямал нужно было обязательно: суда уже третий год доставляют геологам-газовикам оборудование, технику, строительные материалы... «Павел Пономарев», судно ледового арктического плавания, с трудом протискивался сквозь белую кашу битого льда, оставляемую ледоколом «Сибирь». Машины работали на полную мощность, а скорость напоминала скорее шаг пешехода. Случалось, мы не могли двигаться и во все. Перед этим по радиотелефону предупреждали: «Теряем ход... Останавливаемся...» И тогда ледокол пятился кормой, проходил с одного нашего борта, с другого, окалывал лед, размывал его струями своих винтов. Но иногда и это не помогало. Тогда в якорные клюзы нашего «Пономарева» заводили трос толщиной в руку человека, делали «усы», за которые ледокол брал на буксир. Стальные канаты часто рвались, не выдерживали. Бывало, ледокол бросал нас и уходил ломать гряды торосов, очищать путь. На один барьер могли уйти сутки. Разогнавшись на коротком пространстве, ледокол наваливался на лед: громада металла дрожала, кренилась из стороны в сторону. Это называлось «брать на удар». Но и после такого маневра не всегда удавалось отойти назад для нового разгона. Приходилось включать креновые системы, работать «враздрай» — одни винты вперед, другие назад — для поворота на месте. Ледокол ворочался как мог, вокруг него бурлила вода, клубился пар, смешанный со снежной пылью...

То справа, то слева по ходу нашего движения встречались следы белого медведя, словно прошел босой человек. Это видно было в бинокль. Рядом с медвежьими — тоненькая строчка следов песка. Где-то впереди чистая вода, разводья во льдах. Нам это известно по данным ледовой авиаразведки. Медведю же приближение полыньи подсказывает чутье. Он идет за добычей — нерпой или тюленем, песок же идет следом в надежде полакомиться остатками с его «стола». Полыньи, которые существуют в Карском море, имеют географические названия: Амдерминская, Ямальская припайные полыньи, Обь-Енисейская... Заприпайными они называются потому, что образуются там, где морской лед отрывает береговой припай. Есть еще и Северо-Земельские, Ново-Земельские ледяные массивы. Ветры, течение двигают ледяные

ЛЕДОВЫЕ ПРИЧАЛЫ ЯМАЛА

поля по своим законам: кружат, сталкивают, ломают и крошат, нагибают на берег или отрывают от берега и уносят в более высокие широты. Все это вместе входит в понятие «ледовая обстановка», которая часто и неожиданно меняется. Ледовую обстановку на определенный момент дают береговые станции, в частности, на трассе Мурманск — Харасавэй — Амдерминское гидрометуправление. Но и ледокольные вертолеты постоянно в работе: все время поднимаются в воздух, идут на разведку по курсу караванов.

Иван Игнатьевич Таневский, капитан дизель-электрохода «Павел Пономарев», один из самых молодых капитанов Мурманского пароходства: ему немногим за тридцать. В минуты, когда можно отвлечься, он рассказывает о Ростовском мореходном училище, которое окончил. Вспоминает, как под стеклом на стене в училище висел диплом легендарного Седова, и, представьте, там были тройки... Начальству пришлось снять документ, чтобы курсанты не подражали слабостям выдающихся людей. Когда я справился у Ивана Игнатьевича, с какими же отметками он

окончил училище, выяснилось, что капитан получил диплом с отличием...

На вахте — дублер старшего штурмана, он высказывает вслух свои опасения: «Не слишком ли быстро мы двигаемся вперед?» Ему не отвечают. Капитан, скрестив руки, облокотился на край смотрового проема и словно ушел в себя, на самом же деле он очень внимательно следит за поведением льда, за тем, как судно, кренясь, наваливается на льдины.

— Не прикажете дать задний ход? — спрашивает дублер. На мостике рулевой, еще один штурман — ждут. Но капитан неожиданно распорядился форсировать работу всех двигателей, дать самый полный вперед.

Однажды в подобной ситуации он посоветовал мне для полноты впечатления спуститься в так называемый сухой отсек — пространство за двойным бортом в машинном отделении. Там стоял невероятный грохот, было видно, как слегка прогибаются вслед за обшивкой шпангоуты и стрингеры, словно ребра сдавливаемой грудной клетки...

— Когда у парохода не хватает силы, — сказал капитан, — хочется упереться ногой, помочь, подтолкнуть.

На мостике все тоже заговорили, расслабились. Непозволительно расслабился и рулевой.

— Не рыскать, держаться правой кромки канала... — приказал капитан рулевому.

Рулевой — маленького роста белобрый лохматый парнишка. Ему плохо видно, он тянет шею и становится на цыпочки за штурвалом. Капитан косится на рулевого, который безуспешно старается стать выше. Потом переводит взгляд на довольного третьего штурмана.

— Принеси ему ящик под ноги, — говорит капитан третьему помощнику недовольным тоном, словно досадуя на его несообразительность.

Я заметил, что капитан часто гоняет этого помощника, выговаривает ему за забывчивость, несообразительность. Штурман приносит плоский ящик из-под какого-то прибора, ставит под ноги рулевому...

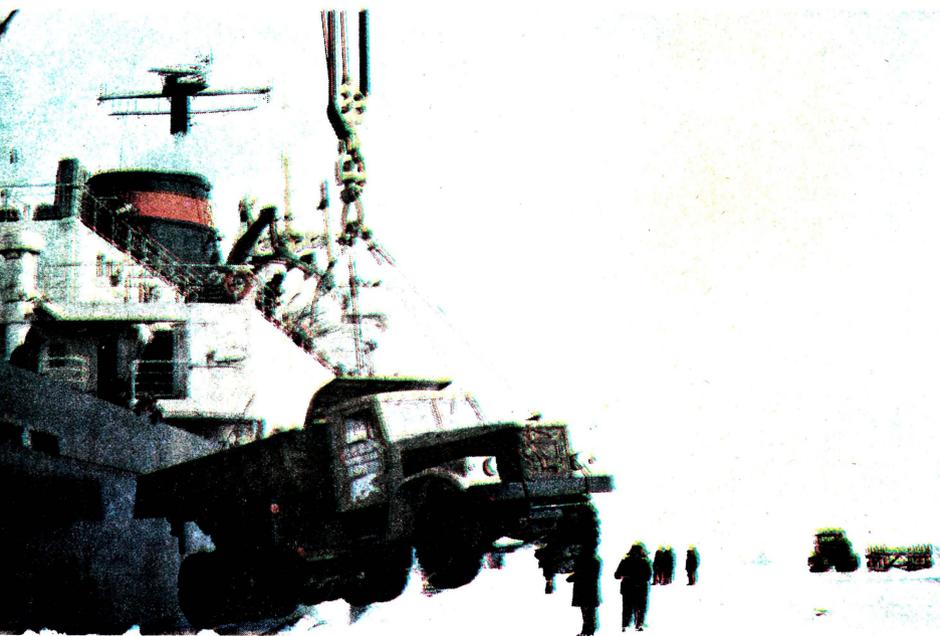
На следующий день громко постучали в дверь моей каюты. «Капитан стучит на мостик!» Естественно, я

поторопился: когда очень срочно нужно, то не приглашают, а требуют.

— Вот, полюбуйтесь, — сказал Иван Игнатьевич, когда я, переводя дух, оказался на мостике. — Это сжатие...

Впереди замер ледокол. Торосистые льды напоздали на его борт. То же самое было и с нашим судном. Капитан стоял у машинного телеграфа, стрелка которого покоилась на «Стопе», наблюдал за льдами. Лицо его кривилось словно от физической боли, будто придавливало льдом не корпус судна, а его самого. Со стороны казалось, что все замерло. Но... «Пономарев» застыл в сильном крене на левый борт. Ходить по палубе было неловко, приходилось опираться руками на переборки и поручни.

— Теперь надо ждать, пока переменится ветер. Придется играть в футбол... — Иван Игнатьевич посмотрел на ровную площадку с левого борта.

Я слышал прежде, что моряки в ожидании сносной ледовой обстановки сходят на лед и действительно гоняют мяч. Но на сей раз скорее всего было не до футбола.

— Замерить льды, — распорядился капитан.

Я понимал, что это значило: нужно было проверить, нет ли где течи.

Тем временем сжатие становилось более угрожающим. Вахтенные постоянно следили за ветром: по флагу, по дыму пытались угадать, в какую сторону заходит ветер, меняет ли направление.

К вечеру получили известие, что на выручку к нам из Диксона идет

«Арктика». Вдвоем с «Сибирью» должно быть легче. На «Павле Пономареве» сразу все оживилось. Сначала о продвижении «Арктики» сообщал радист. Потом она стала просматриваться в радиолокаторы, и, наконец, на горизонте засветились звездочки, это горели прожекторы ледокола. Сжатие ослабло — и «Сибирь» наконец вместе с нами тоже двинулась вперед. За вахту в четыре часа удавалось продвинуться всего несколько миль. Ледоколы шли навстречу друг другу, и расстояние заметно сокращалось, уже можно было различить каждый прожектор в отдельности. Когда «Арктика» при дневном свете вплотную подошла к нашему борту, показалось, что рядом вырос огромный дом с ярусами, на которые высыпали люди. На корме вертолет, закрепленный троса-

ред прокладывает канал. Старый канал, которым пришла «Арктика», успело затянуть.

Мы продвигались на буксире по еле заметной сероватой полосе, извиляющейся среди ослепительного пространства. Материк был уже рядом: ночью с правого борта светили огни Амдермы, а днем с берега, от полярной станции, примчалась собачья упряжка и остановилась неподалеку. Человек приветливо помахал рукавицей, словно проходящему поезду; собаки, высунув разгоряченные языки, равнодушно смотрели куда-то по сторонам, суда их не интересовали...

Утром капитанский мостик был заполнен людьми в унтах. На переборке висели полшубки и собачьи дохи геологов, строителей, гидрологов. Мы стояли у берегового припая, черная вежа на белом льду показыва-

ла, что дальше идти нельзя — мелководе. В переносных рациях, которые строители притащили с собой на борт, шла оживленная диспетчерская перебранка, какая бывает только на берегу: звонкие женские голоса, перекрывающие друг друга, властные, требовательные мужские. Речь шла о бульдозерах, самосвалах, железобетонных плитах, трубах... Иван Игнатьевич, поглядывая на безоблачное ярко-синее небо, потирал от удовольствия руки. Погода для выгрузки была как на заказ. Уже давно готовы грузовые стрелы, расчехлены лебедки, все это боцман сделал еще на подходе. На палубе рокотали заведенные самосвалы и бульдозеры, приготовленные к спуску на лед. По заранее расчищенной дороге подходили машины с берега. Прямо к борту дизель-электрохода мчался с поднятым ножом бульдозер, готовый расчищать грузовую площадку. Ему замахали с борта руками: мол, еще не остановились окончательно и к судну подъезжать опасно. Хотя шоферы должны были знать, что даже после полной остановки «Пономарева» гидрологи будут еще тщательно освидетельствовать лед и только потом по нему пойдет техника...

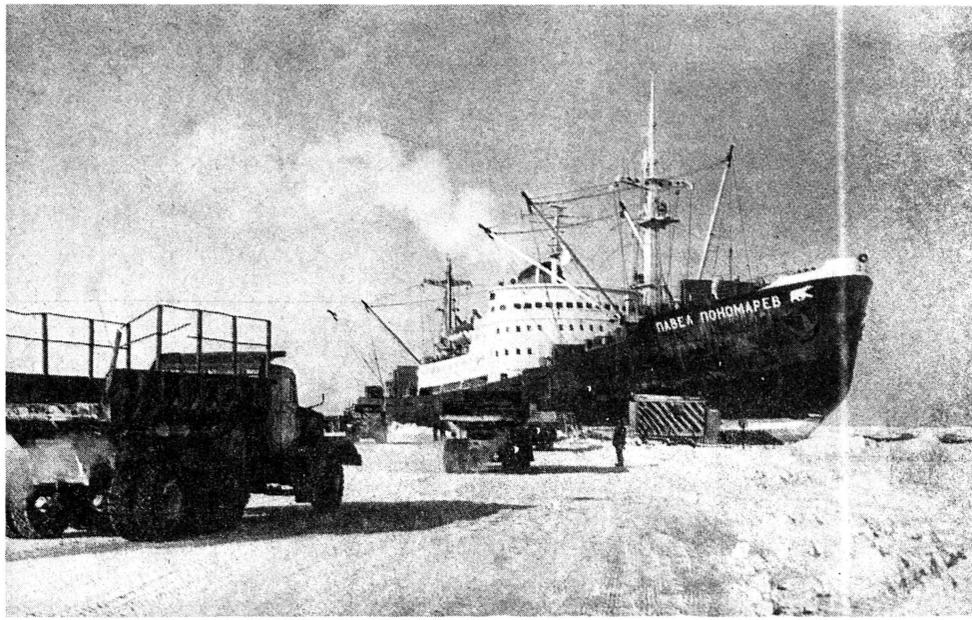
Первый КраЗ с белым медведем — эмблемой Арктики на кабине — закачался на стропах. Едва машина коснулась колесами льда, водитель, шедший вместе с ней на судне, вскочил в кабину и весело закрутил баранку. КраЗ развернулся и умчался, словно существо, выпущенное в родную стихию.

В одной из свободных кают «Пономарева» поселился тихий человек в очках. К нему все время приветливо и с уважением обращались капитан, получатели грузов. Это был гидролог Владимир Михайлович Климович, человек, проработавший в Арктике целых восемнадцать лет.

ми, на заиндевелой оранжевой надстройке целый лес антенн: для телевидения, радио, навигационных приборов. С темным отливом сталь на бортах отполирована льдами до блеска. На расстоянии ледокол кажется нарядным, вблизи как боевая машина, вернувшаяся с передовой: ободрана краска на броне, парят открытые люки, на палубе люди — похоже, они воспользовались короткой передышкой и вышли из укрытий взглянуть на своих товарищей с соседнего корабля. По радиотелефонам идут деловые разговоры. Каждое распоряжение сопровождается словом «пожалуйста». Люди называют друг друга по имени-отчеству.

Раздавлив с обних наших бортов лед, «Арктика» взяла «Пономарева» на «усы», «Сибирь» же ушла впе-

К концу пути я уже знал, что довести грузы до Ямала — это только половина дела, надо еще суметь удачно выгрузиться. Лды, как известно, находятся в движении, береговой припай может оторвать, а грузовая площадка и ледовая дорога покрыться трещинами. Судно, стоящее под выгрузкой, примерзает, его может выжать на мель, или, освободившись от части груза, став легче, оно «высочит» из «насиженного» места, ломая грузовую площадку и кренясь. Все это может случиться в непроглядную пургу. Но оттепель — ведь грузовые операции ведут в конце зимы — не слаще: белые площадки покрываются сверху талой водой, до метра глубиной... Так что Арктика и здесь сопротивляется до конца.

— Работа наша связана с риском, — сказал мне Владимир Михайлович. — Правда, его можно свести до минимума, только необходимо выбрать степень оправданного риска.

Я знал, что еще задолго до начала выгрузки ведутся наблюдения за льдом, изучаются многочисленные прогнозы. А когда все подготовлено, проверено, гидролог садится в кабину рядом с шофером. Сначала — чтобы своим присутствием придать ему необходимую уверенность; а потом, когда шофер освоится с ситуацией и начнет думать, что опасности не существует вовсе, удерживать от неосторожных действий.

— Лихачество в нашем деле, — говорил Владимир Михайлович, — приходится карать самым суровым образом, слишком дорого может обойтись оплошность.

На следующий день, пока шла выгрузка, Климович отстранил от работы молодого инженера-гидролога. Видимо, он был у него на примете: он уже однажды со своим помощником выходил в маршрут без компаса, ракетницы, карабина. Им предстоял недалекий путь к приборам, которые были установлены подо льдом. И гидрологов накрыла пурга. Они заблудились, вместо полутора часов проходили восемь. Владимир Михайлович тогда отправил на поиски всех, кого только можно было.

Двое потерявшихся все-таки добрались до полярной станции на берегу, виновник «приключения» чувствовал себя героем.

«Мне такие герои не нужны», — предупредил его Владимир Михайлович. И когда тот же гидролог позволил себе еще раз уйти в маршрут без необходимого снаряжения, он был отстранен.

— Может быть, дело в молодости? — спросил я Владимира Михайловича.

— Нет. Для работы в Арктике необходимы определенные моральные

качества, в число которых входят и скромность и надежность.

Климович познакомил меня со своим товарищем Валентином Яковлевичем Коржиковым, тоже опытным полярником. Сказал, что лучшее знакомство с гидрологом — это сходить с ним в маршрут.

Рано утром, в темноте, к балку, в котором жили гидрологи, подъехал гусеничный вездеход. Валентин Яковлевич и его коллеги вооружились необходимым для своей работы, а же — фотоаппаратом.

Молодой водитель гнал вездеход по снегу на большой скорости. В лобовое стекло била снежная пыль, гусеницы поднимали белые буруны. Валентин Яковлевич пояснил мне, что, когда техника идет на большой скорости, по льду расходятся продольные и поперечные волны. Грузевая машина катит незаметную на глаз волну перед собой и позади. Лед, опираясь на воду, ведет себя как гибкое, упругое тело.

За грядой торосов начался маршрут. Новая дорога была уже размечена вехами. Через равные промежутки мы останавливались: гидрологи бурили лед, измеряли толщину, плотность, температуру, сравнивали с предыдущими показаниями. Как я успел заметить, Валентин Яковлевич все распоряжения отдавал в виде просьбы. Так обычно ведет себя человек с большим авторитетом. Дул обжигающий ветер, нестерпимо ярким белым светом горел снег. Я между делом пытался перевести разговор на приключения, которые, как мне казалось, стерегут людей здесь на каждом шагу.

— Всего хватает... — говорил Валентин Яковлевич. — Может случиться так, что в одно прекрасное утро встанешь, а припая нет: оторвало его и унесло в море. Вот и думай, ломай голову, как выгружать вышедшие к нам суда...

«Павел Пономарев» выгрузился на два дня раньше срока. Хорошей организации сопутствовала отличная погода. Четко, одна за другой, подходили к борту машины, моряки быстро подавали стрелами груз, гидрологи с утра до ночи лазили по льду... Когда последняя груженная машина отошла от борта, был дан праздничный салют разноцветными ракетами, и «Пономарев» несколько раз проревел своими тифонами. Ледокол уже вел к ледяным причалам другой пароход — «Гижигу». За все время разгрузки лед вокруг «Пономарева» оставался целым. Чтобы судно не вмерзло в лед, грели отсеки рядом с бортовой обшивкой, перекачивали балласты, слегка кренили корпус судна из стороны в сторону. Но самой трудной, поистине ювелирной работой было отойти, не повредив ледовой площадку, то есть уступить «Гижиге» несломанный причал. И сделать это нужно было без по-

мощи ледокола. Самостоятельный отход от припая осуществлялся впервые.

Владимир Михайлович Климович был возбужден. И с нескрываемым восторгом все приговаривал, что капитан рискован мужик, если только получится то, что задумали, много времени и усилий будет сэкономлено.

Иван Игнатьевич решил начать отход судна утром. Не спеша, напившись чаю. Когда предстояло что-то трудное и рискованное, как я уже успел заметить, капитан шутил, балагурил и к делу приступал неторопливо. Потом вдруг на него словно находило вдохновение. Его маленькая фигурка в вязаной шапочке мелькала то на одном крыле мостика, то на другом, бегали штурманы, выполняя его поручения, звонили телефоны в машинное отделение, отдавались распоряжения и команды. На ходу Иван Игнатьевич «разносил» того, кто попался ему на глаза. Боцман в горячке ворчал, как рассерженный медведь, на матросов. Гремели палубные динамики от переговоров: дело делалось чрезвычайно осмотрительно и осторожно... Сначала долго работали полным ходом вперед. Поворачивали-перекладывали с борта на борт руль. Не сдвигаясь с места, судно расшатывало вокруг себя лед, расширяло чашу, в которой стояло. При этом нужно было смотреть в оба, чтобы ничего не повредить. Потом Иван Игнатьевич перешел к кормовому пульту управления. Произшла смена настроения, капитан «ушел в себя». Стоял неподвижно, шурился от яркого света, его борода успела заиндеветь. Теперь судно должно было питаться кормой в яйцеобразной ледяной чаше. Был дан полный задний. Помощники докладывали: «С правого борта вода пошла на лед...» «С левого...» «Отошел на полметра форштевень...» Иван Игнатьевич молча кивал, словно и не слушал. Снова дали полный вперед, чтобы размыть лед, который держал с кормы. Еще полный назад. И вот теперь можно только «средним»... «малым»... «самым малым». Наступил ответственный момент. Стояли по местам помощники капитана — штурманы. Перестал ворчать, притих боцман. Со всех сторон, перевесившись через борт, смотрели на лед люди. Мы начали выходить из чаши. Лед сзади крошился, становился ребром, раздвигался. «Получилось! Получилось!» — обрадованно засуетился, перебегаю от борта к борту, Владимир Михайлович. «Получилось», — заговорил кто-то возле капитана.

— Получилось, получилось, — не хотя, словно передразнивая, ответил Иван Игнатьевич...

Мурманск — полуостров Ямал

В. МАШКИН

В июне месяце в результате победоносного народного восстания был свергнут кровавый диктаторский режим в Никарагуа. Временное демократическое правительство принимает неотложные меры для налаживания нормальной жизни в стране, восстановления поверженной в руины экономики.

В публикуемом ниже очерке рассказывается о некоторых эпизодах операции «Финал», которой завершилась борьба Фронта национального освобождения имени Сандино против режима Сомосы.

ГОВОРИТ «РАДИО САНДИНО»!

Элой Монтехо¹ вставил кассету в портативный магнитофон и нажал на клавишу. Из контрольного динамика зазвучала музыка боевого партизанского марша. После начальных тактов Элой перекинул тумблер на панели передатчика и поднес к губам микрофон: — Говорит «Радио Сандино» — голос Фронта национального освобождения имени Сандино! Мы ведем нашу передачу с террито-

рии Никарагуа. Слушайте нас на волне 41 метр!

Прошел почти год с тех пор, как после подавления сомосовскими карателями восстания в Масеа, бывший студент стал диктором передвижной радиостанции сандинистов. И все-таки каждый раз, выходя в эфир, Элой изрядно волновался. Сменив его перед микрофоном, второй диктор, Кристина, тоже бывшая студентка, стала рассказывать о последних удачах повстанцев по сомосовской национальной гвардии на севере и юге страны, перечисляя города и посел-

ки, где идут ожесточенные бои. Затем снова последовал кусочек маршевой музыки, за ним написанное Элоем обращение к солдатам:

«Никарагуанский солдат, помни: оружие, которое у тебя в руках, оплачено народными деньгами; жалованье, которое ты получаешь, складывается из налогов, взимаемых с народа. Твой долг — защищать право народа на лучшую жизнь. Наша борьба справедлива, потому что ведется в интересах большинства никарагуанцев. — Монтехо старался говорить как можно проще и доходчивее. — Мы берем-ся за то, чтобы покончить с нищетой в стране. Чтобы дать землю крестьянам. Чтобы все могли лечиться у врачей, а не

¹ См. очерк В. Машкина «Элой Монтехо избирает путь». — «Вокруг света», 1978, № 10.

у знахарей-колдунов. Чтобы все дети учились в школе. Сандинистский фронт борется за то, чтобы богатства нашей земли не расхищались ненасытными монополиями янки и их союзником — семейством Сомосы».

В это время примерно в километре от передатчика, в тени раскидистого махаганиевого дерева, расположился взвод национальных гвардейцев. В напряженном молчании они слушали слова, которые неслись из висевшего на суку транзистора. Чуть поодаль, на краю полянки, окруженной стеной перевитых лианами деревьев, стоял лейтенант. Слова передачи отчетливо доносились

и до него, но он не столько внимал в их смысл, сколько приглядывался к реакции подчиненных. Предосторожность отнюдь не лишняя: в последнее время участились случаи дезертирства из рядов национальной гвардии. Правда, на его солдат можно было положиться: проверены в деле. Лейтенант вспомнил, как в Матагальпе они в упор расстреливали мятежников, хотя среди них большинство составляли подростки. «Все мы связаны кровавой порукой», — подумал он.

Застегнув ворот маскировочной куртки и сдвинув на лоб каску, лей-

тенант решительно направился к солдатам. Яркие лесные цветы никли под тяжелыми башмаками с высокой шнуровкой. Он старался обрести всегдашнюю уверенность в себе, но неясная тревога не уходила, хотя операция вроде предстояла не такая уж трудная — разгромить подстрекательское к сопротивлению властям радио мятежников. Главное — внушить солдатам: если сандинисты победят, всех, кто был верен президенту Анастасио Сомосе, поставят к стенке. Значит, никакого милосердия к мятежникам и тем, кто их поддерживает. Утихомирить бунтовщиков можно только автоматной очередью.

— Выключить приемник! — раздраженно приказал он.

Четверть часа назад, когда они расположились на привал на этой поляне, лейтенант сам настроил транзистор на волну сандинистской радиостанции — хотел удостовериться, что передача зазвучит в обычное время и, следовательно, сандинисты ничего не подозревают...

Вскочив, сержант выключил приемник и застыл в ожидании дальнейших приказаний. Вслед за ним дружно поднялся весь взвод. Некоторые из солдат стали вынимать из ножен свои широкие и длинные мачете.

— Отставить! Мачете пока не понадобятся. Может быть, позднее, если пленные окажутся молчунами, чтобы развязать им языки, — зло усмехнулся офицер. — Там должна быть кабанья тропа, — показал он на дальний край поляны.

О существовании звериной тропы и о местонахождении радиостанции стало известно от Хавьера Очоа, жителя ближайшей деревни. Хотя таких людей и называют презрительно «орехас» — «уши», деньги, которые им платят, они отработывают, пусть даже не из жадности, а из страха.

Сумрачный зеленый туннель, пробитый кабанами, вывел национальных гвардейцев на опушку, постепенно переходившую в редкий подлесок. Впереди виднелся пологий холм, который вплотную прилепился к подножию уходившего ввысь крутого горного склона. На вершине холма стояла обычная крестьянская хижина: легкий каркас из необструганных жердей, крытая пальмовыми листьями крыша, земляной пол и всегда распахнутая дверь. Через нее в безоконное строение проникает свет и выходит наружу дым из очага.

Хижина казалась необитаемой, но лейтенант рассмотрел в бинокль, как блеснул на солнце тросик антенны, натянутой между двумя высокими пальмами. О хозяине жилища, бездетном вдове Лопесе Моралесе,

Бои шли за каждую улицу, за каждый дом.

было известно со слов осведомителя, что он давно связан с бандитами, снабжает их продуктами и часто куда-то исчезает. Иногда на несколько дней: видно, стал связным у сандинистов.

— Рассыпаться цепью и ползком вперед. Без команды не стрелять, — шепотом приказал лейтенант, хотя на таком расстоянии мятежники все равно не могли его услышать. — Голову оторву, если кто-нибудь из бандитов ускользнет, — пообещал он.

Змеями извиваясь в густой траве, солдаты неслышно поползли по поляне. Хотя «орехас» Хавьер Очоа уверял, что в хижине на холме прячутся лишь три-четыре бандита, в том числе, кажется, одна женщина, лейтенант на всякий случай держался позади цепи.

...Пятнадцатилетний Марио был самым молодым из трех бойцов, назначенных в это утро часовыми: он очень гордился, что его взяли на такое ответственное задание — охранять радиостанцию сандинистов. Правда, ночью в секрет его пока не посылали, на посты обычно уходили самые опытные — Хосе, Рикардо и командир Педро Мартинес, — но он еще покажет себя. Тогда, на баррикадах в Матагальпе, у повстанцев были только старые пистолеты, а теперь ему дали настоящий автомат.

Внезапно Марио насторожился. Ветра не было, но по траве в низине заходили легкие волны. Он взгляделся пристальнее: вроде, мелькнула каска. А вот в стороне другая. Их окружают национальные гвардейцы!

Птичьим криком Марио подал условный сигнал. Но вдруг в хижине не услышат его? Радисты заняты передачей, охрана спит после ночного дежурства. И тогда, почти не целясь, Марио дал длинную очередь по шевелящейся траве.

В утренней тишине, нарушаемой только птичьим щебетанием и шелестом ветра в кронах пальм, она громом прозвучала в ушах Элоя Монтехо. Усилием воли он заставил себя не торопиться и спокойно закончить начатую фразу: «...и мы, как последователи нашего национального героя Аугусто Сесара Сандино, павшего в борьбе с ненавистными янки, повторяем вслед за ним: «Наша война — это война освободителей!»

— А сейчас по техническим причинам мы заканчиваем нашу передачу! — Кристина щелкнула тумблером, выключая радиостанцию.

Они переглянулись: насколько серьезна опасность? По инструкции следовало как можно быстрее свернуть аппаратуру и отходить в без-

опасное место. Но где оно, это без-опасное место, когда позади горная круча, а впереди сомосовские солдаты? Да и как можно бросить товарищей? Схватив свои старые американские «гаранды», Элой и Кристина, не сговариваясь, бросились к выходу из хижины.

Солдаты, не прячась, бежали по высокой траве к подножию холма.

Хотя нападение было неожиданным, бойцы охраны успели занять круговую оборону. Их было двенадцать. Да еще начальник радиостанции Исидоро, дикторы Элой и Кристина, хозяин хижины Лопес

Моралес и старик — погонщик мулов, на которых перевозили аппаратуру. Солдат было вдвое больше. Но главное, вооружены они пулеметами и автоматическими карабинами М-16. У партизан таких всего три штуки — боевые трофеи. У остальных винтовки устаревших систем, автомат и два охотничьих ружья. К тому же каждый патрон на счету. Вся надежда на пулемет, к нему есть целая коробка лент.

И он заговорил, этот пулемет, едва трое часовых отступили к своим товарищам. Упал бежавший впереди цепи сержант, солдаты залегли.

Женщины и дети уходили из городов, спасаясь от налетов авиации Сомосы и артобстрелов.

Он смотрит гордо, этот партизан. Он сражается за свободу.

— Ага, не нравится, когда в нас стреляют! — торжествующе крикнул Элой, раз за разом нажимая на спусковой крючок «гаранда».

Кристина стреляла в солдат, то и дело откидывая со лба прядь длинных черных волос. Она старалась казаться спокойной, хотя сердце отчаянно билось, а горло перехватило от волнения. Это был ее первый бой: за те месяцы, что они с Элоем работали на радиостанции, сомосисты впервые обнаружили их.

— Экономить патроны! Стрелять только по моей команде, когда они подойдут поближе! — громкий голос Педро Мартинеса перекрыл треск пальбы.

Карабины национальных гвардейцев тоже замолчали. Над ложиной и холмом повисла тишина. «Кажется, мы отогнали этих трусливых бандитов», — подумала Кристина. Обманутая наступившей паузой, она приподнялась над камнем, за которым лежала, посмотреть, что происходит. Трава внизу была совершенно неподвижной. И тут внезапно пулеметы гвардейцев обрушили на холм град пуль. Кристина вскрикнула и упала. Справа от Элоя кто-то громко застонал.

Девушка лежала всего в пяти шагах от Монтехо, но это крошечное пространство означало верную смерть: из земли между камнями били частые фонтанчики пыли, обломки скал гудели под ударами пуль. И все-таки Элой бросился к девушке. Стремительно метнул он свое худощавое тело через незащищенное пространство и в следующую секунду вжался в траву рядом с Кристиной.

Девушка лежала на спине, бесильно разбросав тонкие руки. По защитного цвета рубашке на груди расплзлась темное пятно. Встав на колени, Элой стал срывать с себя рубашку, но Кристина остановила его:

— Есть бинт. Возьми в сумке.

Элой растерянно дотронулся до плеча Кристины, опасаясь при перевязке причинить боль.

— Перевязывай. Потерплю, — чуть слышно сказала она. — Как глупо получилось. А я так мечтала прочитать сообщение: «Ривас освобожден...»

Ривас был родным городом Кристины.

— Ты скоро поправишься и скажешь об этом в микрофон. — Элой старался говорить уверенно, хотя видел, как по лицу Кристины разливается бледность.

— Ну вот и все, — успокоительно сказал Монтехо, кончив перевязку.

Девушка не отвечала. Он схва-

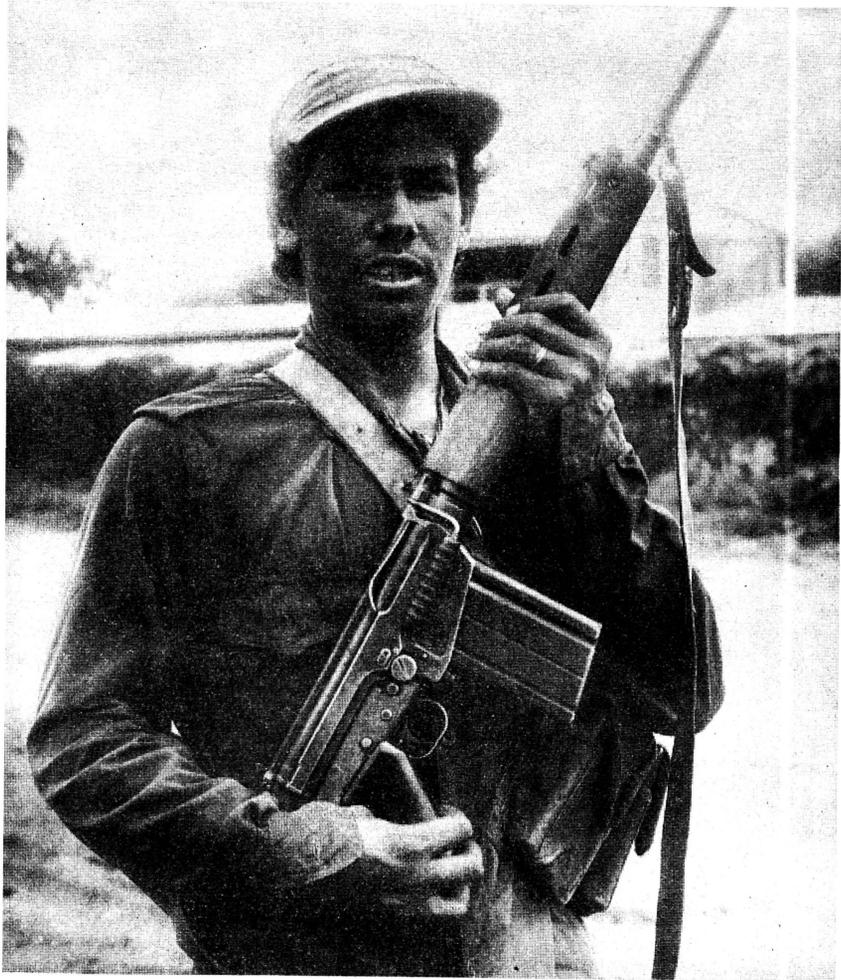

Фото В. СИЛАНТЬЕВА

тил тонкое запястье, пульс не прощупывался. Элой приник ухом к груди: сердце Кристины не билось...

Впоследствии Элой Монтехо с трудом восстановил в памяти, что произошло потом. Шквал пулеметного огня неожиданно стих. Исидоро помог оттащить тело девушки к хижине, где уже собрались остальные бойцы. Двое из них, весельчак Хосе и маленький Марио, были ранены, к счастью, легко. Командир охраны Педро Мартинес правильно рассчитал, что национальные гвардейцы, не ожидавшие встретить отпор, отступят в лес. Теперь они будут ждать подкрепления с базаками и лишь под их прикрытием возобновят атаку. Они ведь считали, что сандинисты в западне, и выход из нее только на тот свет. А потому не спешили...

Но оказалось, хозяин хижины Моралес знал тайный маршрут по неприступному горному склону. Им пришлось бросить мулов и тащить всю аппаратуру на себе. Каким-то чудом никто не сорвался в пропасть. Как ни настаивал Монтехо, командир Педро, видя состояние юноши, не разрешил ему прикрывать отход группы. С пулеметом на холме залег Рикардо, никогда не терявший самообладания.

— За меня не беспокойтесь. К вечеру догоню вас, — только и сказал он...

В маленькой долине, где похоронили Кристину, юного диктора «Радио Сандино», трижды прогремел прощальный салют. Горы ответили ему раскатистым эхом. Элой Монтехо подробно записал приметы этой долины, где оставил свою любимую, о которой знал лишь то, что она родом с юга, из Риваса, что она хотела стать врачом, что в борьбе с кровавой тиранией Сомосы она взяла «номбре де герра» — фронтовым псевдонимом имя Кристина.

Кристина попала к партизанам-сандинистам вместе с Элоем: в прошлом году в один и тот же день и час они пробрались из Манагуа в горы Сеговии. Еще там, в столице, напутствуя молодых людей, представитель подпольного Фронта освобождения имени Сандино сказал: «Я знаю, что вы мечтаете с оружием в руках сражаться против солдат диктатора. Но мы поручаем вам не менее ответственное дело: работу на нашей радиостанции».

Прежде чем приступить к работе на радиостанции, Кристина и Элой провели месяц в горном базовом лагере: они учились обращаться с оружием, ориентироваться на местности, бесшумно передвигаться в джунглях. Ведь им предстояло стать не просто дикторами и радиожурналистами, а бойцами партизанской армии на территории, контролируемой противником, быть готовыми в любую минуту вступить в бой.

Несмотря на репрессии, люди выходили на демонстрации в поддержку Временного демократического правительства национального возрождения.

Но командир накрыл его руку своей широкой ладонью:

— Погоди.

Мартинес снял с пояса оловянную флягу.

— «Пинолио». Неприкосновенный запас. Держу исключительно для торжественных случаев. — Он улыбнулся в усы, повернувшись к девушке. — Пополнение наших рядов именно такой случай.

Погонщик мулов, единственный пожилой человек среди этой молодежи, первым пригубил желтоватый обжигающий ром. Он взял гитару и запел «Мамашу Рамону», популярную песенку о веселой и языкастой крестьянке.

В тот вечер даже потанцевали немного: у парней появилась теперь партнерша. Но в основном говорили, спорили о положении в стране. Большинство считало, что дни Сомосы сочтены. Кое-кто полагал, что предстоит долгая борьба. Но все безоговорочно верили в победу. Начальник радиостанции Исидоро рассказал о программе действий после победы над диктатором, разработанной руководством Фронта.

Элой Монтехо вглядывался в лица новых товарищей. Юные, открытые, чистые лица. Хотелось побыстрее узнать их, понять, что привело к сандинистам. Это нужно и для того, чтобы лучше вести передачи. Он думал об этом, когда, услышав, что дождь утих, вышел из прокуренной палатки на свежий воздух.

Вода стекала с листьев, и звонкая разногласица капли показалась ему похожей на звуки мариимбы — будто кто-то ударяет палочкой по клавишам невидимого большого деревянного ксилофона. В ночи гортанно покрикивали попугаи. Элой уже привык, что партизаны всегда передвигаются бесшумно; но все же вздрогнул, обнаружив вдруг возле себя Исидоро. Слово прочитав мысли Монтехо, он стал рассказывать о тех, с кем юноше предстоит работать.

Сам Исидоро — это имя было его «нобре де герра» — оказался бывшим школьным учителем. Когда-то пробовав писать в городскую газету. Это и предопределило его партизанскую судьбу: ему, «почти журналисту», поручили возглавить «Радио Сандино».

«Совсем как у меня», — подумал Элой. — Что привело меня к партизанам, спрашиваешь? Вопрос, на который ответить и легко и трудно. Неприятие диктатуры — вот легкий ответ. Устраивает он тебя? Нет? Ты прав. Диктатора ненавидят все. Почти все. Но далеко не все берутся за оружие. Так вот — обо мне: тебе это может показаться странным, но, пожалуй, главную роль в решении уйти в горы сыграла моя профессия. Да, да, мирная учительская профессия. Я преподавал историю. Каждый день, зачастую прибе-

Месяц — срок небольшой, но «Радио Сандино» уже вышло в эфир. Сотрудников не хватало, и новичков побыстрее направили к месту службы. Подпольная радиостанция располагалась тогда на зеленой береговой луговине у порожиистой реки Сеговии, стремительно несущей свои воды в узком ущелье с невысокими, но отвесными стенами. Ближайшая деревушка находилась в двух десятках километров, так что чужого глаза можно было не опасаться.

...Дождливым вечером Элой и Кристина вслед за проводником пробирались сквозь заросли древовидных папоротников, когда их остановил тихий оклик невидимого в густой зелени часового:

— Кто идет?

— Доминго де Гусман, — негромко ответил проводник.

«Странный пароль, — подумал Монтехо. — Надо же, имя святого Доминго де Гусмана, покровителя Никарагуа, стало партизанским паролем!»

В лагере их встретил командир отряда охранения радиостанции, коренастый, с сильными руками. На могучей шее красно-черный платок — сандинистское знамя в миниатюре. Педро Мартинес крепко пожал им руки и провел новых радиожурналистов к палаткам. Кристину — к маленькой: «Вы, единственная среди нас женщина, будете жить здесь одна»; Элой — к той, что

побольше: «Тут, кроме вас, еще начальник радиостанции».

На гамаке, который предназначался Элою, он нашел сухую рубашку, брюки и с наслаждением стянул с себя насквозь промокшую форму.

— Переоделись? — заглянул в палатку Мартинес. — Пойдемте, подкрепитесь с дороги. — Рядом с ним, приветливо улыбаясь, стоял худощавый молодой мужчина с густой гривой посеженных сединами волос. — Знакомьтесь, компаньеро Элой, это ваш начальник и сосед по палатке Исидоро.

Втроем прошли в самую большую из шести палаток. Темнело, и там уже горела «летучая мышь». Журналисты и бойцы охранения расселись на ящиках, на рюкзаках, на чурбанах, еще сохранявших запах свежеспиленного дерева. Почетное место во главе сплетенного из прутьев стола занимала Кристина. Праздничный ужин в честь вновь прибывших был скромным: миска с вареным рисом вперемешку с черными бобами, маисовые лепешки и «чилоте» — вареные молодые початки кукурузы, мутноватая бутылка «чичи» — пальмового вина.

— Вы продрогли... — сказал Кристине один из бойцов и потянулся за бутылкой.

гая к эзоповскому языку, например, когда речь шла об Аугусто Сесаре Сандино, я учил ребят добру, справедливости, любви к свободе и ненависти к любому угнетению. Но со временем задумался: «Что толку в моих уроках, если за порогом школы детей поджидает действительность, исполненная зла и насилий? Ведь мои благие поучения не в состоянии что-либо изменить». Так я решил принять участие в борьбе...

Иной была история Педро Мартинеса — единственного на радиостанции, кто не взял себе фронтового псевдонима. У него была младшая сестренка, шестнадцатилетняя хохотунья, с которой они жили вдвоем в небольшом городке. Однажды она с подругой и двумя товарищами по школе отправилась в воскресенье за город. Поехали на стареньком «рено», выпрошенном подругой у отца. Они весело провели время, а когда возвращались, при въезде в город заглох мотор. До начала «комендантского часа» оставалось минут сорок, и ребята вместо того, чтобы бросить машину и бежать к остановке автобуса, принялись копать в моторе. Появился патруль: «джип», ошестившийся винтовками солдат. Хотя «комендантский час» еще не наступил, национальные гвардейцы схватили подростков и увезли с собой.

Исидоро умолил с горечью закончил: — На следующий день крестьяне нашли тела застреленных парней возле дороги. Поодаль, в кустах, обнаружили девочек. Сестра нашего командира лежала лицом в траве. В спине у нее торчал солдатский нож.

Из-за туч выглянула луна, круглая, красноватая, словно раскаленная монета. Стала видна вся поляна. На ней перед самой палаткой два высоких шеста, между которыми провисла антенна.

— Оборудование радиостанции, как я понял, портативное? — спросил Элой.

— А как же иначе? Нам приходится все время кочевать. Иначе засекут. Впрочем, «оборудование» слишком громкое слово. У нас всего-то радиопередатчик марки «Коллинз» да блок питания — две металлические коробки. Еще, естественно, магнитофон, пишущая машинка — ваше будущее оружие. Чтобы перевезти всю аппаратуру, достаточно двух мулов.

Старик погонщик из местных крестьян, — рассказывал Исидоро, — один из тех, кто на своем крохотном клочке земли разбивает хлопковую или кофейную плантацию и трудится всю жизнь, не разгибая спины. Таких здесь большинство.

— А что привело его к партизанам?

— Его история в чем-то схожа с той, что пережита нашим командиром. Семья у него погибла. Вся целиком. Под бомбами.

Вдаваться в подробности Исидоро не стал. Элой Монтехо и сам был наслышан о бомбардировках сомосистской авиацией селений, подозреваемых в поддержке партизан.

Они вернулись в палатку, которая гудела от веселых молодых голосов. Успевшие понюхать пороху, наперебой вспоминали о боях, явно адресуясь прежде всего к Кристине.

Почти год Элой Монтехо проработал на «Радио Сандино»: вместе с Кристиной собирал материалы, беседуя с повстанцами Фронта, крестьянами, беженцами из городов, спасавшимися от расправ национальных гвардейцев, писал беседы и комментарии, читал их в эфир. Он полюбил новую беспокойную жизнь. Но после гибели Кристины — в том памятном бою у хижин на холме — его охватило страстное желание сменить пишущую машинку и микрофон на винтовку, самому сражаться с сомосистами не словом, а оружием.

Весной 1979 года был очищен от сомосистских солдат город Масая. И «Радио Сандино» впервые вышло в эфир, разместившись не в горном или лесном убежище, а в городском здании. Закончив передачу, Элой со всех ног бросился домой.

Чем ближе Элой подходил к дому, тем медленнее становился его шаг. Вокруг лежали сплошные развалины. С замиранием сердца юноша вышел на свою улицу и, все еще не веря глазам, застыл: от их маленького дома осталась только фундамента. Где же мать, отец, брат? — Все твои погибли.

Элой резко обернулся на старческий голос, раздавшийся за спиной.

— Да, да, сынок, погибли все, — печально кивал головою сосед, — и мать, и отец, и брат. Бомба угодила прямо в ваш дом. Мы по соседски сделали, что смогли, похоронили, как положено по христианскому обычаю.

Элой опустил голову. «Сегодня же отпущусь в отряд», — стучала в висках неотвязная мысль.

Летом нынешнего года Элой Монтехо принял участие в боях за город Ривас, километрах в ста от столицы Манагуа. Когда-то здесь окончил свои дни, раскачиваясь на виселице, родоначальник клана Сомосы — двоюродный дед первого диктатора. Был он бандитом, звали его Бернабэ, но люди дали ему прозвище Семь Платков. «Руки у него по локоть в крови, — говорили о нем. — Чтобы вытереть их, меньше чем семью платками никак не обойтись».

Город обороняли отборные сомосистские части под командованием полковника Алесию Гутьерреса. Полковник позаботился о том, чтобы укрепить и сам Ривас, и подступы к нему, поселок Ла-Вирхен. Через поселок пролегает единственное шоссе к Ривасу, по бокам которого тянутся гнилые топи и непроходимые джунгли.

Сандинисты неоднократно пытались захватить Ла-Вирхен. Но крутой холм перед поселком был утыкан крупнокалиберными пулеметами, базуками, артиллерийскими орудиями.

Элой Монтехо хорошо знал эти края — когда-то здесь рыбачили с отцом. Он и предложил командиру, команданте Эсекьелью, нанести удар в обход злосчастного холма.

— Для этого нужны вертолеты, а у нас их нет.

— В лесу и на болотах есть тропинки, — настаивал Монтехо. — Я проведу.

План был рискованный, но командование все-таки приняло его. Ведомые Элоем, партизаны на рассвете углубились в джунгли. Шли тихо, бесшумно, срезали махаче ветви, старались не хлюпать водой, когда по пояс проваливались в болотную жижу.

Через несколько часов отряд вышел к холму с тыла. Подползли поближе — и стремительный бросок.

Захваченные врасплох, металась солдаты. Многие бросали оружие, поднимали руки. Но те, кто совершил слишком много преступлений, чтобы надеяться на прощенье, не собирались сдаваться в плен. С одним из них — лейтенантом, в свое время командовавшим налетом на «Радио Сандино», — если бы Элой знал это! — вступил в единоборство Монтехо. Лейтенант нажал на спусковой крючок, чуть не уткнув ствол «Узи» в грудь сандиниста. Но очереди не последовало: сомосист не заметил, что расстрелял весь рожок. Ударом приклада юноша выбил автомат из рук гвардейца. Лейтенант выхватил его. Однако пустить его в дело не успел. Выстрелом в упор Монтехо прикончил врага.

После захвата безымянного холма с бою взяли Ла-Вирхен и вошли в Ривас. Местные жители высыпали на улицы, приветствуя освободителей. Элой отвечал на улыбки людей, пожимал чьи-то руки. Вдруг он увидел вынырнувший из-за угла «джип». Рядом с шофером сидел Исидоро, начальник «Радио Сандино».

Не дожидаясь, пока машина затормозит, Исидоро соскочил на землю. Они обнялись, радостно похлопывая друг друга по спине. Подъехал еще один «джип» с отрядом охранения: ушли в прошлое времена, когда радиостанция передвигалась на мулах.

— Мы сразу помчались сюда, — радостно сообщил Исидоро, — когда узнали, что город взят. Должны передать в эфир интервью с участником боев. Так что ты оказался здесь весьма кстати. Расскажи слушателям, что и как тут было.

Педро Мартинес уже тянул антенну через улицу — от крыши одного дома до другой.

«Я так мечтала прочитать сообщение, что Ривас освобожден», — вспомнил Элой последние слова Кристины. Теперь о взятии ее родного города сообщит он. Юноша поднес микрофон к пересохшим от волнения губам:

— Говорит «Радио Сандино» — голос Фронта национального освобождения имени Сандино! Передача ведется из Риваса. Город находится под контролем отрядов Фронта...

БОРИС ДЬЯЧЕНКО

Фото автора

“...ДЛЯ НОВЫХ ОБЫСКАНИЙ У РЕКИ ВИТИЯ”

ЭКСПЕДИЦИЯ ПРИМОРСКОГО ФИЛИАЛА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР ПРОШЛА ЧЕРЕЗ ПОРОГИ ЦИПЫ И ВИТИМА, ЧТОБЫ ВНЕСТИ ЯСНОСТЬ В СОХРАНИВШИЕСЯ «ОТПИСКИ» ОТВАЖНОГО РУССКОГО ЗЕМЛЕПРОХОДЦА XVII ВЕКА МАКСИМА ПЕРФИЛЬЕВА.

Лагерь на Могое, реке бассейна Ципы, недалеко от поселка Уакит, живет наполненной ожиданием, веселой и несколько беспорядочной жизнью, всегда предшествующей началу похода. Завтра выход, и все что-то пилят, стругают, увязывают, упаковывают, с нетерпением поглядывая на тихую, неширокую речушку, которая выведет нас на пороги и шиверы Ципы.

Руководитель экспедиции Леша Банников, фанатично преданный походам, занят сейчас проверкой плота. Вообще он не может и минуты усидеть на месте, постоянно что-то устраивая, изобретая. Он умеет делать все, и без него, строго поблескивающего очками, я не представляю, что наша экспедиция

могла бы состояться. Ведь все снаряжение мы достаем и изготавливаем сами...

Банникову помогает спокойный и рассудительный Саша Тетеряников, с которым чувствуешь себя легко и надежно. Рядом стучат топорами, делая настил для плотов, невозмутимый, но до ужаса упрямый Витя Саяпин и шумливый Сережа Шабельников, неоспоримое достоинство которого — умеренная сила.

На берегу собирают кухонную утварь наши женщины — завхоз экспедиции, маленькая Саня Надырова, молчаливая Катя Коробкина и тихая, даже застенчивая Оля Сунгоркина, которая находится здесь со своим мужем Володей, корреспондентом «Комсомольской правды» по БАМу.

Наконец спущены на воду два надувных плота.

На первых восьми километрах Могой — река мелкая, течение слабое, часто попадаются карчи, но глухих завалов нет. Только в

некоторых местах плот проходит с трудом. Затем долина выполаживается, и река течет по безлесной равнине, разбиваясь на множество протоков. Большинство протоков слепые, многие переходят в

озера. При полном отсутствии течения заблудиться здесь проще простого. Тут, на Могое, и далее, на Уаките, да и на первых 120 километрах Ципы никогда не подумаешь, что ждет путешественника дальше.

Без происшествий пройден Уакит и первая сотня километров Ципы. Мы подошли к метеостанции Ую. За ней начинаются пороги, перекаты и шиверы. Забегая вперед, скажу, что мы насчитали их ни много ни мало 175. Горы, которые еще вчера казались недостижимыми, сейчас с обеих сторон сжали русло реки. Спокойно-пляжная жизнь, которую мы вели в последние дни, закончилась.

Уже за очередным поворотом зарыблена вода. Скорость течения резко увеличивается, достигая 6—8 километров в час. Глубины Ципы даже на перекатах остаются довольно большими, до 2—3 метров. Это, пожалуй, не только не облегчает плавание, а скорее усложняет его. Мощные потоки как щепку бросают плот, и он становится почти неуправляемым. Если на большинстве рек Приморья сплавщики стараются идти на перекатах по струе, чтобы не сесть на мель, то здесь надо всеми силами уходить от основной струи, прижимаясь к мелководью, минуя стоячие волны, что возникает на стыке двух струй. Они в мгновение ока могут перевернуть плот.

...Одиннадцатый порог. Первый настоящий порог Ципы. Давно расцеплена спарка двух плотов; упакован слабосильный подвесной моторчик, под которым мы шли по тиховодью; все закреплено, надежны каски и спасжилеты. Первый плот отвалил от берега и, быстро набирая скорость, понесся к ревущему впереди порогу. Грохот водяных валов, вздыбившиеся пеной двухметровые стоячие волны, на какие-то секунды плот исчезает из виду, и вот уже пройдены обе ступени одиннадцатого порога и с ходу, без остановки, следующий — двенадцатый. Очередь за нами.

Все собраны и серьезны. Видно, от нервного напряжения слегка знобит. Толчок — и плот вылетает на стремнину. В это мгновение, когда уже нельзя повернуть назад, вдруг чувствуешь, что обрел спокойствие. Значит, пройдем!..

Мелькают с кинематографической быстротой новые пороги, и потихоньку в нас начинает зреть чувство самоуверенности и легкого презрения к опасностям. Но, как говорят, природа вначале предупреждает, а потом наказывает. Предупреждением стал самый опасный на Ципе каскад Ваймаканских порогов.

Теперь вернемся к началу плавания, точнее, к тому времени, когда зрела идея нашей экспедиции и в архивах кропотливо изучались карты, старинные документы и «отписки» атамана Максима Перфильева.

...В Якутске XVII века среди служивых людей и бесшабашной сибирской вольницы упорно ходи-

ли слухи о «великой реке, рыбной вельми», несущей где-то на юге, в таинственной Даурии, свои черные воды к «океяну-мору». Называли ту легендарную реку Амуром.

Рассказы о землях за Витимом и Олёкмой, часто приукрашенные, тревожили воображение...

Еще за три года до того, как землепроходец Иван Москвитин стал твердой ногой на берегах туманного и холодного Охотского моря, в 1636 году енисейский воевода послал «для новых обысканий у реки Витим» опытного казацкого атамана Максима Перфильева с отрядом из тридцати шести казаков и вольных людей. Четыре года добирался отряд до Витима, зима в Якутске, Олекминске, и только весной 1640 года поплыли казаки вверх по Витиму. Через восемь дней добрались они, как сообщил потом Перфильев в своих «отписках», до реки Цыпир, по ней плыли еще девять дней, пока «Большой порог» не преградил им путь. Через год была сделана еще одна попытка достичь Амура отрядом Бахтеярова, но и тот вынужден был вернуться, «заказав даже внукам своим зря не терять силы на чертовой этой реке». Но путь на Амур все же был найден — вначале Василием Поярковым, который прошел реку от устья Зеи до лимана и за три трудных года своего похода потерял более двух третей отряда, а затем и знаменитым Хабаровым, достигшим Амура по Олёкме.

Но обратимся вновь к Перфильеву. Кто же был этот атаман, первым пытавшийся нащупать путь на Амур? Мы не знаем, к сожалению, ни года, ни места его рождения и смерти, ни многих подробностей его богатой приключенческой жизни. Но знаем, что он трижды бывал на Ангаре, проходил по ней бурные Шаманский и Падунский пороги, основал Братский острог, впервые сплавился по Лене к Ледовитому океану. За время своих странствий Перфильев приобрел большой опыт в плавании по порожистым и быстрым рекам и умение ладить с местным населением и — что, быть может, самое важное — собрал много сведений о крае. Такого человека могло остановить лишь и вправду непроходимое препятствие, о котором он не знал ранее. А не знать он мог — ведь звенки, населяющие эти края, передвигались в основном по зимникам и скованным льдом рекам; русские же сплавились по рекам летом...

Так какой же порог оказался непреодолимым для отважного первопроходца? Снова изучаем карты и «отписки» атамана. Что-то тут явно не складывается.

Восемь дней плыли по Витиму... Но от устья Витима до устья Ципы, которую, как предполагали до сих пор, и имел в виду Перфильев, называя ее Цыпир, более 800 километров. Значит, ему надо было делать по сто с лишним километров в день на веслах вверх по течению, что практически невозмож-

но. Далее. От устья Ципы до порогов около 150 километров, которые Перфильев шел девять дней. Такое различие в скорости вызывает невольные сомнения. Да и вообще, зачем ему было сворачивать в приток, уводящий в сторону от маршрута, когда сам Витим вел на юг, прямо к цели? Где же ошибка?

Стоп! Мы забыли про Парам — самый знаменитый порог Витима. Его и сейчас, хотя порог уже основательно расщипен, с трудом преодолевают мощные катера, да и то не во всякую воду. А для вельских судов и по сей день он непроходим. И находится он гораздо ниже устья Ципы. Может быть, Парамский порог и остановил Перфильева?

Но какую реку имел тогда он в виду, говоря о реке Цыпир? Как известно, географические названия за прошедшее время часто менялись — вполне вероятно, что название Цыпир мог носить любой приток Витима или даже какая-то часть его течения. Также вполне возможно, что была допущена ошибка при прочтении и переводе «отписок». Может, они плыли девять дней не «по ней», а «за ней». Если считать, что Перфильев плыл еще девять дней после впадения какой-то реки, называемой им Цыпир, до «Большого порога», то этой рекой мог быть скорее всего современный Мамакан, а «Большим порогом» — Парамский.

Однако одни архивные поиски подтвердить нашу гипотезу не могли. И вот летом 1978 года мы решили пройти по рекам Ципе и Витиму — по наиболее сомнительному участку пути Перфильева.

Мы знали, что впереди Ваймаканский каскад, но не ожидали его так скоро. И вот за поворотом показался перекат. Но что это? Река сузилась, скорость течения резко возросла, в центре потока пенятся мощные буруны, и мы с ходу влетаем в них. Вокруг стоит рев взбесившейся воды, не слышно команд, некогда оглянуться на ребят, старающихся удержать корму по течению... Выскочив из этой круговерти и не успев еще прийти в себя, мы влетаем в следующие буруны, еще страшнее первых. Ну и перекаты пошли! То и дело ныряя в двухметровые валы, мокрые до нитки, с залитым водой плотом и съехавшим вперед грузом, зажавшим нам ноги, упорно пробиваемся сквозь стремнину. Выйдя наконец на чистую воду, пристаем к правому берегу. И тут нас начинает брать подозрение, что таких перекатов не бывает, а значит, это пороги Ваймаканские.

Чтобы окончательно убедиться, а заодно и разведать дальнейший путь, идем осматривать участок реки за поворотом. Так и есть. Впереди третий порог каскада, причем самый сложный...

Надеваем штормовки, крепим груз, и оба плота отчаливают с интервалом в 50 метров. Первый плот быстро уходит вперед по струе. Мы летим вслед за ним. Видим: его развернуло лагом (не выгребли!), и на какое-то мгновение он исчез в бурунах. В это время входим в порог и мы. Вот вновь мелькнул оранжевым пятном первый плот, а мы, стараясь удержать нос по течению, ринулись в мощный слив. Плот поставило почти вертикально, вновь съехал груз, мы откинулись назад и с маху врезались в трехметровый вал. За ним в следующий. Вынырнув, увидели, что первый плот миновал порог. Вскоре и мы были в безопасности.

Ну что ж, такой порог действительно непроходим снизу. Хотя... Горы здесь подходят не вплотную к реке, и даже в большую воду можно организовать волок по берегу. Но стоит ли? Только ради того, чтобы, преодолев все трудности, выйти наконец к озеру Банут? Но ведь это не путь на Амур...

На последнем, 119-м пороге Ципы наш плот перевернулся. Снова просчитались, опять подвела большая вода — пройдя поворот, неожиданно вошли в порог... Вода тащила меня как щепку, не выпуская наверх. Я делал отчаянные усилия выплыть и наконец почувствовал, что вырвался. Сразу увидел плавающих рядом ребят и Олю. Ниже плыл перевернутый плот. Течением нас раскидало, и на берег выбирались порознь. Первым достиг берега Саша и бросился догонять плот. Олю и Витю вынесло на косу метрах в пятистах ниже. К чести Оли надо сказать, что она, невзирая на испуг, не выпустила из рук весло.

В это время второй плот, чудом проскочивший по краю слива, бешено работая, греб к берегу. Ребята помогли Саше пришвартовать плот и стали рядом. Когда все собрались, подсчитали потери: три фотоаппарата, часть продуктов, вся посуда. Теперь до ближайшего поселка будем варить в банке изпод горячего, а ложки заменим нехитрыми самодельками.

И вновь ровно стучит мотор. Ципа стала пойменной рекой, течение более спокойное, порогов нет. А вот и устье. В месте слияния Витим гораздо шире и многоводнее, чем Ципа. Скорость течения обеих рек приблизительно одинакова, причем Витим несет свои воды с юга, а Ципа вливается в него почти под прямым

углом. Идя снизу, спутать основную реку с притоком невозможно, и поэтому совершенно неясно, если верить принятому прочтению «отписок» атамана, что могло заставить его идти на Ципу.

Дальше наш путь лежит по Витиму.

Пройдена Вамбуйка, маленькое село на одноименном притоке, несколько шивер, и мы подошли к месту будущего строительства Мокской ГЭС. Пока это два домика изыскателей, штольня, прорубленная в скале на правом берегу реки, да полуразрушенный поселок на косе, где обосновались изыскатели. Вокруг звенящая та жекая тишина...

Но вот Витим вырывается из теснин Южно-Муйского хребта, разливаясь на просторе в километровую ширину. Муйская котловина. Рядом с чернеющим хребтом светятся окошки лагеря изыскателей. Тут пройдет БАМ.

На подходе к Парамскому порогу Витим замедляет бег, словно готовясь к прыжку. Печальная слава этого порога родилась еще в старые времена, когда через него сплавляли лес в плотах и пускали разгруженные карбасы на волю волн, чтобы внизу выловить не больше половины из них. Остальные порог разбивал в щепки. Груз же переправляли посуху, по скалам. Сплавщики и лоцманы работали здесь поколениями.

Сейчас порог, как мы уже говорили, основательно расчищен взрывными работами. Но и поныне проход каравана барж через Парам — зрелище удивительное. Почти скрываясь в белых бурунах, режет волну судно, ведя на коротком буксире вереницу барж среди кипящих волн. Низкий гул мощного дизеля многократным эхом отзывается в прибрежных скалах: его слышно даже среди грохота воды. Это в малую воду.

В большую — поток перехлестывает скалы на правом берегу, и река идет двумя протоками, разбиваясь от торчащие вокруг гранитные глыбы. У порога — и снизу и сверху — скапливаются суда и баржи с грузом, ожидая спада воды, ибо ни один капитан, ни один лоцман не рискнет в это время войти в порог. Об уровне воды судят по заметному камню на левом берегу — его называют Проводником. Если камень сухой или закрыт водой не более чем наполовину, значит, пройти еще можно. Но если он скрылся под водой, нечего и пытаться.

Перед порогом идет довольно длинная, около двух с половиной километров, шивера. Ширина реки на пороге — метров 50—70, и вся вода устремляется в эту

узкость, ограниченную мрачными скалами. Скорость потока даже в малую воду около 20 километров в час. Все это мы изучили заранее, но только на месте смогли убедиться, как страшно и одновременно красиво это препятствие.

Сам порог представляет собой метровую ступень почти по всей ширине реки. У левого берега ступень исчезает, но в этом месте две струи, сшибаясь, образуют стоячие волны четырехметровой высоты, и проход там на любых гребных судах невозможен. Ниже порога шивера продолжается...

После длительной разведки мы рискнули и, дважды пришвартовавшись к берегу, выбрали наиболее безопасный путь и прошли порог довольно чисто. Сказались, конечно, приобретенный на Ципе опыт и еще в большей степени малая вода.

Но порог непроходим, если идти снизу вверх на гребных судах или на бичеве. Тут двух мнений быть не может. Даже не принимая во внимание огромную встречную скорость течения, против которой не выгребешь и вряд ли даже проведешь на бичеве, с левого берега мешают проходу стоячие волны, а с правого — мощный слив. К тому же берега труднопроходимы и волок невозможен. Причем все эти выводы сделаны, естественно, лишь для малой воды.

У Максима Перфильева было два выхода — либо выше порога построить новые суда, либо ждать зимы и организовать волок по льду. Но этого Перфильев, как явствует из его «отписок», не сделал. Значит, можно с уверенностью сказать, что Парамский порог им пройден не был. Это тем более достоверно, что за всю историю плавания по Витиму со времени заселения его русскими не было ни одного случая прохода порога снизу вверх на веслах. Но если бы все же Перфильев и прошел Парам, тогда непонятно, почему его остановили пороги Ципы, не более сложные, чем этот. Мы не будем уже вновь разбирать явное несоответствие километража и скорости плавания Перфильева, если принять ципинский вариант.

Единственная оставшаяся неясность — это современное название реки, которую Перфильев упоминает под именем Цыпир. Разрешение этого вопроса требует от специалистов большой архивной работы и исследований в области топонимики рек бассейна Витима. Мы надеемся, что наша экспедиция пробудит интерес историков и лингвистов к одной из ярких страниц эпохи освоения Сибири русскими людьми.

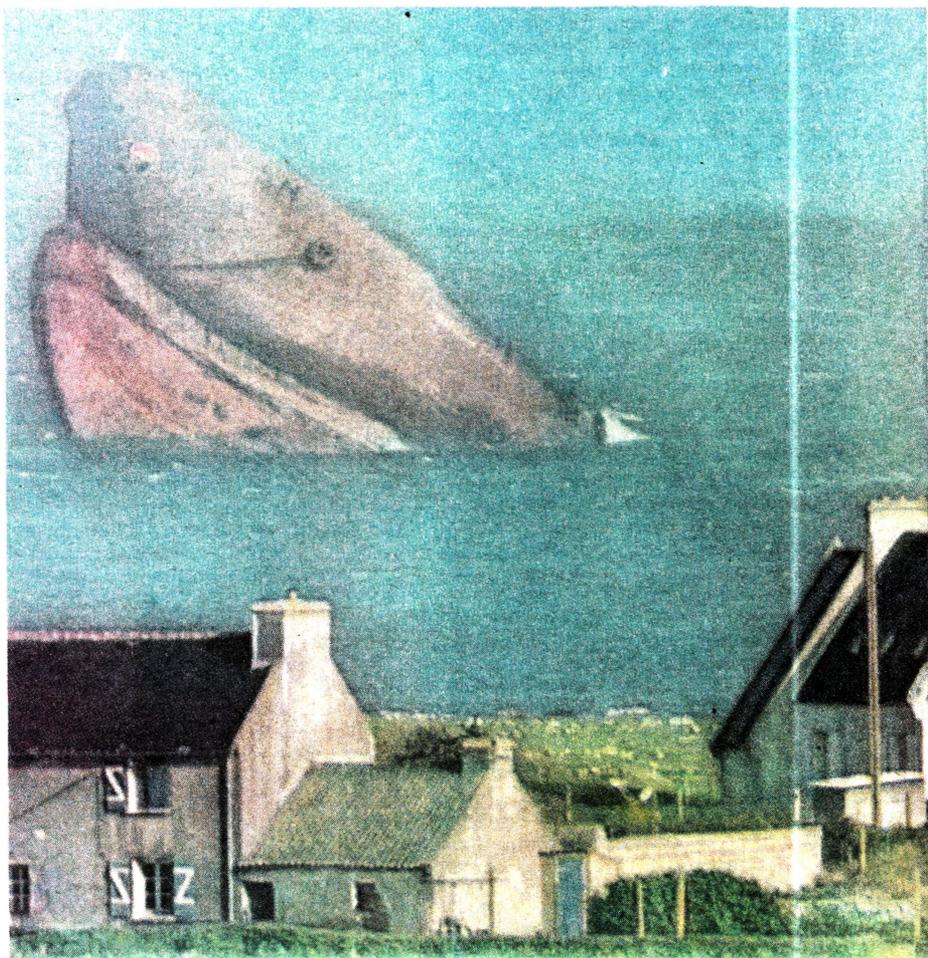
КАТАСТРОФА

В тот четверг, 16 марта 1978 года, Атлантику штормило. Резкие порывы юго-западного ветра несли холод и дождь. Люди прятались по домам, слушая бесконечные, тоскливые, жалобные завывания «мезамор» — «голоса моря» — так бретонцы зовут этот ветер. К вечеру, в половине пятого, двое насквозь вымокших рыбаков пришли к мэру деревушки Жюлю Лежандру:

— Танкер штормуется в опасной близости от подводных рифов. Очень крупный танкер. Нам показало, у него что-то не в порядке...

Лежандру не надо было долго объяснять. Он сам плавал на танкерах и понимал, какая опасность грозит деревушке. Мэр связался с властями коммуны в Плудальмезо, потом — с портом Бреста, откуда пришел успокаивающий ответ: за танкером установлено наблюдение, послан буксир, чтобы отвести терпящее бедствие судно в безопасное место.

К тому времени экипаж танкера «Амоко Кадис» уже несколько часов сражался со стихией. Огромный 340-метровый корабль, собственность «Американ интернэшнл ойл компани», хотя и плавающий под либерийским флагом, шел обычным рейсом из Персидского залива в Роттердам, забрав в танки около 220 тысяч тонн нефти. В порту у бе-

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ БРЕТАНИ

регов Южной Африки каждому танкеру по международным правилам положено пройти технический контроль. На «Амоко Кадис» обнаружили неисправность лебедки одного из якорей, но посчитали это мелочью и разрешили продолжать рейс.

Утром 16 марта танкер находился у входа в Ла-Манш, следуя специальным — десятимильной ширины — «коридором», установленным для нефтеналивных судов. В 9.45 на траверсе острова Уэссаи произошла серьезная авария руля. Танкер потерял управление. Капитан корабля, итальянец Паскуале Бардари, вызвал по радио помощь. Этот вызов передали на западногерманский буксир «Пасифик», ближайшее спасательное судно, находившееся в Брестском порту. Капитан буксира в соответствии с должностным регламентом запросил из Гамбурга разрешение своей спасательной компании.

Пока шел обмен радиogramмам,

погода ухудшилась. Начался шторм. Танкер неуклонно сносило к берегу. Отдали якорь. Не помогло: при сильном волнении якорь не держал, а второй отдать было нельзя — подвела лебедка.

В 12.20 «Пасифик» приблизился к попавшему в беду танкеру. Завели буксирный конец, однако на этом спасательные работы приостановились. Капитан буксира Хартмут Вайнерт, руководствуясь полученными инструкциями, устроил с капитаном Бардари яростный торг в эфире.

Три месяца спустя Бардари заявит перед следственной комиссией: «Немецкий капитан угрожал обречь трос, если судовладельцы не предложат выгодных условий». Наконец стороны сговорились по известной формуле Ллойда: «не спас — не получишь». Суть контракта заключалась в том, что в случае успеха спасательной операции судовладельцы выплачивали 10 процен-

тов стоимости груза, а в данной ситуации это составляло солидную сумму в два миллиона долларов.

На переговоры ушло три часа. Наконец «Пасифик» снова попытался отвести танкер в открытое море. Но уже через четыре минуты буксирный конец лопнул. Потребовалось еще три часа, чтобы в десятибалльный шторм завести новый конец. И вновь его словно отрезало ударом волны. Стало очевидно, что «Пасифику» не под силу вывести танкер из опасной зоны.

Только теперь обнаружилось, что первый призыв капитана Бардари о помощи гамбургская компания передала еще одному своему буксиру — «Симсону», вдвое более мощному. Утром «Симсон» находился в Ла-Манше, недалеко от Шербура. Самонадеянный капитан «Пасифика» Вайнерт отказался от помощи второго буксира, не желая ни с кем делиться премией. А теперь вызывать «Симсон» было поздно —

он не успеет. Нечего рассчитывать и на помощь французов: в их флоте нет столь мощных единиц.

В 21.04 скала зловеще царпнула дно танкера. Час спустя «Амоко Кадис» прочно сидел на рифе Мен-Гульвен. Рванувшаяся в пробойны вода затопила машинное отделение. Штормовую тьму прорезали красные ракеты, в эфир помчался сигнал «SOS». К двум часам почти военные вертолеты спяли с обреченного корабля команду, а на рассвете 17 марта тапкер разломился.

Инспектор Британской спасательной службы Лесли Мейпард, почти всю ночь простоявший на мостике вместе с капитаном Бардари, расскажет потом журналистам: «Корма прочно сидела на рифе, а нос со скрежетом занесло влево, и мы увидели, как он вздымается вверх». Потоки нефти низверглись в море. Для рыбаков Портсалья наступило

СТРАШНОЕ УТРО

Их разбудил всепроникающий запах нефти. Одевались торопливо, в потемках, на ходу застегивали непромокаемые куртки и выбегали в сырые рассветные сумерки.

Еще свирепствовал ветер, светлеющий горизонт волнистой полоской отделялся от темного моря, а здесь, у берега, была тишина. Тускло поблескивала темно-коричневая масса, подавившая всякое движение, всякую жизнь. Береговой песок устилал тридцатисантиметровый липкий слой водно-нефтяной эмульсии.

Вернувшиеся из бухты сборщики водорослей рассказывали, что из распоротых внутренностей гиганта нефть хлещет струей... Потом подсчитают, что в море вытекло более 200 тысяч тонн нефти.

Рыбаки с ужасом смотрели, как в шоколадной жиже беспомощно барахтаются чайки, крачки, бакланы. Жирная мазь налипла на крылья, склеила перья. И, словно осознавая тщетность своих усилий взлететь, птицы издавали раздражающие душу предсмертные крики.

К оцепеневшей толпе подошел мэр:

— Что стоите? Если мы не хотим разделить участь птиц, надо бороться!

Прибыли пожарные и жандармы, привезли ведра, лопаты, один маломощный насос. Холод сковывал движения.

За день отчаянной, выматывающей силы работы убрали всего 150 тонн, а из танкера лилась и лилась нефть. Приливом ее выбрасывало на уже очищенные участки пляжа вместе с погибшими рыбами, птицами, моллюсками, водорослями.

Оказалось, что разработанный на случай подобной катастрофы аварийный план никуда не годен. Шторм препятствует выкачке остатков нефти из танков «Амоко Кадис». Плавающие барьеры теряют всякую эффективность при волне выше полутора метров и сильном течении.

А между тем западный ветер погнал языки шоколадной жижи вдоль побережья. Почти четыреста километров берегов Бретани покрыла губительная пленка. Нефтяное пятно длиной около 70 километров зловеще вытянулось в сторону островов Гернси и Джерси. Угроза нависла над крупнейшим в Западной Европе приморским заповедником, где обитают двадцать пять тысяч птиц — преимущественно редких видов. Префектура Бретани сообщила неутешительные вести: «Десять тысяч человек должны напряженно работать в течение двух месяцев, чтобы хоть частично очистить побережье». Собственных сил было до смешного мало. Оставалось рассчитывать на

ПОМОЩЬ СО СТОРОНЫ

Во вторник 21 марта стали прибывать армейские подразделения и отряды добровольцев со всех концов страны. И здесь возникло новое препятствие. Во Франции не нашлось мощных насосов, способных откачивать нефть. Пришлось ввозить их из-за границы. Специальные самолеты доставили в Париж вакуумные насосы, которые могут выкачать до тысячи тонн водно-нефтяной смеси в час. Но всевозможные дорожные неурядицы задержали транспорт, и насосы прибыли, когда начался новый шторм.

Был еще один способ борьбы с разлившейся нефтью: осадить ее на дно с помощью специальных химических. Но мэр Портсалья категорически воспротивился этому. «Десяток лет назад, — доказывал Лежандр, — во время катастрофы танкера «Тэрри Кэмпон» применили химически активные вещества. Поверхность моря очистилась, но погибла вся донная фауна. За многие годы она так и не восстановилась полностью. У берегов Бретани этого делать нельзя: здесь расположены крупнейшие устричные хозяйства, да и сбор морских водорослей дает средства к существованию многим семьям».

В свою очередь, Лежандр пытался добиться разрешения поджечь

нефть, но центральные власти не поддержали его. В конце кошцов берег посыпали тальком. Смешиваясь с нефтью, он образовывал комки, которые граблями собирали в цистерны. Спасательные работы обошлись в 460 миллионов франков. Но это далеко не все

ПОСЛЕДСТВИЯ КАТАСТРОФЫ

«Море умерло» — так написал один из местных рыбаков на щите у причала, рядом с ненужной уже лодкой. Другой рыбак пожаловался журналистам: «Семь лет я старался выплатить кредит за свою шаланду. Теперь она мне ни к чему». Вплоть до конца мая 1978 года выход в море был запрещен, а ведь путина у бретонских берегов закапчивается в июне. Летом в спокойную погоду рыба вроде начала появляться. Но вместе с осенними штормами пришла беда. Камбала и макрель почти исчезли. Сайду словно ветром сдуло. Кефаль и морской язык поражены опухольями. Остались одни окуньки. «Раньше я вылавливал за неделю по центнеру сайды, — зло цедит Ивон Кермор, — а теперь...» Он молча показывает на дно своей лодки, где сиротливо лежат четыре мелкие рыбешки.

В чем дело? Спасатели выкачали

и собрали около тридцати тысяч тонн нефти. Полагают, что примерно 90 тысяч тонн испарилось в атмосферу в первые недели после катастрофы. Около ста тысяч тонн осталось в океане. «Теперь каждый ураган мы встречаем как благословение, — говорит Клод Шассе, профессор биологии Брестского университета. — Океан швабрит наши скалы и пляжи...»

Видно, долго придется работать океану. Прибрежный песок и ил крепко пропитались нефтью. Как только отлив осушает аберы — узкие фьордообразные бухточки, сейчас же в мелких ямках и углублениях дна выступает нефтяной «бульон». Штормы больше не выбрасывают на берег водоросли — это тоже плохой знак. Рыба покинула прибрежные воды. Ловить можно далеко в море. Для мелкого суденышка такой рейс слишком длителен: только ходовое время занимает в оба конца около десяти часов. Да и небезопасно на таких судах удаляться от берегов.

От нефтяной чумы пострадала не только рыба. Ущерб нанесен угольям бурых водорослей. Впрочем, длинные и тонкие четырехметровые скубиду или облюбовавшие подножия подводных скал гоэмоны выдержали «черный прилив» лучше, чем ожидалось. Но на грани полного уничтожения оказались устрич-

ные хозяйства, одно из относительно доходных занятий в этом небогатом краю. Устричные банки расположены в мелководных бухтах, как раз там, где еще не один год будет сказываться загрязнение.

Робер Ансер, владелец одной из ферм в Абер-Бенуа, к северо-востоку от Портсалия, совсем разорился, как и многие его коллеги: «Я уничтожил своих устриц. Их уже нельзя продать. Государство выплатило компенсацию, но это капля в море. Очистка абера обойдется в триста миллионов франков. Я и четверо рабочих вымываем из трясины нефть, но приходит прилив и снова вдавливают ее на уже очищенные места».

Весной 1979 года сделали попытку засадить молодыми устрицами оставшиеся сравнительно чистые банки. Молодь прижилась, но собирать урожай можно будет только в 1983 году. Как фермеры проживут эти годы?.. И где гарантия, что не произойдет

НОВОЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ?

Вопрос не такой уж праздный. За короткий промежуток времени, всего за какой-то десяток лет, побережье Бретани четырежды испытывало «черный прилив»: в марте 1967 года шторм пригнал от берегов Корнуэлла нефть, вылившуюся

из танкера «Торри Каньон», покрывшую маслянистой пленкой берег на несколько десятков километров; в январе 1976 года севернее острова Узсан разбился танкер «Олимпик Бреверия»; в октябре того же года несколько южнее потерпел катастрофу танкер «Белен»; а в марте 1978 года — «Амоко Кадис».

А список жертв на нефтяной дороге в Европу продолжается. 18 октября 1978 года греческий танкер «Кристоф Битас» потерпел аварию близ берегов Западного Уэльса. К счастью, его груз успели перекачать в подоспевший британский нефтевоз. 31 декабря 1978 года близ островов Сисаргас, в районе «берега смерти» (так называют опасное для плавания северо-западное побережье Испании), загорелся греческий танкер «Андрос Патриа». Сохранивший присутствие духа механик включил автопилот и направил корабль прочь от берега, однако из разорванных взрывом танков в Атлантику вытекло около 60 тысяч тонн нефти. 28 апреля 1979 года в восьмидесяти километрах западнее Бреста после столкновения с другим судном затонул либерийский танкер «Джино». Груз состоял из так называемых «твердых» нефтепродуктов, которые не должны растворяться и растекаться при низкой температуре придонного слоя воды. Однако две недели спустя около танкера было замечено разрастающееся маслянистое пятно — новая угроза для бретонского побережья...

Число жертв растет, хотя загруженные танкеры обязаны теперь идти в Ла-Манш гораздо мористее. Кроме того, в целях предотвращения столкновений «коридор» следования нефтеналивных судов расширен до 50 километров, и при входе в этот «коридор» капитан обязан информировать соответствующие береговые службы. Но судовладельцев мало заботит выполнение требований безопасности судоходства. Халатное отношение к техническому состоянию судна, пренебрежение штормовыми предупреждениями, плохая выучка экипажа, что характерно для кораблей «дешевых» флагов, — все это легко может вызвать новую катастрофу. Население атлантического побережья Европы по-прежнему живет в страхе нового «черного прилива», который грозит на долгие годы нарушить зыбкое экологическое равновесие морской среды.

Когда в летний день солнце заглядывает на бретонское побережье, приезжему местность покажется чуть ли не раем: золотится мелкий песок на пляже, нежной голубизной отливает море, ласково освежает лицо дыхание бриза. Разве что одно непривычно: не видно

кружащихся над голубыми просторами чаек, не слышно их пронзительных выкриков. Нет и характерного йодистого запаха выброшенных на берег бурых водорослей. Если спросить об этом жителя Портсалья, он угрюмо бросит: «Подожди те шторма».

Сорвется штормовой ветер, воздух пропитается запахом нефти, а серые, пенистые волны, накатившись на берег, выбросят на пляж переливающиеся радужной пленкой нефтяные пятна. И жители Портсалья снова вспомнят день катастрофы, 16 марта 1978 года.

Д. ЦЭМБЭЛ,
монгольский журналист
Фото Э. НОВГОРДОВОЙ

ОБЛЕПИХОВЫЙ КРАЙ МОЙ

В детстве я считал, что нет на свете гор прекраснее снежных вершин Цаган-Хайрхана и милее речки, чем маленькая Давхар-Усан. Сколько лет прошло — убедился: правильно считал. Все прекрасное, что существует на планете, — все есть в моем маленьком родном уголке. И весь огромный земной шар без него не будет для меня полным. С детства мне в душу глубоко запали слова дяди: «Вся красота мира начинается с горы Цаган-Хайрхан, а все речки, ручьи и родники берут на ней начало и через реку Давхар-Усан впадают в мировой океан жизни. Запомни: для тебя родина и жизнь начинаются на вершине Цаган-Хайрхана!»

С вершины Цаган-Хайрхана я любил смотреть на пять соседних аймаков.

Я смотрел, как волнуется голубое сокровище наших гор — озеро Хяргас-Нур. Утром солнце медленно поднимается из глубины озера. Ночью огромное небо со звездами и луной опускается в озеро.

Мое детство — тысячи вопросов: «Почему?» Со временем жизнь ответила мне на многие из них. Но все мои жизненные пути начались здесь, на вершине Цаган-Хайрхана.

ЗИМНИЕ СКАЗКИ

Вечером мы с дядей загоняли овец в загон и садились у очага. Не спеша вытащив из шелкового кисета халцедоновую табакерку с затейливой вязью на боках, он доставал серебряной лопаточкой щепоть нюхательного табака, насыпал между большим и указательным пальцами и, глубоко втянув

в нос, начинал сказку. Не было ни одной ночи без сказки. У нас говорят: «Кто услышит много сказок, у того будет полная жизнь». Сколько же сказок было у дяди в запасе! О Джангаре, который уничтожил пятнадцатиглавого дракона. О хитроумном бродяге, который ходил по кочевкам-хотонам и рассказывал веселые небылицы, которых у него было семьдесят. О пещере на горе Цаган-Хайрхан: в ней когда-то поселился монах-отшельник. После его смерти ходили слухи, что в пещере опять кто-то живет. Однажды зимой люди увидели на снегу следы босой человеческой ступни, которые вели к пещере. Никто не мог сказать, чьи они, но все считали, что это следы снежного человека — хозяина горы Цаган-Хайрхан.

Глядя на тлеющие в очаге угли, я теснее прижимался к дяде...

Дядя говорил мне, что настоящий мужчина всегда встает с зарей. Чуть брезжил холодный зимний рассвет через верхнее отверстие, я быстро вскакивал и выбегал из юрты. У загона-хашана меня уже ждал дядя с отарой овец. И мы гнали скот к подножию горы Цаган-Хайрхан, которая мрачно вырисовывалась впереди в предрассветных сумерках.

Зимой в наших горах очень холодно. Резкий ветер с колючим снегом сбивает с ног. Иногда пурга длится несколько дней, закрывая серо-белой беснующей пеленой

пространство. Дороги не видно. Тогда мы с дядей загоняли стадо в заище среди скал, разводили огонь. Овцы сбивались в кучу, согревая друг друга, мы же, грызя твердый кислый арул — катышки сушеного молока, попеременно грелись у костра: надо было следить за овцами, стереж их от волков. Огоньки глаз, мелькавшие в ночи, и жуткий вой хищников наводили на меня страх. Так длилось порою по двое, а то и по трое суток.

Утихала пурга, и мы, измученные, голодные, но не побежденные стихией, возвращались домой.

«Вершину горы — толщина льда и снега давят, мужчине тяжесть лет давит», — говорят у нас в народе. Моего дядю давили его годы. Он прихрамывал на одну ногу, но делал любую тяжелую работу, так что мне, малышу, оставалось лишь спонять разбежавшихся и отставших овец и коз да собирать аргал и хворост для костра.

Как-то, отыскивая разбредшийся скот, я оказался у самой пещеры хозяина Цаган-Хайрхана — снежного человека. Вспомнив рассказы дяди об обитателе этой пещеры, я с опаской, но и с любопытством заглянул внутрь. Пещера была пуста, земля покрыта толстым слоем овечьего помета, в углу белели кости. На стене виднелись какие-то надписи, местами стершиеся.

Спускаясь в долину, я пытался увидеть следы снежного человека, но тщетно.

Как-то ночью, когда мужчин в доме не было, мы с мамой сидели у очага. На улице поднялась сильная пурга, слышно было, как ветер бешено трепал края войлока. Я прижимался при каждом порыве ветра к маме, как избалованный ягненок.

Вдруг мама прислушалась к чему-то, и я явственно почувствовал, как часто забилося ее сердце. И услышал протяжный жуткий вой, который перекрывал звуки пурги.

— Слышишь, сынок, это на вершине Боохоя лает Горная собака...

— Что за Горная собака? — уже успокоенно спрашиваю я маму.

— Имя ее называть нельзя, — испуганно шепчет мама. — Когда эта собака слышит женский крик — она так трясется от смеха, что слышно, как весело похрустывают ее ребра, а когда услышит голос мужчины, так задрожит от страха, что ее ребра хрустят с перецугу.

— Но я же мужчина, — пытаюсь пересилить страх.

Мама тем временем достала из сундука мягкую, как шелк, шкурку трехмесячного ягненка и несколько кусков белого войлока.

Дверь юрты распахнулась, впуская клубы холодного воздуха и снега. На пороге появилась соседка — добросердечная бабушка Бувэй-эджи. Она прошла в правую сторону юрты — женскую половину — к задернутой пологом кровати. Бувэй-эджи насыпала перед кроватью высушенный овечий помет, хорошо хранящий тепло, по-

крыла сверху войлоком в несколько слоев, а потом шкуркой ягненка и уложила маму на кровать. Потом сказала мне: «Иди, сынок, посчитай лошадей на улице». Это значило, что мне, мужчине, нечего делать сейчас в юрте.

Вскоре нашу старенькую юрту огласил крик моего новорожденного брата. А это значило, что теперь у меня к заботам о козлятах и ягнятах прибавятся заботы о младенце. В монгольской степи старшие дети всегда опекают младших. Я так долго ждал, что появится младший братишка, что мне показалось: от этого первого крика исчез вой пурги и волков. Это случилось в феврале, накануне Цаган-Сара — монгольского Нового года.

В Цаган-Сар жители нашего хотона надевали праздничные дэли, нарядно подпоясанные оранжевыми хадаками, и, захватив вареную баранью грудинку, борцоки — кусочки теста, сваренные в жире, и молочную водку, направлялись к вершине горы, а потом ходили угощаться друг к другу.

Целый день и целый месяц животноводы празднуют Цаган-Сар — Новый год, радуясь тому, что кончилась зима; готовятся к наступающей весне, к окоту и приплоду скота.

Для монгола скот пяти основных видов — овцы, козы, верблюды, коровы и лошади — основа жизни и благополучия. Все, что окружает скотовода, и все, чем он

пользуется и живет, дает ему скот. Потому и любит монгол животных. А коня просто боготворит.

ВЕСЕННЕЕ КОЧЕВЬЕ

Мой дядя слег незадолго до того, как началось весеннее кочевье. За день до смерти он положил руку мне на голову и сказал: «Сынок, ты уже не семенишь позади, а выравниваешь свои шаги с мужскими...»

Ранней весной по едипственной утоптанной тропе караваны наших верблюдов потянулись к озеру Хяргас-Нур. Когда мы достигли хребта Тогтохын-Шил, навстречу подул сильный, сбивающий с ног ветер. Холодный и порывистый, он как будто хотел остановить меня: «Воротись назад, мальчуган! Тебе здесь нечего делать. Вперед идут только мужчины!..»

Но, сказав зубы, я упорно шел вперед с караваном. Первый хребет позади...

За этим хребтом, первым в моей жизни, осталось мое детство. Может быть, немного раньше времени. Но в Монголии считают: «Мужчиной становятся тогда, когда рука дотягивается до луки седла, а нога — до стремени».

Уставшие, голодные, мы спустились в долину Хяргас-Нур. Нас встретил запах дыма и домашнего очага. Перед нами появилась старая женщина. Она поднесла путникам горячий монгольский чай в большом медном кувшине, обернутом войлоком.

— С благополучной перекочевкой! Да будет вам белой дорога! — говорила она, разливая чай по деревянным пиалам, вырезанным из корней березы. Так всегда встречают тех, кто идет на весенние пастбища. Ведь любая перекочевка — тяжелое и сложное дело, кочевать можно только вместе. Не случайно говорят в народе: «Когда идешь по одной дороге со всеми — забудь, что ты один!»

Но то был только первый перевал. Белая дорога вела нас дальше.

...Раздумывая о своем, я не заметил, как отстал от каравана. С испугом озирался я кругом. От мой ног, змеясь между холмами и отрогами, убегало несколько дорог — по какой из них ушел мой караван? Я закричал — мне вторило только эхо.

Затерявшийся среди холмов и гор, одинокий и голодный, я верил, что меня найдут. Меня действительно отыскивали пастухи из нашего хотоа. Они привезли меня в красивый поселок, где стояли большие белые дома с прозрачными окнами. Хотон этот назывался, как и озеро — Хяргас-Нур.

Старики сказали, что этой весной будет большая трава и хороший

приплод скота. Довольство и благополучие войдут в каждую семью. Об этом они слышали собственными ушами от самого Аражав, который встает очень рано и успевает обойти весь мир и ложится спать лишь поздней ночью.

«Кто это такой, Аражав, который все знает и все всем объясняет?» — думал я.

Оказывается, это был небольшой ящик, величиной с плитку кирпичного чая. Когда его крутили за ухо, он гремел во всю мочь. А я, не зная, что такое «аражав» — старики так произносили слово «радио», — поражался, как этот великан мог поместиться в маленьком ящичке...

ИГРЫ В ЛЕТНЮЮ ЛУННУЮ НОЧЬ

Когда окрестности Цаган-Хайрхана оделись в зеленый наряд, люди погнали скот на сочные пастбища у его подножия. У нас говорят: «Если выберешь солнечное место для стоянки — три летних месяца будут счастливыми!»

На зеленом ковре пастбищ, словно белые пуговицы, виднелись юрты, рассыпались отары овец. Весь мир казался мне нарядным. Надел свой новый дэли и я.

Для меня не было большего счастья, чем в новом дэли пойти играть в «цаган-модон». Лунной светлой ночью парни и девушки собираются, одевшись в лучшие наряды, на красивой полянке и играют, изображая белого верблюда, волка, лису, в прятки. Один из играющих с криком «Раз-два-три!» бросает палочку — «цаган-модон» подальше, в темноту. На счет «три» все бросаются ее искать.

Тот, кто первый находит ее в густой траве, с криком: «Палочка счастья у меня!» — быстро бежит к тому, кто бросил. Остальные кидаются к нему, пытаются отобрать палочку. Так игра продолжается до рассвета. Бывает, что старики и старухи, разбуженные криками играющих, приходят к их хороводу с кумысом и сочными борцоками.

В короткую летнюю ночь молодость находит выход своей радости и энергии. В эту ночь дети вступают в юность, а юноши и девушки становятся взрослыми. Недаром старики говорят, что сказки детям надо рассказывать длинными зимними ночами; короткими летними ночами молодежь должна веселиться сама, без взрослых.

В каждом времени года своя красота. А красота лета еще и в трех мужских забавах: стрельбе из лука, скачках, борьбе. Ни один праздник монголов не проходит без них.

Наш сомон славился сильными борцами, но долгое время у нас не было резвых скаковых лошадей,

способных соперничать с соседскими скакунами. Чтобы вырастить сомонного коня, каждая семья подарила сельхозобъединению по лучшему жеребенку.

И вот в одну из летних праздничных скачек наш сомонный гнедой, которого я любил и помнил еще длинноногим забавным жеребенком, взял первое место. Наездником был шестилетний Батэрдэн.

Согласно традиции почетный судья — старейший житель взял под уздцы лошадь с седоком и подвел к нарядному шатру.

Торжественно поднял он уздечку и зашел: «О славный конь! Твои уши чутки, как у кулана, твоя спина резва, как у зайца, твой живот поджар и гибок, как у змеи, ты хитер и резв, как снежный барс. Не успели обсохнуть при рождении роговицы твоих копыт, как ты заявил миру о своей резвости! И ты не обманул ожиданий своих земляков! Отныне питайся самой сочной травой, пей из самых прозрачных источников!»

И старик окропил голову лошади, обмакнув пальцы в серебряную, наполненную кумысом чашу.

Из толпы вышел отец наездника, поцеловал коня в нос, подвел под уздцы к уважаемому человеку — председателю сельхозобъединения и молвил: «Пусть мой любимец, припосивший радость нашей семье, будет приносить радость всему сомону! Пусть он принесет славных жеребят, которые прославят наш сомон!»

ОСЕННИЙ СОЛНЕЧНЫЙ РОДНИК

Сказочно красиво озеро Хяргас-Нур осенью. Вода становится темной, и в глубине явно проглядываются прозрачные, светлые тела рыб. Рыбы у монголов — символ бдительности, потому что большие их глаза никогда не закрываются. Поэтому, наверно, рыбу раньше не ели, считая это святотатством.

Над черной гладью озера собирались и взмывали вверх стаи гусей и уток. Сделав круг над озером, они улетали в теплые края, куда-то далеко на юг.

Над озером нависла большая черная скала, из которой даже зимой, не замерзая, бьет хрустальный родник. Его издавна считали целебным. Сейчас у подножия скалы построен дом отдыха для чабанов. Он всегда переполнен летом, а осенью пастухи уходят в горы, и тогда он пустует.

Я любил бегать по берегу озера, заросшего высокими травами. Особенно мне нравились зонтичные цветы, у которых всегда кружили пчелы. Сорвешь, бывало, зонтик, надкусишь — сразу же ощущаешь сладкий аромат меда с непонятным привкусом травы.

— Цветок наполнен солнечным соком, — говорила мне мама, — все, что растет, — дети солнца.

И я издавна понял: все живущее пронизывается солнцем, становится солнечным.

В южной части озера, в густых зарослях моей любимой травы, в приятной прохладе, светился родничок, который у нас звали «солнечный»: он весь был пронизан лучами до золотистого песчаного дна. Нет ни одного человека в наших краях, который не пил бы из него студеною прозрачную воду.

Чуть вдали от этого родника начинаются густые заросли облепихи. Осенью в зеленом кустарнике оранжевым пожаром светятся сочные ягоды. Обычно при первых заморозках женщины кладут под облепиху полотнище и бьют по кустарнику. Из собранных ягод готовят разные сладости и соки. Особенно славится облепиховое масло, в чудодейственные лечебные свойства которого наши люди верили всегда. А теперь это признает и медицина.

В ту осень разбросанные пастбища стали объезжать представитель отдела народного просвещения. Он составлял списки детей школьного возраста: начинался учебный год.

Тридцать первого августа вечером, когда я загнал овец в хашан, меня позвали в юрту. Мама, тайно переглядываясь с отцом, держала руки за спиной.

— Ну, сынок, с завтрашнего дня у тебя начинается новая жизнь. Хорошо учишься — и ничего на земле не будешь бояться! — сказал отец.

Сияя от радости, мама протянула мне новенький, пахнущий кожей портфель.

В эту ночь я долго не мог заснуть.

— Мама, дай мне попить, — просил я, ворочаясь.

— Перед смертью не наговоришься, перед сном не напьешься, — усмехался отец.

— Спи, сынок, как заснешь, мышонок принесет тебе холодный чай! — сонным голосом ответила мама.

— Когда? — уже засыпая, спросил я.

— Во сне-е-е, в золото-о-ой чашке... мышо-о-онок... — слышал я сквозь сон.

Ранним утром, когда огромный красный диск солнца стал подниматься над озером, мама окропила кумысом дорогу передо мной. Усевшись позади отца, я крепко обхватил его за пояс, не выпуская новенького портфеля, и отправился навстречу своей новой жизни.

Перевел с монгольского
Д. ПЮРВЕЕВ

ЦЕЛЕБНЫЙ ВЗРЫВ

Где ныне кончается геофизика, эта наука вроде бы лишь о косной планетной материи, ее физических свойствах, и начинается «чистая биология»? Этот вопрос я невольно задаю себе, увидев в одной из лабораторий геленджикского отделения института Моргеофизики стоящие в широких и глубоких настенных нишах аквариумы. Если можно так выразиться, они представляют собой миниатюры морей, на шельфах которых работали экспедиции института. Не сразу до меня дошло, что рыбы, крабы и прочее вовсе не плавали в этих аквариумах, ибо там не было ни капли воды. Впечатление морской среды создавалось удачно подобранными красками, освещением и «наглядными пособиями», собранными заведующим лабораторией Эдуардом Векиловым.

Впрочем, поразило меня не это. Были здесь и настоящие аквариумы, заполненные невообразимой смесью воды с керосином, дизельным топливом и тому подобным, что порой так отравляет море, да и не только море. Казалось, ничто живое не могло существовать в этой безотрадней среде, но оно там было! В аквариумах как ни в чем не бывало резвились гамбузии и гуппии.

— Вот как? — заметила я не без иронии. — Имитируете будущее рек и морей? Выводите приспособленных к загрязнению рыбешек? Этим-то и занимается ваша лаборатория охраны ихтиофауны?

— Верно, верно! — воскликнул Эдуард Векилов, улыбаясь. — В некотором роде имитируем будущее... Вопрос — какое? — Он стал серьезен. — Надо или нет знать предел устойчивости ихтиофауны, чтобы остановить загрязнение? Вот этих рыб-бок мы и посылаем в разведку.

— Почему этих?

— Генетики экспериментируют на плодовых мушках — дрозофилах, изучают их изменения, мутации, потому что они быстро воспроизводят себе подобных. В воде дрозофилы не живут, значит, надо было подобрать таких рыб, с которыми легко работать, от которых быстрее можно добиться ответа...

— Ну а дальше?

— Дальше... Вот вам история недавнего прошлого. Я по профессии сейсмик. Что такое сейсмическая разведка в море, знаете?

Я кивнула. Такую разведку можно рассматривать как возбуждение крохотных искусственных землетрясений. Взрывы, волны которых достигают дна, пронизывают толщу пород, — это своего рода рентген земных недр и месторождений. Да, но взрывы-то гремят в море, значит, кругом рыба — вверх брюхом... Такова цена морской сейсморазведки.

— Была, — поправил меня Векилов. — Смотрите.

Он подвел меня к большому аквариуму, скорее даже бассейну, в который от компрессора шел какой-то шланг. В воде резвились рыбы.

— Внимание, взрыв!

Сжатый компрессором воздух поступил в какое-то опущенное в бассейн устройство. Раздалась серия хлопков — из глубин рванулись тугие воздушные пузыри. На рыб все это произвело особого впечатления — они по-прежнему мелькали в прозрачной воде и жадно поедали корм.

Прибрежный шельф богат месторождениями, а его воды рыбой. Выявляя рудные богатства, морская сейсморазведка губительно влияла на обитателей моря. Классическая, казалось бы, дилемма выбора: или — или. Равнодушные хозяйственники, как в таких случаях обычно бывает, разводили руками. Мол, что делать, объективное противоречие: нефть шельфа нужна, металл нужен, рыбой можно поступиться...

Иначе рассудили люди неравнодушные — они, конечно, нашлись и среди биологов, и среди хозяйственников, и среди «губителей рыбы» — геофизиков. Стали пробовать, чем заменить обычную взрывчатку, чтобы ни сейсмическая разведка не ухудшилась, ни рыба не пострадала.

Нашли: сжатый воздух! Пневматическая «взрывчатка». Она не вредна рыбам. Более того, зло исследователи обернули добром. Производимые сжатым воздухом взрывы-хлопки не только не вредят рыбе, но попутно и обогащают воду кислородом...

— Вы, надо полагать, догадываетесь, — заключил Векилов, — что на всех стадиях методики безвредных взрывов мы отработывали при прямом и непосредственном участии «бедных рыбешек»... Вроде тех, что сейчас купаются в мазуте. На загрязнение тоже надо найти управу.

Остается заметить, что за разработку и промышленное внедрение безвредных для природы сейсмических источников ряд геофизиков и биологов удостоен Государственной премии СССР. Среди двенадцати лауреатов мы находим имя Эдуарда Векилова.

Новая геофизическая техника в полтора-два раза увеличила производительность разведочных работ. Но важнее, быть может, другое: достигнутый успех позволил ввести в действие своего рода геобиологический (и само собой — юридический) закон. Очень простой: сейчас сейсморазведчики не могут приступить к работе без биологического паспорта, в котором обязательна характеристика воздействия любого сейсмического источника на морскую среду.

Г. АЛОВА

Я НУ Ш В О Л Ь Н Е В И Ч, польский журналист

ПОД ДВУМЯ ФЛАГАМИ

ТРОПИНКА В ТАУТУ

Люди с Маликолле кажутся народом, совсем отличным от любого другого, с которым мы встречались, и говорят на другом языке». Эту запись оставил в дневнике своего путешествия капитан Кук, посетивший остров Малекулу в 1774 году.

Почти двести лет спустя один из членов киноэкспедиции, работавшей в глубине острова, написал, не погрешив против правды: «Во внутренних районах юго-западной части острова люди племени малые

намба поддерживают лишь случайные контакты с европейцами. В 1968 году мы были первыми белыми людьми, которые посетили их наиболее отдаленные деревни, в том числе и самую большую — Лендобвей. Мужчины этого племени раньше уже встречали европейцев, но большинство женщин и детей увидели белых впервые».

Десять лет спустя мне довелось убедиться, что во внутренних районах острова положение практически не изменилось. Почти те же нравы, почти та же скуднейшая из одежд — намба. Но разница между развитием прибрежных и горных районов стала заметна.

Особенно, если сравнить поселения намба с наиболее цивилизован-

ной частью Малекулы — Лакаторо, первым пунктом нашего путешествия. В этой деревне размещается центр сельскохозяйственного обучения, который ставит своей задачей научить островитян животноводству и выращиванию культурных растений. Но в дни нашего приезда задачи увеличения молочности коров временно были отодвинуты на задний план, ибо главной проблемой жителей Лакаторо и его окрестностей стала постройка аэродрома в поселке Норсупе.

Новые Гебриды, известные некогда как Терра де Эспирито-Санто, или Земля Святого Духа, управляются совместно Великобританией и Францией с 1906 года. Соправление это — дипломатическим языком го-

Главы из книги «Черный архипелаг». Полностью книга выходит в Главной редакции восточной литературы издательства «Наука».

воря, «кондоминиум» — создало наиболее странный вид колониализма среди остатков его на нашей планете.

По решению обоих — английского и французского — комиссаров, управляющих Новыми Гебридами, было запланировано построить в Норсуле новую взлетную полосу. Поэтому у французской фирмы купили кусок старой кокосовой плантации, очистили от деревьев и выровняли бульдозерами. Все было бы хорошо, если бы при этом не затронули тропинку, по которой жители деревушки Тауту ходили на поля. Деревенские жители заявили через вождя протест, а когда это не помогло, посадили на свежесвыровненном грунте кокосовые пальмы. Бульдозеры кондоминиума проехали по саженцам, но вскоре появились новые кокосы. Опять поработали бульдозеры, и опять были высажены кокосы.

Так всплыл вопрос о собственности на эту землю. Оказалось, что французская фирма, которая эксплуатировала плантацию более пятидесяти лет, приобрела право собственности следующим образом. Однажды к берегу Малекулы подошли корабли. Щуплые азиатские кули под охраной солдат быстро огородили территорию, расчистили ее и посадили пальмы. С течением времени частокол, окружающий плантацию, отодвигался все дальше и дальше. Национальная партия Новых Гебрид, выступающая за независимость островов, считает, что все земли, которыми теперь владеют белые, были сданы им предками меланезийцев лишь в аренду. Если же пращурцы и взяли тогда плату в виде плиток табака или сломанных ружей, но только за право сажать кокосы. А поскольку теперь бульдозеры авиакомпании уничтожили пальмы, значит, и сделка аннулирована.

Тем не менее белые плантаторы округа и администрация кондоминиума не поддавались. Спор тянулся более двух лет. Надо было найти какой-нибудь выход. Для начала власти предприняли ряд действий. Прежде всего закрыли ближайшую посадочную площадку, что значительно осложнило жизнь жителей Малекулы. Местное радио по несколько раз в день разъясняло островитянам, что ущерб нанесен им неразумным упрямством сельчан из Тауту, воюющих за свою тропинку. На всякий случай были усилены местные полицейские отряды.

Потом радио передало распоряжение властей: полоса будет построена в ранее установленном месте, на участке, купленном администрацией кондоминиума. Подчеркивалось, что решение это было принято для блага всего острова и что интересы небольшой группки жите-

лей Тауту не должны послужить препятствием в таком праведном деле. Однако администрация великодушно соглашается платить жителям деревни четыреста долларов аренды в год и разрешает им переходить взлетную полосу именно там, где когда-то проходила тропинка. Сверх того жителям Тауту предоставляется преимущество в получении работы при строительстве аэродрома и мест в обслуживающем персонале. Положение, однако, оставалось напряженным...

В разгар этих событий и началось мое путешествие по Новым Гебридам. И происходящее дало мне некоторый материал для размышлений. Конечно, большие и малые намба еще не умеют как следует высказаться по поводу колониализма, но прибрежные жители уже хорошо понимают, что к чему. Затянувшийся скандал с аэродромом показал, что кондоминиум теперь вынужден прислушиваться к мнению коренного населения.

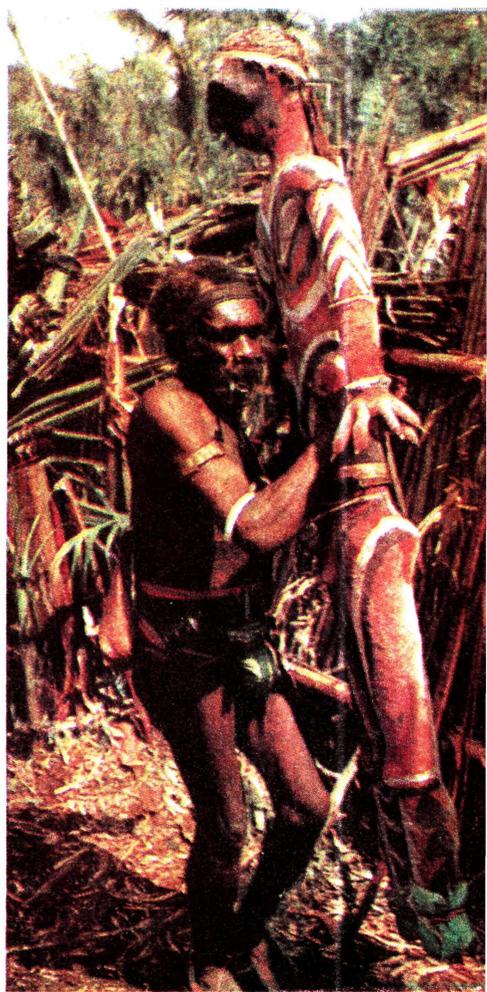
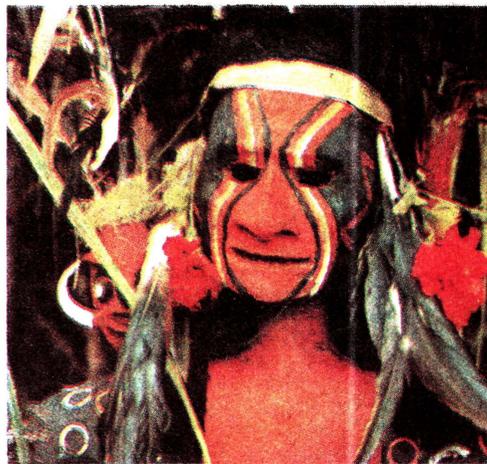
БОЛЬШИЕ НАМБА

Наша шхуна направлялась в Ламап, местность, лежащую вблизи южной оконечности Малекулы. Перед самым отплытием мне удалось увидеть первого человека из племени больших намба. Пурпурно-фиолетовый помпон спереди (собственно намба), бело-красный пояс с европейской пряжкой и пучок белых перьев в густой шевелюре. Физиономия человека была довольно угрюмой. Когда я несколько раз щелкнул аппаратом, он протянул ручищу. За деньгами. Я дал ему, потому что немного струсил. Фрэнсис, учитель-новогебридец, который с корабля наблюдал всю сцену, от души потешался.

— Да, да, Ян, — продолжал он развешивать тему, когда мы уже были в мэре. — Большие намба вошли в контакт с белыми лишь во время войны на Тихом океане. Сейчас туристские бюро отправляют к ним группы только самых богатых туристов. От Норсула до главной деревни намба Амок можно идти пешком за четыре-пять часов через горы и джунгли. И это племя полюбило туристов. Намба берут их доллары, продают им попорченные фигурки предков и требуют платы за фотографирование. Этот красавец, судя по его наряду, тоже явился на заработки. В таком одеянии они ходят только у себя, а когда идут работать на плантацию или в миссию, одеваются нормально — в рубашку и шорты. А этому наверняка не захотелось вкалывать, вот он и обольстил тебя. Хотя туристские проспекты и рекламируют намба как добросердечных, ничего не знающих о большом мире детей природы, их культура и традиции

уже меркнут. Эту небольшую общность людей разъедают новые желания, идеи, жажда вещей, которые они видят на побережье. Я думаю, что их самобытность исчезнет в самом ближайшем будущем, намного быстрее, чем у малых намба, которые оказались куда устойчивее.

С момента, когда в порту Вила я впервые вступил на борт шхуны «Росинант», минуло немногим более десяти дней. Но мне уже казалось, что плыву на ней долгие ме-

сыцы. Незнакомые люди, места — все это становилось все менее удивительным, ощущалось как обыкновенное. Деревушки на берегу тоже не слишком отличались друг от друга. Там я всегда здоровался за руку со всеми взрослыми и наиболее бойкими подростками. Угощение начиналось с кавы, нередко подносили еще что-то вроде кулебяки с джемом, нашипованной кусочками цыпленка или чего-то очень непонятного. На корабле к мясу обязательно подавался джем, барракуда после чистки жарилась на решетке, таитянский салат из сырой рыбы кропился соком лимона и кокосовым молоком. Всегда под рукой манго, бананы...

— Ян, Ян, — донесся до меня зов. — Иди послушай. Передают местные известия, тебе будет интересно.

«Радио Вила передает последние известия:

Вчера после полудня у Панго-Пунант был замечен осьминог необыкновенных размеров. Мауни Колинсем, который ловил острой рыбой на рифах, заметив тело осьминога, решил, что это его сосед, который ныряет рядом. Подплыв ближе, он понял, что имеет дело с гигантским головоногим, и поспешил к берегу. Другие очевидцы подтверждают, что голова чудовища была намного больше человеческой, а длина щупалец достигала 6 метров. Осьминог-гигант вскоре уплыл в открытое море».

«Вы слушаете Радио Вила:

Французская полиция при участии местного населения поймала крупную акулу, которую заметили позавчера поблизости от западного берега Эфате. Отловленная акула сорвалась с двух крючков, укрепленных на пустой бочке из-под масла. Животное в ярости набросилось на бочку, оставив в ней два зуба. В конце концов акула была поймана вблизи пляжа Лелеппа. Это была четырехметровая самка. При потрошении в ее брюхе были обнаружены 34 акулёнка».

Все-таки трудно привыкнуть к здешней экзотике...

Но экзотика, принесенная сюда европейцами, иной раз способна затмить самые необычные факты из жизни больших и малых намба и сотен других племен архипелага.

ДВОЙНОЕ ПРАВОСУДИЕ

Пребывание в Ламале, поселке, который возник в свое время как резиденция французской администрации Центрального Округа номер два, не оставило у меня особо сильных впечатлений. Здесь были радиостанция, почта, два-три магазинчика. Кроме того, камера предварительного заключения, разумеется французская, то есть место, где

в соответствии с местным общественным мнением еда лучше, а ночлег хуже, чем в британской тюрьме.

Два дюжих полицейских волокли в кутузку вдребезги пьяного меланезийца. В соответствии с действующим на архипелаге законом за правонарушение подобного рода его ожидал суд. А в этих краях подобное дело ох, как непростое.

Судебная система на Новых Гебридах может вызвать дрожь у человека, не интересующегося юриспруденцией. Чтобы почувствовать вкус к судебной системе этого края, достаточно узнать: дело о том, что кто-то кого-то орел палкой, может рассматриваться по крайней мере в восьми (!) различных и независимых друг от друга судах! Все зависит от того, был ли бывший или побитый местным жителем, французом или англичанином.

Чтобы не быть голословным, постараюсь перечислить основные элементы того здания в стиле барокко, с которым можно сравнить судебную систему кондоминиума. Проще всего говорить о его французской части, так как тут существует единственный Французский Национальный Суд, который занимается только делами людей, имеющих гражданство, соответствующее названию этого суда.

Британские судебные органы на отдаленных от Европы островах западной части Тихого океана функционируют так же, как в старой Англии — с церемониальными париками, мантиями и т. п. Тут есть две инстанции: местный суд и Высший Суд, как последняя инстанция.

Перед лицом судьи может оказаться всякий независимо от национальности и гражданства, кто нарушил одну из нескольких десятков статей «Протокола о совместном управлении» от 1914 года. Дело будет рассматриваться в суде первой инстанции, но его состав, а также личность председательствующего будут зависеть от того, кем является подсудимый: туземцем или европейцем, китайцем, французом или британцем. Второй тип судов кондоминиума — туземные суды, где слушаются дела меланезийцев против меланезийцев. Основой приговора служит кодекс, составленный подобающим образом.

Заинтересованным лицам стоит знать, что за подкуп государственного чиновника здесь дают год, а за приносящее вред колдовство — два.

Среди системы судов надо отметить еще и суд вождей, который все еще функционирует, однако, с точки зрения закона, не существует. Тем не менее вождь в деревне назначает наказание за хулиганство, за издевательство над домашними животными.

Третья и самая высшая инстан-

ция — Совместный Суд. Он должен состоять из трех представителей власти: британца, француза и третьего судьи — председателя, назначенного... испанским королем. Это удивительное требование протокола — заслуга испанского капитана Кироса, который, первым достигнув Терры де Эспирито-Санто, обеспечил тем самым должность для протезе мадридского двора. Председатель Совместного Суда имел жалование около тысячи фунтов в год плюс по фунту за каждый день пребывания, квартиру, оплаченную дорогу, отпуск и т. п. Первым председателем Совместного Суда на Новых Гебридах был назначен граф де Бузна Эсперанса. Однако, несмотря на звучную фамилию, работа вверенного ему учреждения хромала на обе ноги. Наверное, потому, что граф, кроме испанского, не знал никакого другого языка. Да к тому же никто из состава суда не понимал местных языков.

В 1931 году, когда некому стало назначать председателя Совместного Суда из-за свержения испанского монарха, в этом учреждении работали и работают до сих пор только французские и британские судьи, а хлебное местечко пропадает зря.

Приговор Совместного Суда не может быть отменен, однако... каждый его приговор утверждается резидентами-комиссарами обеих договаривающихся сторон. И естественно, может быть не утвержден...

ОБОИ НА БАМБУКЕ

Самой удивительной вещью, увиденной мною на острове Томалу, были обои, которыми оклеены бамбуковые стены хижины. В самых все-таки невероятных формах проявляется в Океании европейская цивилизация...

Владелец оклеенной обоями хижины был одет главным образом в банановый лист, а голова его была опоясана повязкой из пальмового лыка, что подчеркивало необычную форму черепа.

В прежние времена новорожденным на Томалу обвязывали еще мягкие головки шнуром от сетей, что давало эффект в виде сплюсненного, сдвинутого назад лба и удлиненного черепа. Изменяя свой череп, человек отличается от животного, считали островитяне.

Остров невелик, но полон зелени. Волосы мужчин украшают огромные пурпурные цветы. Признаков цивилизации тоже хватает.

Мы бродили с капитаном от хижины к хижине. В темном углу хижины, притаившейся в густых зарослях, я увидел какой-то предмет, напоминающий человеческую фигуру.

— Рамбарамб, — вполголоса прошептал меня капитан, — обрядовая фигура, увековечивающая умерших.

Сделана, как видишь, частью из дерева, частью из коры. Руки и ноги обычно скатывают из банановых листьев. Всю фигуру разрисовывают растительными красками в зависимости от положения, которое занимал покойный.

Я присмотрелся к рамбарамбу: его руки были украшены браслетами из красиво изогнутых свинных клыков, голова была сделана из слегка обожженной глины. Зато зубы показались мне до жути подлинными.

— Что ты... — возразил капитан. — Глиной просто обманан настоящий череп. Здешние люди приписывают головам умерших большую силу.

Теперь я рассматривал рамбарамб с удвоенным интересом. Глина, покрывающая череп, и правда была обожжена, как горшок, и разрисована стойкими красками.

— Этот рамбарамб, — продолжал капитан, — уже скоро примет участие в погребальных торжествах в честь хозяина черепа. Здесь такой обычай: родственника после его смерти выдерживают месяцев десять на специальной платформе в центре деревни, потом отделяют череп, подвергают обработке кипятком и дымом, а затем водружают на этом искусственном корпусе.

Посмотрел на эти фигурки. Они называются невинбуры. Раньше бы ты их ни за что не увидел: их сразу уничтожали после магических церемоний, только для обрядов и делали. Теперь, когда оказалось, что их можно продать, даже самые суеверные люди сохраняют их в надежде сорвать куш с заезжего коллекционера.

Невинбуры — страшилища, пожалуй, неизвестные нигде более. Самая их характерная деталь — всегда сложенные как бы в страхе ручки. Главный материал для этих фигурок — глина, кокосовое волокно, кусочки древесины. Все это накладывается на остов из бамбука. Головка для метровой длины пестро размаляванных человечков вырезана из скорлупы кокосового ореха, украшена свинными зубами и ракушками.

На противоположном берегу острова, далеко от стоянки «Росинанта», рамбарамбы уже не попадались. Зато я наткнулся на деревню, где выдвигали бамбуковые свирели, покрытые тонким орнаментом. Мастер поднес свирель к губам — звуки ее были нежны и приятны.

Обилие свирелей в деревне мешало молодежи предпочитать им гонконгские мандолины и японские транзисторы. Боюсь, что из этого состязания свирели не выйдут победителями...

ДВОЙНАЯ СТОЛИЦА

В конце прошлого века посетил Новые Гебриды австралийский журналист Мэрфи. «Войдя в залив, —

писал он о столичном поселке, — можно увидеть три-четыре претенциозных здания и полдюжины домиков, разбросанных на берегу вдоль главной улицы, которая напоминает тропинку в джунглях».

Немногим лучше выглядела Вила в 1906 году, когда поселок официально получил статус столицы Новых Гебрид. Вскоре после этого торжества были возведены первые постройки для двух важнейших учреждений: Совместного Суда и почтового отделения. В 1967 году порт Вила стал уже крупным городом, насчитывающим тысяч десять жителей.

И город этот — столица кондоминиума. Кондоминиум перевалил уже на восьмой десяток лет своего существования. По человеческим критериям он достиг старческого возраста. Франко-английское двоевластие на Новых Гебридах действительно стало архаичным творением, совершенно несуразным в последней четверти двадцатого века. Правда, кондоминиум поддерживает себя двойными, а иногда тройными органами, такими, как полиция, сельскохозяйственная служба или здравоохранение, но эти дублированные системы служат не к обновлению действующего организма, а скорее приближают его увядание.

Малопривлекательно, чтобы в то время, когда бывшие подвластные территории повсюду становятся независимыми государствами, могла сохраниться удивительная страна, жители которой имеют статус хуже колониального, потому что... не имеют никакого. У жителей Новых Гебрид, выезжающих, например, в Новую Каледонию на заработки, не только нет паспорта, но иногда даже имени: в ведомостях на жалование человек фигурирует просто как «гебридец».

По случайному делу я зашел в какое-то бюро, где работали представители обеих властей. В бюро ждали трое посетителей. Ожидая своей очереди, я осматривал помещение, и взгляд упал на два портрета, соседствующих на почетной стене. Я узнал особ, изображенных на них, без труда: королева Елизавета II и президент Жискара д'Эстен.

— Любуется парой, месье? — спросил меня невысокый чернявый мужчина.

— Два правителя в одном государстве...

— Верно, но здешние люди считают — и вы их не разуваете никакими силами! — что королева и президент — супруги. Только никак не могут понять, почему эта женщина так часто меняет мужей. То здесь был с ней де Голль, то Помпиду, теперь д'Эстен, но ведь он же не последний, верно? Тут взывать к авторитету королевы — вещь трудная: такая ветреная женщина уважения у островитян не вызывает.

Занятно, что местные чиновники, и английские, и французские, не дают себе труда поинтересоваться обычаями островитян. Иначе они никогда не повесили бы портреты глав своих государств рядом: меланезийцы помещают вместе только изображения супругов.

Обсуждения в Комитете по деколонизации ООН и деятельность Национальной партии Новых Гебрид несколько расшевелили Париж и Лондон. В конце 1974 года обе стороны постановили, что приложат усилия, чтобы в ближайшие годы состоялись выборы в Палату представителей. Этот орган заменит опереточный Консультативный Совет, существующий ныне и совершенно бесправный. Оба правительства обещали, что начнут работать над унификацией юрисдикции и уголовного кодекса, одинакового для всех жителей Новых Гебрид. Они обсудят также возможность получения гражданами архипелага двойного гражданства. В соглашение входит еще несколько менее важных пунктов. В опубликованном коммюнике было много выпрепнивших слов о «прогрессивной эволюции», «ответственности за расцвет» и т. д. и т. п.

В действительности же англичане, которые выкачали из островов все, что было можно, охотно ушли бы с Новых Гебрид хоть сейчас, но при условии, что Франция сделает то же самое. Однако Париж ни в коем случае не намерен удалиться, потому что этот шаг угрожает взрывом независимости во французских владениях в Тихом океане. Французы не хотят и не могут позволить себе потерять колонии в богатой никелем Новой Каледонии, а тем более Французскую Полинезию, которая составляет «заморскую территорию» Франции. Потому парижское правительство на Новых Гебридах неуступчиво. Поговаривают, что французы — если англичане, не дай бог, выйдут из игры — готовы отделиться и держаться, держаться до последнего.

Тем временем новоггебридцы уже сыты по горло существующим положением вещей. Семьдесят лет соправители не могут договориться даже о названии столицы кондоминиума. Французы упорно называют ее «Порт-Вила», а англичанам достаточно «Вила». Где еще можно найти страну, в столице которой имеются три правительства и только два кинотеатра, где имеют хождение три разные валюты и два типа почтовых марок, где функционируют две полицейские системы, где корабли поднимают сразу два государственных флага.

Новоггебридцам достаточно было бы одного флага.

Своего...

Перевела с польского
Л. МАЛАХОВСКАЯ

Д. ШПАРО,
начальник экспедиции,
А. ШУМИЛОВ,
кандидат географических наук

ЛЮДИ РУСАНОВА

«**Ш**рошу порато не беспокоиться, хотя мы и зазимуемся. На следующее лето до июля и августа тоже не дожидайте, потому что нам раньше от туда выйти не позволят льды. До свидания, родные, может, и навсегда,

может, и последняя строка моего письма дойдет до вас...»

Это прощальное письмо матроса русановского экипажа Василия Тимофеевича Черемхина дошло до нас из того легендарного дня, когда шхуна «Геркулес» уходила из

гавани Александровска-на-Мурмане к берегам Шпицбергена, к Новой Земле, в Карское море... В бес-
смертие.

Вот впервые публикуемое описание отплытия, сделанное участником этого «похода за каменным углем» Р. Л. Самойловичем.

«Прощайте. Прощайте. Счастли-
во», — неслось со всех сторон.

«Вперед!» — скомандовал капитан. Методично заработал мотор. Судно плавно, при полном штиле покидало гавань. «Ура!» — вдруг раздалось на берегу, сопровождаемое выстрелами из ружей. То приветствовала нас толпа народа, скрывшаяся на берегу. Мы, в свою очередь, отсалютовали флагом и дружными залпами из наших винтовок. Последней послала нам свой привет Александровская биологическая станция».

Их было на шхуне четырнадцать человек. Трое сошли на Шпицбергене и вернулись в Россию.

Горный инженер Рудольф Лазаревич Самойлович продолжил затем работы, начатые В. А. Русановым. В 1913 году он снова на архипелаге Шпицберген. 5 тысяч пудов арктического угля привез Самойлович в Россию. За уголь из иностранного порта было предложено уплатить пошлину. Все объяснения Самойловича, что уголь свой, русский, таможенные чины отвергли. И только вмешательство Министерства внутренних дел убедило петербургское портовое начальство, что уголь в самом деле российский.

При Советской власти бывший политический ссыльный Р. Л. Самойлович стал организатором и первым директором Всесоюзного Арктического института. В 1928 году он возглавил знаменитую экспедицию на «Красине», посланную на спасение итальянца Умберто Нобиле. Много замечательных дел совершил товарищ Русанова по Шпицбергенской экспедиции после 1917 года, и пример его жизни наводит нас, конечно, на печальные размышления о том, как блестяще проявился бы после революции многогранный талант В. А. Русанова, не погибни он во время своего последнего плавания...

Вернулся после шпицбергенского этапа экспедиции и Зенон Францевич Сватош, зоолог. В 1913 году Сватош отправился на Байкал. Как и Самойлович, он стал «первым директором» — возглавил Баргузинский заповедник. Именно ему наша страна обязана тем, что сохранился чуть было не вымерший баргузинский соболю.

Третий, кто вернулся в 1912 году со Шпицбергена, был тяжело заболевший пожилой боцман «Геркулеса» Александр Яковлевич Попов, о дальнейшей судьбе которого авто-

рам, к сожалению, ничего не известно.

Остальные одиннадцать на борту «Геркулеса» ушли на восток.

Еще в 1917 году Комиссия по розыску следов Русанова, созданная при Архангельском обществе по изучению Русского Севера, с глубоким сожалением отметила, что последние надежды на возвращение экспедиции утеряны. «Надежды никакой иметь уже нельзя...» Комиссия решила собрать все возможные сведения об участниках экспедиции. Однако сделать удалось не многое, и до самого последнего времени даже имена не всех одиннадцати были известны.

...Ближайшим помощником Русанова стал 24-летний Александр Степанович Кучин, капитан «Геркулеса». Потомственный моряк, выпускник Архангельского торгово-мореходного училища, Кучин с детства познакомился с морем. Плавал на рыбацких судах, часто бывал в Норвегии. В 18 лет, кстати, он составил «Малый русско-норвежский словарь». Как и Русанов, Кучин участвовал в практической революционной работе — переправлял из Норвегии в Россию большевистскую литературу. Кучин был единственным иностранцем на борту амундсеновского «Фрама» во время плавания 1910—1911 годов. Настоячивый, увлеченный наукой русский юноша включен в экспедицию вопреки решению норвежского парламента, по рекомендации самого Фрицьофа Нансена¹.

Штурманом «Геркулеса» был Константин Алексеевич Белов — товарищ и соученик Кучина по Архангельскому торгово-мореходному училищу.

Старший механик Константин Алексеевич Семенов учился в Петербургском политехническом институте.

Известны нам имена матросов «Геркулеса» — Василия Тимофеевича Черемхина, Василия Григорьевича Попова, Александра Спиридоновича Чухчина, сохранились краткие биографические сведения о механике Федоре Александровиче Быковском.

Участницей экспедиции была и мужественная невеста Владимира Александровича Русанова — Жюльетта Жан-Соссин.

Жюльетта Жан к 1912 году окончила естественный факультет Парижского университета, трудилась над диссертацией на степень доктора геологии и училась во втором факультете университета — медицинском...

Сотрудники Норвежского полярного института в архиве Р. Амунд-

сена нашли письмо матери Жюльетты Жан, которое великий норвежец получил в 1918 году перед отплытием экспедиции на судне «Мод». Ниже впервые публикуется:

«Я читала в газете «Le Matin», что Вы ведете подготовку к экспедиции на Северный полюс.

Я мать госпожи Русановой. Русановская экспедиция ушла в июле месяце 1912 года на Шпицберген с намерением отправиться оттуда к Новосибирским островам.

Экспедиция господина Отто Свердруп не нашла никакого следа (экспедиция 1914 года на судне «Эклипс». — Авт.).

Господин Амундсен, извините меня за смелость, но прошу Вас сообщить мне, не намерены ли Вы проявить участие к судьбе моих дорогих детей: моей дочери и моего зятя, к судьбе их товарищей и попытаться отыскать их следы в Арктике.

Я знаю от своего зятя, что капитан А. С. Кучин, который вел судно, сопровождал Вас в Вашей замечательной экспедиции, во время которой Вы достигли Южного полюса.

Прошу Вас принять выражение моих самых почтительных чувств и мои самые искренние приветствия. Вдова Жан-Соссин».

Отметим, что в письме упоминаются Новосибирские острова. Это подтверждает, что еще до начала Шпицбергенской экспедиции у В. А. Русанова был план продвижения на «Геркулесе» по северным морям России далеко на восток. Обращает, конечно, внимание и то, что мать Жюльетты Жан называет дочь госпожой Русановой и В. А. Русанова — зятем.

Видимо, представляет большой интерес личный архив семьи Соссин, но никаких сведений о родственниках Жюльетты Жан нет, и ответы на наши запросы от французских организаций никаких новых данных не принесли. В 1914 году одна из русских газет сообщила, что отец Жюльетты Жан умер от безутешного горя.

Перечисленные девять членов экипажа названы в статье Самойловича, опубликованной еще в 1913 году; упоминается в ней и десятый участник экспедиции — матрос Равинов. Биограф Русанова В. М. Пасецкий в книге «Отгревше землю» называет его Николаем Равиновым. Это все, что было о нем известно, но и это немного оказалось неверным. Настоящее его имя Алексей Андреевич Раввин. Выяснилось это таким образом.

В 1975 году в ответ на публика-

цию в «Комсомольской правде» пришло письмо от москвички В. П. Гавриловой. «У меня есть письма, — писала Валентина Петровна, — моего двоюродного деда Алексея Раввина (в газете указан Н. Равинов). Если они Вас заинтересуют, могу выслать их... Это является нашей семейной реликвией».

И вот пожелтевшие странички писем. Одно написано накануне отправления: «Время мало, ночью... уходим на Шпицберген. ...Может быть, не вернемся раньше будущего года: во всяком случае, не пиши раньше сентября, и если не получишь от меня ответа до 1 ноября, то считай, что мы зазимовали где-нибудь во льдах. Теперь мы идем на «Геркулесе». Вот и все, что я могу тебе сообщить, время нет, торопимся выйти в море, думал строгиться этим летом — придется оставить до будущего, если буду жив; если пропаду — ты получишь все, что я имею здесь и в Норвегии... Такая экспедиция, как наша, пропадет — будет известно везде».

Валентина Петровна немного смогла вспомнить о брате своего деда. Семья их родом из села Новое Клинского уезда. «Как попал Алексей Андреевич на Север, точно не знаю, — рассказывает она. — Я слышала об этом только какие-то «предания». Говорили, что будто бы он поджег строение помещика и вынужден был бежать из села. Попал в Норвегию». А оттуда, наверное, в Александровск».

Сохранилось письмо, которое, видимо, датируется 1909—1910 годами и в котором Алексей Андреевич глухо упоминает о своем побеге из родного села. «Бедная мама, как она страдала. Боже мой, бедная — она знала, что я страдаю, она понимала меня... Как я любил ее, но Бог мне судья — я не мог поступить иначе. Из двух зол я выбрал меньшее. Я ушел, бросив все и всех, но забыть, забыть родных я не мог; где бы я ни был — во льдах, в морях, бури, штормы, но мои мечты и думы были с вами».

Уже позже, работая в архивах, мы обнаружили, что А. А. Раввин участвовал в 1911 году в неудавшейся экспедиции В. Ф. Држевецкого на Шпицберген. Причем в списке экипажа он назван «переводчиком». Интересно отметить, что в этой экспедиции участвовал и Р. Л. Самойлович.

Возник вопрос: почему Самойлович, зная А. А. Раввина по двум совместным экспедициям, его фамилию пишет в статье неверно? Знакомство с архивом Р. Л. Самойловича позволило ответить на этот вопрос. В рукописи упомянутой статьи Самойлович дважды пишет правильно: «Раввин» и один раз ошибается: «Равви-

¹ О капитане «Геркулеса» многочисленные материалы собрал заслуженный полярник Г. А. Брегман. — Авт.

нов». Так что ошибка, именно ошибка, узаконенная, так сказать, наборщиками, повинна в неправильном написании фамилии в наше время. Как возникло в книге В. М. Пасецкого имя «Николай», остается невыясненным.

Итак, десять имен. Кто же одиннадцатый?

Поиск был трудным. Не раз казалось, что мы близки к разгадке, но наступало разочарование.

Просматривая материалы в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде, мы обратили внимание на прошение крестьянки Евдокии Андреевны Баевой, датированное 28 мая 1914 года:

«Муж мой, Прохор Сергеев Баев, около 2 лет тому назад с экспедицией В. А. Русанова выбыл в плавание, и до сего времени я не имею сведений, где он находится.

После отъезда мужа я с дочерью 4 лет осталась у родителей мужа, но так как муж помощи теперь им не оказывает, то они меня с дочерью выгнали из дома, и теперь я нахожусь в весьма бедственном положении, проживая на чужих квартирах и снискивая пропитание для себя и дочери работой у добрых людей.

Ваше высокопревосходительство, обращаюсь к Вам слезно с покорнейшей просьбой: не оставьте меня с малюткой дочерью. Сделайте распоряжение о выдаче мне в счет жалованья мужа за 1½ года хоть 100 руб...

К сему прошению крестьянка Малашуйской волости Евдокия Андреевна Баева, неграмотная. По ее личной просьбе расписался крестьянин Федор Степанович Вайванцов».

Прошение было адресовано в Министерство внутренних дел России. В архиве сохранился и ответ директора Департамента общих дел А. Д. Арбузова:

«Крестьянке Евдокии Андреевны Баевой объявляется, что ходатайство ее о выдаче ей жалованья, следующего ее мужу Прохору Сергеевичу Баеву по договоренности с В. А. Русановым, не может быть удовлетворено, так как Департаментом не могут быть выполнены обязательства по договору, заключенному В. А. Русановым от его имени и в качестве частного лица».

Здесь следует пояснить, что формально В. А. Русанов снаряжал Шпицбергенскую экспедицию как частное лицо. Но фактически организовал ее и полностью субсидировал Департамент общих дел Министерства внутренних дел России. И сам Русанов, и все остальные участники экспедиции получали жалованье из средств департамента.

Для нас, однако, важен не казуистический отказ чиновников, а то

обстоятельство, что текст резолюции вроде бы полностью подтверждает участие П. С. Баева в экспедиции Русанова.

...Это было полной неожиданностью — ведь П. С. Баев упоминается в дневнике Альбанова как участник экспедиции Г. Л. Брусилова на «Св. Анне». Объяснило недоразумение второе прошение Е. А. Баевой, которое мы нашли в другом архивном деле. Оно написано через несколько месяцев после первого — 29 августа 1914 года. Уже начало прошения настораживало: «Муж мой, Прохор Сергеевич Баев, из экспедиции Русанова — Брусилова, отправившейся к Северному полюсу в 1912 году в качестве матроса, не вернулся. (Ныне, по частным сведениям, с поименованной экспедиции прибыло в Архангельск только 2 человека)...»

И вновь на прошении резолюция: «Отложить до выяснения судьбы экспедиции Русанова...»

В 1912 году одновременно пропали без вести три русские полярные экспедиции: В. А. Русанова на «Геркулесе», Г. Л. Брусилова на «Св. Анне» и Г. Я. Седова на «Св. мученике Фоке».

Как видно из текста второго прошения, крестьянка Е. А. Баева смешивает истории всех трех экспедиций. Это понятно: Баева живет вдали от Архангельска и неграмотна. Но попутно выяснилось и другое. Судя по тексту резолюций, и в Департаменте общих дел, который организовал экспедицию Русанова, не знают, кто именно ушел на «Геркулесе». Следовательно, надежды найти официальный список полного экипажа «Геркулеса» не оставалось.

Тогда мы решили изучить архивы Архангельска и Александровска-на-Мурмане. Ведь вначале почти все участники экспедиции Русанова собрались в Архангельске. Отсюда они отплыли на рейсовом пароходе «Ломоносов» — их фамилии могли сохраниться в списке пассажиров парохода. А в архиве порта Александровск-на-Мурмане можно было надеяться найти судовую роль «Геркулеса».

Мы хотели бы поблагодарить здесь работников Архангельского областного архива, директора архива А. Ф. Малкова. Все они старались всячески помочь в поисках и, в частности, предложили поднять таможенные документы за 1912 год. «Геркулес» ведь уходил в иностранные воды и, видимо, должен был проходить таможенный досмотр.

Мы просмотрели десятки дел. В различных документах встретились знакомые фамилии — А. Я. Попов, В. Г. Попов, А. С. Чухчин... Но фамилия одиннадцатого продолжала оставаться неизвестной.

Разумеется, на протяжении долгого — трехлетнего — поиска мы имели в виду и очевидное соображение: помочь в розыске могут какие-либо материалы (документы, воспоминания, дневники, письма) трех людей, вернувшихся со Шпицбергена, — Попова, Самойловича, Сватоша — и предпринимали определенные действия. Так, в государственных архивах мы нашли их отчеты о Шпицбергенской экспедиции, во многих отношениях весьма любопытные. Однако упоминались в них лишь отдельные фамилии участников, а полного списка экипажа не было.

Мы пытались найти личные архивы Самойловича и Сватоша.

Особенно ценным представлялся архив З. Ф. Сватоша, ибо зоолог был официальным фотографом экспедиции. Мы запросили дирекцию Баргузинского заповедника о судьбе архива. Ответ обнадеживал — все бумаги переданы в Иркутский государственный университет. Но дальше след оборвался: университет сообщил, что в его архиве нет никаких бумаг Сватоша¹.

Личный архив Р. Л. Самойловича попал в случайные, но бережные руки. Его сохранили после гибели Самойловича, сохранили в годы блокады Ленинграда, когда в печку зачастую бросали ценнейшие книги. Сейчас архив хранится в Арктическом и Антарктическом научно-исследовательском институте, у профессора М. И. Белова. Архив еще не описан, но Михаил Иванович Белов любезно разрешил нам самим заняться его разборкой.

И здесь нас поджидала удача. Во-первых, в бумагах Самойловича мы нашли описание отплытия «Геркулеса», с которого начали свои заметки. Во-вторых, был тут оригинал работы Самойловича, о котором мы упоминали в связи с тем, как правильно писать фамилию А. А. Раввина. В-третьих...

После возвращения со Шпицбергена в Россию Рудольф Лазаревич Самойлович читал публичные лекции, весь доход от которых передавал семьям своих товарищей по экспедиции 1912 года, пропавших без вести. И письма родственников участников экспедиции на «Геркулесе», адресованные Самойловичу, были также здесь.

«Мой брат Александр Спиридонович Чухчин (фамилия написана через «к»). — Авт.) уехал с экспедицией Русанова в качестве матроса. До своего отъезда в экспедицию мой брат оказывал мне материальное пособие для обучения в гимназии, поэтому не откажите, если найдете возможным, уделить мне не-

¹ Надеемся, что читатели журнала помогут нам в поисках архива З. Ф. Сватоша. — Авт.

которую часть из чистого сбора с Вашей лекции. Таисия Чукчина...»

«Я брат механика Быковского, уехавшего с экспедицией Русанова. В настоящее время учусь в Техническом училище, особых средств не имею, отец умер, а мать вследствие старости не может зарабатывать, поэтому рассчитывает на пособие с Вашей стороны. Николай Быковский».

Сохранилось тут письмо и от Е. А. Баевой.

Но вот наконец то, что мы так долго искали.

«Его Высочородию горному инженеру Самойловичу Р. Л. Петербург, Николаевская, 2 (от) ненюкского мещанина Михаила Ананьева Ермолина».

В июне 1912 года сын мой, ненюкский мещанин Федор Михайлович Ермолин, нанявшись матросом к В. А. Русанову, ушел в его экспедицию, оставив меня, 74-летнего старика, и мать свою, а мою жену, 65 лет, без всяких средств к существованию.

Крайне тяжелое положение и мои года, не дающие мне работать как следует, заставляют меня обратиться к Вам, как участнику Русановской экспедиции, принимающему участие в оставшихся семьях участников экспедиции.

Согласно указанию газеты «Архангельско» от 3 апреля 1914 года за № 75 я позволяю себе обратиться к Вам с просьбой оказать мне возможную помощь ввиду крайней моей нужды за уходом единственного моего кормильца в Русановскую экспедицию».

Наученные прошлыми ошибками, мы проверили: не было ли Ермолина в экспедиции Брусилова или Седова? Не вкралась ли здесь какая-то иная ошибка? Проверка подтвердила, что одиннадцатым членом экипажа «Геркулеса», имя которого оставалось в забвении 65 лет, был ЕРМОЛИН ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ.

Вскоре после этого к нам пришло письмо от Анисьи Ивановны Ермолиной — племянницы моряка с «Геркулеса».

«...От своей бабушки Пелагеи Тимофеевны Ермолиной я знала, что ее сын, Федор Михайлович Ермолин, ушел в 1912 году с экспедицией В. А. Русанова и не вернулся».

Когда я была еще маленькой девочкой, бабушка часто брала в руки фотографию и молилась. На мой вопрос, кто это и почему она молится, отвечала: «Это мой сынок, твой дядя Федя». Глубоко в душу запали мне ее ответные слова: «...ушел как канул, и нет мне весточки, где лежат его косточки, во льдах ли высоких, в морях ли глу-

боких, звери ли голодные растерзали, стужи ли лютые заковали...»

Здесь, в Неноксе, есть старожилы, такие, как Александр Иванович Пурнемцев, которые знают, что мой дядя Федор Михайлович Ермолин ушел в 1912 году именно с экспедицией В. А. Русанова на судне «Геркулес».

Посылаю Вам фотографию моего дяди, по словам бабушки, сфотографировался он со своим товарищем перед уходом в указанную экспедицию. На фотографии Федор Михайлович запечатлен сидя».

В письме было много слов благодарности участникам нашей общественной полярной экспедиции. Мы, что и говорить, были счастливы. Результат работы важен сам по себе, он приносит, разумеется, большое удовлетворение, но благодарность Анисьи Ивановны была неожиданной и радостной наградой.

Однако работа продолжалась, и мы обратились к Ермолиной с вопросами.

Второе письмо из Неноксы содержало немало интересных сведений.

«...От всей души хотелось бы Вам помочь, но мои поиски сведений о Федоре Михайловиче очень и очень незначительны. Обошла всех старожилых Неноксы. Старушки, которым уже далеко за 80; вздыхают, вспоминая свою молодость, и говорят, что «он был красивый да хороший, но жил дома мало».

Александр Иванович Пурнемцев сказал: «Федор Михайлович плавал от Мурманского акционерного пароходства до ухода в армию и после армии. На мой вопрос, почему дядя ушел с экспедицией В. А. Русанова, ведь это было далеко не простое плавание, А. И. Пурнемцев ответил: «Не думаю, что была материальная заинтересованность, так как в то время семья его отца жила в достатке, сам Федор Михайлович был холост, а по натуре был человеком любознательным».

Семья состояла: отец — Михаил Ананьевич Ермолин, мать — Пелагея Тимофеевна, сестры — Матрена и Наталья, братья — Андрей, Василий, Иван (мой отец) и Павел. Из всей семьи жива сейчас только сестра Наталья Михайловна, которой пошел 87-й год. Живет в Архангельске. Ездил я к ней, она очень больна и много уже не помнит, но, когда я показала ей фотографию, ту, что хранила бабушка, узнала, заплакала, сказала: «Это Феденька, наш Феденька!» Вспомнила, как он ушел в экспедицию, как отец провожал его до Архангельска, как плакала мать, которую он беззаветно любил и берег, которой он помогал во всем, даже стирать...»

К письму была приложена фото-

графия, которая впервые публикуется: Ф. М. Ермолин стоит слева. Затем мы получили и архивную справку:

«По документам архивного фонда Архангельской духовной консистории в метрической книге Ненокского прихода Архангельского уезда за 1886 год записано, что у мещанина Михаила Ананьева Ермолина и законной его жены Пелагеи Тимофеевой 14 февраля родился сын Федор».

Что ж, краткие биографические данные собраны. Все? Нет, в разгадке, в решении, в исполнении нашего конкретного дела вдруг мелькнуло нечто новое, важное, будто ступенька для следующего этапа работы, цель которой уже шире (так случается нередко в научном поиске в самых различных областях знаний).

В письме Анисьи Ивановны Ермолиной были такие, совершенно для нас неожиданные строки: «Дат, к сожалению, тетя Наташа никаких не помнит, только говорила, что учился он хорошо, по-видимому, окончил церковно-приходскую школу, много читал, интересовался всем, был веселый, всегда шутил, и дома, когда он приезжал, был праздник. Много рассказывала о переживаниях семьи, особенно матери, как молила бога о весточке от сына, как гадать ходила; но увя! Много лет спустя кто-то из местных радиолюбителей услышал и передал им, что где-то на Севере нашли истлевший пиджак, в карман которого была вложена записка, завернутая в бересту, такого содержания: «Погибаем от холода и голода», подписи Ермолин Ф. М. и еще фамилия, которую она не помнит (вид. нами. — Авт.)...»

На наши вопросы Анисья Ивановна ответила следующее: «О радиолюбителе мне сказала Наталья Михайловна, но кто он? Старожилы Неноксы говорят, что им был Попов Александр Яковлевич, но он погиб на фронте в Отечественную войну. О том, что такие слухи ходили, многие подтверждают, но насколько они достоверны и когда и где это было, никто не знает».

Но ведь боцмана «Геркулеса», вернувшегося со Шпицбергена в Россию, боцмана, о котором у авторов нет никаких сведений, тоже звали Александром Яковлевичем Поповым! Неужели он и этот неизвестный радиолюбитель — одно и то же лицо? Какова все-таки судьба участника экспедиции Русанова А. Я. Попова? Подтвердит ли кто-нибудь историю об истлевшем пиджаке? Вопросов можно задать немало. Быть может, кто-то из читателей поможет нам?

РОБИНЗОНЫ И «МОЛЧАЛИВЫЕ»

Есть в группе Гавайских островов один — поменьше прочих, который и не на всякой карте найдешь. Лежит он неподалеку от острова Кауаи, к северо-западу от основной части архипелага, и именуется Ниихау.

Каждый знает: Гавайи с их прекрасным климатом, богатой растительностью и великолепными песчаными пляжами, омываемыми теплыми водами Тихого океана, — настоящий рай для туристов, которые ежегодно туда приезжают миллионами. Приезжают, но только не на Ниихау. Многим хотелось бы попасть на этот остров: полюбоваться природой, познакомиться с местными жителями, а вот нельзя. Не пускают туда туристов ни за какие деньги.

Дело в том, что Ниихау и все, что на нем находится: гавань, маленькая школа, бамбуковые хижины, растительный и животный мир, даже недра! — вот уже более ста лет принадлежат одному семейству с удивительно приличествующей случаю фамилией — Робинзоны. Основной закон здесь такой: на Ниихау могут жить только уроженцы острова. Никого из посторонних там нет и быть не может.

...История эта началась в 1864 году. Занесло на остров некоего Генри Робинзона, искателя приключений из Новой Зеландии. Огляделся Робинзон на Ниихау, взял да и... купил его у гавайского короля Камамеа IV за десять тысяч долларов: уж больно понравилось ему место. Отныне король по-прежнему правил островами (о том, как он распорядился колоссальной для него суммой денег, история умалчивает), но главным на Ниихау человеком, все приказания и пожелания которого должны были немедленно и беспрекословно исполняться, был все же пришелец. И воцарилась с тех пор на Ниихау династия Робинзонов.

В наши дни на острове обитают три представителя этого семейства: правительница и владелица всего сущего Элен и два ее сына — Брюс и Кейт, послушные исполнители воли матери. Кроме них, здесь проживают 250 гавайцев. Из них лишь два человека пользу-

ются относительной свободой и независимостью. Это преподаватели крохотной местной школы, которые учат детей читать, писать и считать. Больших знаний они дать не могут: нет соответствующей квалификации. Все остальные жители находятся у Робинзонов на положении... нет, не дружелюбных помощников Питничи, а бесправных слуг — может быть, даже рабов. Кто-то ухаживает за скотом; другие заботятся о топливе для дома Робинзонов; третьи круглогодично обеспечивают семью правителей свежим медом диких пчел; четвертые собирают на побережье самые большие и самые красивые раковины; пятые изготавливают из них ожерелья, которые сыновья владелицы Брюс и Кейт самолично продают туристам на рынке в столице Гавайев Гонолулу; шестые, седь-

мым словом, леди Робинзон «позаботилась» о всех своих подданных и каждому нашла полезное — для ее собственной семьи — занятие.

Может быть, островитянам разрешается покидать Ниихау? Нет, это «противозаконно». По всяким мало-мальски важным делам на соседние острова выезжает либо сама владычица, либо ее дети. Бывает лишь — но чрезвычайно редко, — что в Гонолулу с поручением посылается кто-нибудь из подданных. В этом случае он обязан вернуться и доложить об исполнении. И не дай бог, если в столице он расскажет об условиях жизни и порядках, царящих на Ниихау: нарушителя запрета ждет суровое наказание. Поэтому на Гавайях Ниихау известен еще и под другим названием: «остров Молчаливых».

О порядках на острове мы уже знаем (может, и не в полной мере, но кое-какие данные все же просочились). Теперь об условиях жизни. Как правило, они исчерпываются словом «нет». Здесь нет электричества. Нет чистой проточной пресной воды: пригодные для питья источники отсутствуют. Нет врача, и оказать кому-либо срочную медицинскую помощь невозможно.

Приезжают сюда лишь друзья и родственники семейства Робинзо-

нов. Без приглашения правителей никому из посторонних здесь показаться нельзя. Исключение делается лишь для представителей министерства здравоохранения. Остров Молчаливых закрыт для большого мира.

Впрочем, был один случай. Два журналиста решили приподнять занавес таинственности, окружающий Ниихау, и ночью незаметно высадились на берег острова. Они были босые... без головных уборов... одеты в изрядно потрепанные матросские рубашки... И когда утром их, мокрых и «изможденных», обнаружили островитяне, журналисты рассказали «страшную» историю. Будто бы их корабль потерпел крушение, будто бы они долго плыли в океане в поврежденной лодке, без усталости вычерпывая воду, и будто бы лодка в конце концов тоже затонула.

Робинзоны поначалу им поверили и даже оказали «необходимую» помощь. Но потом кто-то из семейства заметил, что «потерпевшие кораблекрушение» уж слишком живо и слишком многим на острове интересуются. Элен Робинзон моментально отдала соответствующие приказания, «матросов» схватили, связали и без лишнего церемоний выпроводили на соседний Кауаи.

А недавно на Ниихау произошла и вовсе беспрецедентная история — остров решил посетить сам губернатор Гавайских островов. Робинзоны ему в визите отказали!

В последние годы Робинзонам не раз предлагали продать остров. Запросы шли от частных лиц, от правительственных организаций, и — безуспешно. Семейство властителей Ниихау на все отвечает решительным отказом. Зачем? Они владыки, у них собственная «империя», есть две с половиной сотни вассалов, послушность которых «освящена» традицией.

Похоже, что за последние сто лет жизнь здесь не претерпела никаких изменений. И островитянам остается только надеяться, что кто-нибудь из внуков Элен Робинзон обнаружит (или ему подскажут): на дворе-то двадцатый век...

А. ГЛЕБОВ

Шветущей майоликовой фреской расстился шахриханский базар. Горы яблок, хурмы и винограда, пестрота тюбетеек и халатов, густые коричневые пятна глиняной посуды, сочные дразнящие ковры словно согрели унылый полумрак зимнего среднеазиатского неба...

Но я прошел мимо этого великолепия, потому что мастер Абдуллаев уже поджидал меня у входа в свою крошечную мастерскую. Двери ее выходили прямо на базар, а окна с прилегающей террасой смотрели на сонную и грязную воду арыка. Таких мастерских, объединенных в артель по производству знаменитых шахриханских ножей, было здесь около дюжины. И каждая почти ничем не отличалась от другой: небольшой горн, наковальня, несложный набор инструментов — молот, зубила, сверла, резцы, штампы, точильные камни.

Мастер Абдупатто Абдуллаев тоже на первый взгляд мало отличался от своих коллег: был он, как и они, меднолиц и суров, стремителен в движениях и скуп на слово. Кузнечной и чеканной работой занимался уже около тридцати лет и был достаточно известен и у себя в Ферганской долине, и за ее пределами. Узбекский нож-пичак принес ему эту известность. Широкий, звенящий, с черно-фиолетовым отливом, инкрустированный красными, зелеными, голубыми, белыми камешками-крапинками, на лезвии которого сияют три звезды и луна — древнее клеймо Абдуллаевых. Этот нож — незаменимый помощник за трапезой в кругу друзей, неотъемлемая деталь узбекского праздничного наряда.

— Сколько лет существует наш промысел? — медленно и чуть иронично переспрашивает он, откладывая в сторону баскан — молот, которым только что «отглаживал» раскаленную металлическую заготовку. — Неправильный ваш вопрос, товарищ: нужно говорить «веков». Да, да, веков. Сколько лет городу — столько и шахриханскому ножу. А значит, и всему нашему абдуллаевскому роду... Я не очень силен в истории и поэтому отвечаю так: мой отец делал ножи, и отец деда делал, и отец прадеда, и еще несколько пра-пра-пра... И все они — это я, Абдупатто. Потому что ничем другим, кроме ножей, мы не занимались. Моими руками предки продолжают свою работу...

В этот момент в мастерскую вошел сын Абдуллаева Юлбарс. Не говоря ни слова, он взял в руки резец, и на стальном лезвии обозначились плавные, прерывистые ли-

О. ЗУБОВ
Фото А. МАСЛОВА

ЗНАК МАСТЕРА

нии узоров. Вероятно, и ему лет через пятнадцать-двадцать придется повторить слова своего отца. Такова традиция: мастер обязан оставить после себя прямого наследника своего мастерства.

Прищурив глаза, Абдупатто глядел в горн, на пляшущие красные язычки пламени, словно ожидал увидеть одному ему известные краски и оттенки. Тысячеградусное марево полыхало внутри печи; пламя очистило лежащие рядом металлические полосы, и они наливались ровным бронзовым светом. Эти полосы-заготовки — в большинстве своем вышедшие из употребления, отбракованные на производстве подшипники, которые получает артель через контору Вторчермета. Абдупатто и другие мастера вполне довольны качеством этой стали, хотя и скучают по старым дедовским временам, когда сталь варили особым шахриханским рецептом, переходившим из поколения в поколение. Но, к сожалению, многие секреты этого сплава утеряны...

Вот мастер клещами перенес одну из заготовок на наковальню, взял молот и осторожными ударами стал счищать окалину. Грубый, безликий кусок металла буквально на глазах обретал форму и плоть ножа, делался податливым и послушным. Наверное, так работали деды и прадеды Абдупатто, и эти точные, размеренные движения перейдут по наследству к его сыну и внукам.

Юлбарс тем временем обтачивал рог горного козла: пройди многочисленные стадии обработки, он станет впоследствии рукоятью пичака. Затем мастер и его сын особыми резцами, штампами делали насечки и углубления в металле, заполняя их черной, красной и золотистой краской, смешанной с шарлаком — особым составом, который придаст ей прочность, блеск и изящество.

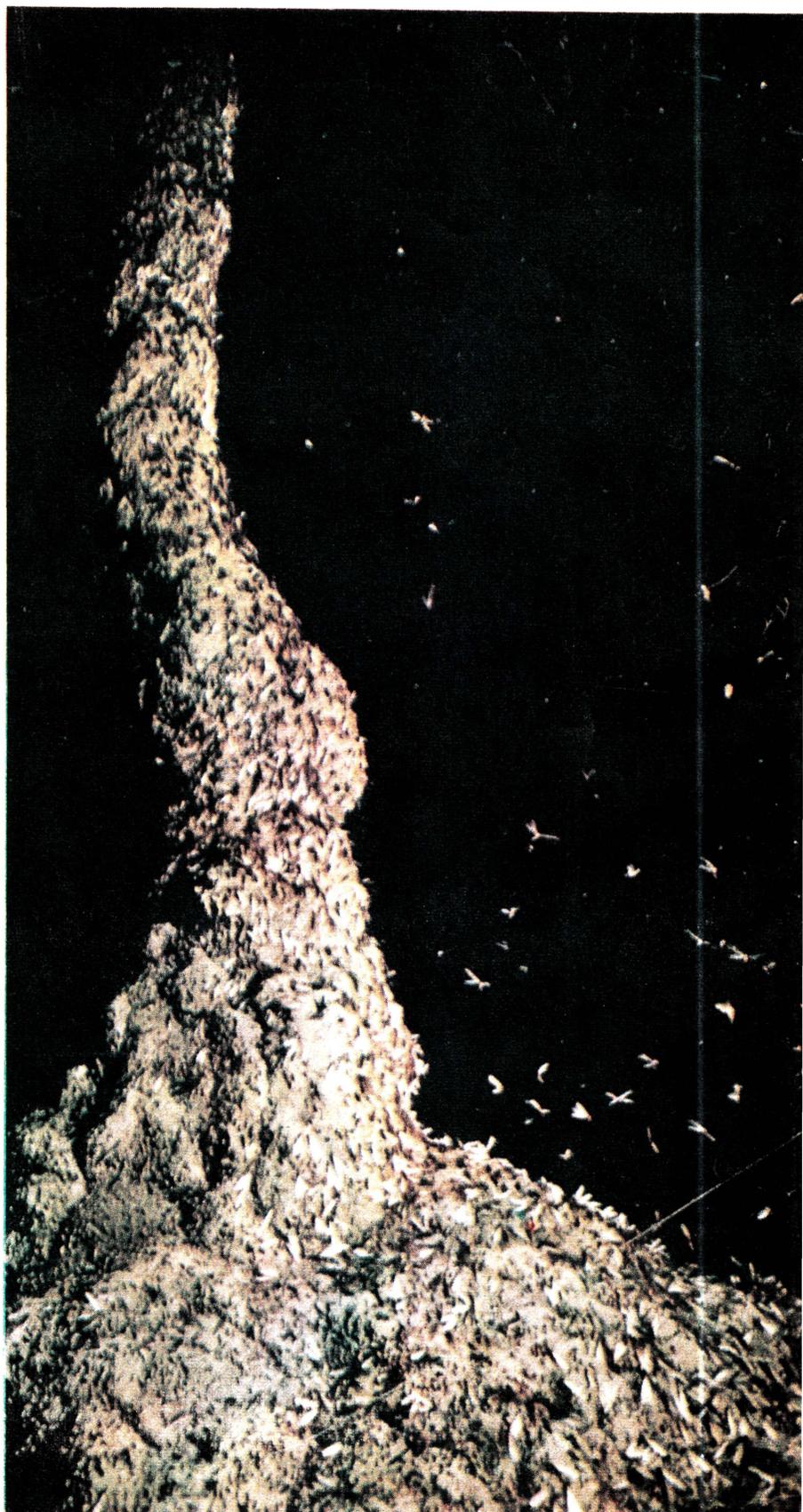
Через несколько часов после заковки и точки на рукоятке ножа зацвела старинная орнаментальная вязь, а широкое цвета воронова крыла лезвие украсилось фамильным клеймом Абдуллаевых — три звезды и луна. Мне показалось, что все эти узоры, тонкие и певучие переливы красок, словно сошли с мозаичных стен и куполов древних среднеазиатских мавзолеев...

Я не сказал, но, по-моему, это был не нож, а подлинное украшение, произведение искусства, место которому в витрине музея. Хотя сам Абдупатто никогда бы не согласился со мной.

— Можешь резать хлеб, можешь чистить картошку, а можешь повесить на ковер и смотреть, — сказал он мне на прощание. — Все можешь! — И, помолчав немного, улыбнулся: — Но лучше всего — резать дыню...

В. ЛЕБЕДЕВ, наш спец. корр.

ПОЛЕТ

ДЛИНОЮ В МИГ

Они тяжело отрываются от земляного купола, с трудом распахивая крылья. Четыре одинаковых, закругленных на концах крыла радужно вспыхивают в лучах солнца, чуть приподнявшегося над бескрайней равниной. Один за другим взлетают термиты в чужой им доселе воздух, вырываясь из тесного гнезда, стенами которого ограничивался привычный мир. Несколько неловких взмахов длинных крыльев. Полет — и падение. Их древнейший летательный аппарат мог парить лишь во влажных потоках незнакомой нам атмосферы... Кончился полет, длящийся мгновения, единственный полет в жизни.

Крылья больше не нужны; они мешают двигаться по земле; спасаться от многочисленных врагов, подстерегающих на каждом шагу; рыть убежище. Термиты цепляются за травинки, бугорки, переворачиваются на спину, пока не сбросят крылья совсем — они ломаются по едва заметному «шву». С треугольными обломками крыльев на спине самки поспешно убегают, оставляя на влажной после апрельского дождя земле следы. Приземлившись неподалеку самцы устремляются по этим следам. Они находят какое-нибудь убежище — ямку, чью-нибудь норку — и быстро начинают закапываться, вдвоем роют первый ход будущего гигантского лабиринта. Первоначальники новой семьи термитов закладывают гнездо.

...Мы стоим у серого холмика, поднимающегося над землей словно бронированный колпак дота, под которым таится неведомая нам жизнь. Все амбразуры уже наглухо закрыты.

— Теперь тут спокойно, а перед вылетом под куполом происходило настоящее столпотворение. — Курбанмухамед Какалиев заботливо прихлопывает свежие заплатки на узких прорезях гнезда.

С первым весенним дождем влажная духота заполняет подземные переходы, побуждая термитов подняться в верхние этажи. В непроницаемом куполе термиты-работчие пробивают отверстия. К ним устремляются крылатые, которые ютились до сих пор в самых отдаленных закоулках гнезда, страшась свежего возду-

ха и дневного света. Неудержимый поток крылатых термитов выносятся наружу, увлекая за собой рабочих и солдат из охраны амбразур на поверхность купола. Термиты взлетают. Зов продолжения рода сильнее страха перед смертельными опасностями!¹

¹ В момент вылета термитов поедают все их заклятые враги, бегущие, ползающие и летающие — от муравьев и ящериц до птиц и рыб, — а на окраинах деревень их поджидают домашние птицы и животные. Дело в том, что крылатых перед выходом откармливают как на убой самой лучшей пищей, потому что первое время в новом гнезде им приходится довольствоваться прежними «запасами» — пока не подрастут рабочие-фуражиры. Даже люди не упускают аппетитную добычу: в тропических странах на термитниках устанавливают конусовидные ловушки. Упитанных жареных термитов подают к столу как деликатес.

Тем временем, несмотря на то, что не все еще рабочие и солдаты вернулись обратно, отверстия в куполе сужаются — их заделывают изнутри, чтобы гнездо не погибло от потока жаркого воздуха. Оставшиеся снаружи термиты обречены: в одиночку им не выжить. Но крылатые, даже если им не удалось взлететь, никогда не возвращаются в термитник...

Какалиев наклоняется к уткнувшимся в землю термитам, подставившим незащищенные белые тельца острым жвалам муравьев. В мертвой тишине пустыни еле слышен сухой шелест скинутых крыльев, устилающих землю, словно опавшие лепестки.

Нелегко сразу постигнуть некоторые законы жизни термитов. Невольно вспомнились встречи и беседы в Ашхабаде, где я поджидал хозяина термитного полигона Курбанмухамеда Какалиева.

Меня поразило, что термиты занимают среди насекомых одно

Термиты тропических стран:

Ночной вылет крылатых термитов после сезона дождей.

Муравьи напали на термитов, в центре — длинокрылые.

из первых мест в мире как... вредители. Гостеприимный Ата Овезович Ташлиев, директор Института зоологии Академии наук Туркменской ССР, предлагая посмотреть солидную литературу по биоповреждениям, успокаивал: «У нас в стране лишь несколько видов термитов, а всего их ни мало ни много 2600...»

Термиты чувствуют себя как дома в любом поселке, на строительных объектах, гидросооружениях, в диапазоне их интересов все лесное и сельское хозяйство, промышленность. Во многих странах они приносят громадный вред, исчисляемый сотнями миллионов долларов. Их аппетит так же велик, как огромен ассортимент «блюд», включающий все виды сооружений из древесины, начиная с телеграфных столбов, шпал и кончая мостами и жилыми строениями. Кроме того, термиты лакомятся зерном, асбестом, покрытием кабеля, линолеумом, съедают целые машины и ангары.

— Даже самолеты, — говорит Ташлиев. — Правда, иногда термиты могут этим принести и пользу. Так, во время войны во Вьетнаме в резерве у американцев стояли в замаскированных ангарах танки и самолеты. Когда они понадобились, их не могли стронуть с места: танки не пошли, а самолеты не взлетели...

Беседу нашу Ата Овезович кончил предложением посмотреть экспериментальную лабораторию по термитам:

— Когда-то мы работали вместе с известным термитологом Александрой Николаевной Лупповой. Теперь заведует лабораторией Курбанмухамед Какалиев. Там вы его и встретите.

...Я сижу за лабораторным столом, поглядывая на изъеденные термитами сырцовые кирпичи и изрытые их ходами куски стропил, читаю официальные запросы. Орловский завод погрузчиков убедительно просит сообщить наименования термопластиков, испытанных на термитоустойчивость и пригодных для изготовления деталей машин, поставляемых в тропические страны.

Вот запрос с примечательным названием «О наличии белых термитов в Лаосе»:

«Институт Росгипрпроводхоз в настоящее время ведет работу по проектированию комплексного мелиоративного сооружения в ЛНДР. Некоторые конструкции, например мосты, запроектированы деревянными. Просим сообщить, в какой организации мы можем получить сведения о наличии в северных провинциях Лаоса белых термитов и консультацию о мерах борьбы с их разрушительным дей-

ствием. Из-за весьма сжатых сроков проектирования желательнее было бы получить ответ в течение месяца».

В ожидании Какалиева рассматриваю термитов в пробирках и коробках, которые показывает лаборантка Светлана Логунова, побывавшая в экспедиции на юге Туркмении.

— Там разбойничает боевой туркестанский термит, с которым очень трудно бороться. Эти термиты осаждают дом по всем правилам военного искусства. Скрытые под землей (их гнезда не возвышаются над поверхностью), они ведут длинные ходы, пробуравливают снизу фундамент и врываются в дом, как во вражескую крепость. Термиты проникают в стены, балки, мебель, а хозяева ничего не замечают, даже не слышат, хотя тысячи жвал вонзаются в древесину. Бывали случаи, когда после долгой отлучки хозяин входил в целехонький на вид дом — и рассыпался на куски двери, от прикосновения рушились шкафы и полки, падали столы и стулья. Сохранялась лишь оболочка вещей, а внутри было все выедено термитами...

Недоверчиво разглядываю со всем маленькими существами: от нимф — так называют одну из стадий развития термита — до бескрылых рабочих и длиннокрылых родоначальников новых семей. Неужто об этих совсем безобидных на первый взгляд насекомых идет такая громкая и, к сожалению, чаще всего дурная слава по всему свету?

— Ну как, познакомились? — кивает на пробирки Владилен Кипятков, молодой ученый с кафедры энтомологии Ленинградского университета. Я уже знаю, что Владилен защищал кандидатскую диссертацию по общественным насекомым, поэтому надеюсь на его помощь.

— Откуда хоть они взялись, такие прожорливые?

— Как раз мы сюда и прибыли, чтобы попробовать уяснить происхождение термитов.

Когда-то считалось, что муравьи и пчелы, тоже общественные насекомые, появились одновременно с термитами. Но это мнение опровергли ископаемые термиты из каменноугольных пластов. Наконец, на Урале нашли отпечаток насекомого с почти двухсантиметровым крылом. Этот предполагаемый предок термитов парил над громадными папоротниками четверть миллиарда лет назад, тогда рядом еще даже не порхали бабочки — их просто не было. Но, вы знаете, — продолжает Владилен, — в термитологии бытует твердое представление, что термиты еще древнее, чем предполагалось ранее, что сородичами их являются... тараканы.

Мы хотим сейчас собрать крылатых, чтобы расшифровать их родственные связи. Тип строения головы, продольное жилкование крыла, большое число сегментов брюшка — все это говорит о том, что тараканы и термиты близкие родственники. Засняв крылатых на киноплёнку, мы можем выяснить, как они летают, как изменяется форма и профиль крыла в полете, что позволит уточнить происхождение термитов.

Они попали в Каранумы свозы миллионную толщу лет из древнейших лесов (ведь пустыня здесь была не вечна), где было вдоволь пищи. Поэтому термитам так вольно живется в африканских лесах. А в Каранумах, в песке под безжалостным солнцем, окруженные врагами, они зарылись в землю и использовали корм, где у них не было конкурентов, — древесину...

Увлеченные рассказом Владилена, явно равнодушного к своим насекомым, мы не заметили, как в лаборатории появился большой человек в брезентовой куртке, обожженный солнцем и пропыленный ветрами пустыни.

— Давно здесь сидите, — утвердительно сказал он мне и широко улыбнулся. — Завтра с утра едем в Баба-Дурмаз, на полигон: начался выход крылатых.

Это и был Какалиев.

Институтская «летучка», громадная бидономы с плещущей колодезной водой (все-таки едем в пустыню), мчит по улицам-аллеям Ашхабада.

— Смотрите, какие дома, просторные площади, фонтаны в садах, — красавец город вымахал за тридцать лет после того страшного землетрясения, — говорит Какалиев. — А ведь разрушений, жертв могло быть меньше, если бы не термиты. Из-за них особенно пострадали старые кварталы. В глинобитных постройках после первого толчка обрушились потолки, стены, изъеденные термитами. И до сих пор они хозяйничают в селах, даже в Ашхабаде. Перед вашим приездом ко мне приходил старик, просил посмотреть его жилище: заметил вроде бы следы разрушения. Поглядел я его дом и обнаружил, что проедены стропила, стоило тронуть штукатурку — открылись ветвистые ходы... Термитоз сокращает жизнь домов лет на двадцать. Поэтому мы стараемся предупредить атаки термитов, делаем контрольные осмотры. Тем более что термиты пробрались даже в центр города... — Внезапно поднявшись, Какалиев показывает в сторону сиенюющих вдаль холмов. — Предгорье Копетдага, недалеко уже полигон.

Дорога сворачивает к Каракумскому каналу. Сквозь кустарник и камыши выезжаем к мосту, под которым несется мутный поток. Колеса протучали над водой, и в раздвинувшейся степи возникли два облупившихся вагончика, сиротливо спрятавшихся за тонкой проволокой ограждения. Быстро сгружаем бидоны, и машина снова уходит за водой на канал.

Утреннюю тишину нарушает лишь крепнущий ветер, в шуме его мне слышится гул древних лесов... Весна еще не уступила лету: алеют маки, голубеют колокольчики. Но скоро высушенная ветрами и солнцем степь будет действительно походить на полигон, усеянный «бетонированными» куполами термитников.

Мы торопимся посмотреть на крылатых термитов. Впереди неожиданно вскинулась столбиком любопытная песчанка; прошуршала, переваливаясь с боку на бок, маленькая черепаха; что-то светлое не успело промелькнуть у наших ног, как моментально в руке Какалиева билась стальной пружиной тоненькая змейка.

— Стрелка, — сказал он, заметив мой ослепивший взгляд, — не укусят...

Размашисто шагает по своему тридцатигектарному полигону Какалиев, готовый все показать и объяснить.

— Что это? — Перед нами странный кустик карагана, будто вынутый из раствора цемента.

— «Лепка» называется. Видите, от куста идет узенькая дорожка к гнезду. Вот по таким серым шнурам я нашел термитный холмик около дома старика, о котором рассказывал. Это заготавливают провиант фуражиры большого закаспийского термита. Крытые тепроводы, сооруженные из собственного «цемента», предохраняют термитов от света, обжигающих лучей, неожиданных засад врагов и позволяют им обойти препятствие, сделать марш-бросок за кормом. Тут, на карагане, термиты-работчие объедают кору, обычно же лепкой покрывают заохшие веточки.

«Санитарами Каракумов» называют Курбанмухамед Какалиев термитов. Поедая большие, высохшие растения, они ускоряют их минерализацию, которая медленно проходит в условиях пустыни, повышают плодородие почвы. Экологи говорят, что термиты незаменимое звено в круговороте веществ в природе...

Мы остановились над термитным холмиком, почему-то побелевшим с одной стороны.

— Выступили на поверхность соли, вынесенные термитами из глубины земли. В гнезде почти в

два раза больше солей, чем в окружающей почве. Кто-то из древних, чуть ли не Геродот, утверждал, что термиты докапываются даже до золотого песка и поднимают его наверх.

Какалиев величавым жестом показывает на купола термитников, словно это не холмики в тридцать сантиметров, а высоченные башни африканских термитов.

Оказывается, в земляных пробах из гнезд большого закаспийского термита обнаружено свыше двадцати элементов таблицы Менделеева; есть и серебро, но золота, к сожалению, нет. Добровольные разведчики недр в поисках воды, глубоко залегающей в Каракумах, роют многометровые колодцы. А жажду термитов может утолить только вода, содержащая растворы металлов. Используя эти особенности термитов, зарубежные ученые обследовали в одной долине все термитники и даже попытались составить карту предполагаемых запасов полезных ископаемых...

Незаметно мы обошли почти весь полигон, когда навстречу нам, свернув с дороги, запрягала по полю «летучка», вернувшаяся с канала (к большому огорчению Какалиева, единственный в стране термитный полигон не огорожен, так что по нему может свободно пройти автомобиль или стадо, калеча гнезда и сбивая номерные рейки участков). Из кузова машины выкинули лопаты, спустили ведра с водой. Начальник полигона бережно развернул весьма потертый план и начал неторопливо разглядывать на нем помеченные термитные холмики, где были зарыты испытываемые материалы, проставлены даты их закладки. Его медлительность только подогревала мое нетерпение. Признаться, я не так жаждал полюбаваться на объеденную термитами синтетику, вынутую из куполов, как хотелось рассмотреть вблизи обнаженное гнездо.

У меня было давнишнее желание увидеть саму царицу. Еще в детстве мне попала в руки старинная книга о белых муравьях (так ошибочно называли термитов). На одной из ее пожелтевших страниц поразил рисунок: в низкой пещере покоится белая махина с крошечной головкой, которую обихаживает масса мелких существ. Это под сводами царской камеры термиты-работчие кормят и поят родоначальницу семьи и даже уносят от нее яйца. Весь суетящийся круг в центре с царицей охраняет кольцо солдат.

Поэтому, как только были вынуты первые образцы из распахнутого нутра гнезда, обдавшего

влажным теплом, я ожидал сразу же встретиться с царицей. Но увидел лишь лабиринт ходов, по которым взад и вперед сновали термиты.

— Вы видите не беспорядочное движение, — объяснял Какалиев, — а выверенную миллионами лет до малейших деталей сложнейшую жизнь, центром которой является царица, несущая ежедневно тысячи яиц. Именно ей прежде всего тащат рабочие корм. Термиты многократно переваривают древесину¹ с помощью бактерий, пока отходы не станут темным строительным веществом. Из него делаются камеры, где хранятся запасы корма, содержатся яйца, прячутся нимфы и крылатые.

— Где же царь с царицей? — с надеждой обратился я к Какалиеву.

— Даже если бы мы обнаружили их под куполом, то трусоватый царь исчез бы моментально. Но царская камера обычно находится не в надземной части гнезда, а гораздо глубже. Поэтому так нелегко уничтожить гнездо термитов, поселившихся около дома...

Действительно, можно заливать термитник ядовитыми растворами (правда, не все они безвредны для человека и окружающей среды); можно попытаться его перекопать (хотя практически это трудно — ведь ходы занимают многие квадратные метры, идут на несколько метров в глубину). Только в одном гнезде тысячи термитов. Пусть погибнут царь и царица, но у них всегда найдутся заместители, которые сразу же начинают нести яйца. Так что термитное гнездо очень живуче², возраст его измеряется десятками лет.

...Стоило из следующего гнезда извлечь полусъеденный пластмассовый кубик, как вслед за ним вывалилась сколопендра — еще один недруг термитов. И тут неожиданно развернулось драмати-

¹ Верно, что одна семья термитов поедает кубометры древесины, но верно и то, что само гнездо — это тоже кубометры обогащенной органикой почвы, в том числе и за счет биомассы термитов. В гнезде гораздо больше гумуса, чем рядом с ним. Тысячи ходов и переходов под куполом перемешают горизонты почвы, увеличивают ее пористость, сохраняя структуру.

² Саморегуляция внутри термитной колонии — интересная, не вполне изученная сторона жизни термитов. Из абсолютно одинаковых личинок в зависимости от нужд семьи может развиться солдат, рабочий или заместитель царицы. Считается, что пророст тех или иных особей регулируется особым органическим веществом, выделяемым термитами. Именно через него передается информация о том, какая категория насекомых нужна в данное время этой семье.

ческое зрелище, вид которого заставил забыть на время недосыгаемую камеру с царицей.

К образовавшемуся пролому первыми кинулись солдаты, выставляв вперед могучие головы-цилиндры с угрожающе раскрытыми жвалами (африканцы используют для заживления ран термитов-солдат, которые своими жвалами стягивают, «сшивают» рваные края раны).

Тем временем, вытягиваясь непрерывными цепочками из путаницы ходов, рабочие торопились залатать дыру в куполе: один тащил песчинку, укрепляя ее на краю пролома, другой цементировал этот «кирпичик» клейким веществом, третий припечатывал его головой, словно прессом. И эту ювелирную работу делали слепые насекомые!

Откуда ни возьмись к гнезду подскочил большой муравей на высоких ножках, с задраным вверх брюшком, прозванный за экстравагантный вид «фазтончиком», или, попросту, «бегунком».

Непостижимо быстро разведчик муравьев учуял беду в термитной семье, и вслед за ним к пролому побежали другие фазтончики, заклятые враги термитов.

Многовековая война между термитами и муравьями явилась, вероятно, в свое время одной из причин отступления термитов под бетонированный колпак гнезда и даже под землю.

Солдаты-термиты, заняв сплошную оборону, стойчески принимали удары, словно футболисты мяч, на желтые головы, прикрытые прочным хитиновым покровом. Но черные волны бегунков буквально затопили купол термитника. Уже первые, наиболее упорные, ворвались в гнездо. Борьба становилась явно неравной. Сквозь бреши в поредевшей цепи солдат фазтончики хлынули внутрь термитника. Острые челюсти муравьев вонзались в незащищенные брюшки солдат, прокусывали головы рабочих. Они уже старательно тащили на себе лакомую добычу: нежных нимфочек и упитанных крылатых.

Вот один бегунок выбрался из свалки и остановился «передохнуть». Так как длинные крылья добычи мешали ему двигаться, он в момент их обламывает и трогается дальше. Притащив добычу к муравейнику, бегунок сбрасывает ее у подножия и, пританцовывая, мчится обратно грабить термитник.

Солдаты, отступив в глубь гнезда, создали вторую линию обороны, позволив рабочим замуравывать ходы, хотя снаружи продолжалось истребление беззащитных термитов. Семья жертвовала многими своими членами, чтобы спасти гнездо от гибели...

Жалея термитов, Курбанмухамед Какалиев заложил пролом обломком купола, полил его водой и тщательно размазал «цемент» лопатой, чтобы снова внутрь не проникли муравьи.

Он молча поманил меня к соседнему гнезду и показал на одной его стороне свежую землю. Потом ковырнул купол с другой стороны, оттуда моментально выскочили... бегунки.

— Нашли с восточной стороны гнезда маленькое отверстие и разрывают его, выносят потихоньку землю. Так муравьи, проникая под купол и тесня термитов, устраиваются там в ходах и камерах как дома. Вот вам биологический фактор, который сдерживает распространение термитов.

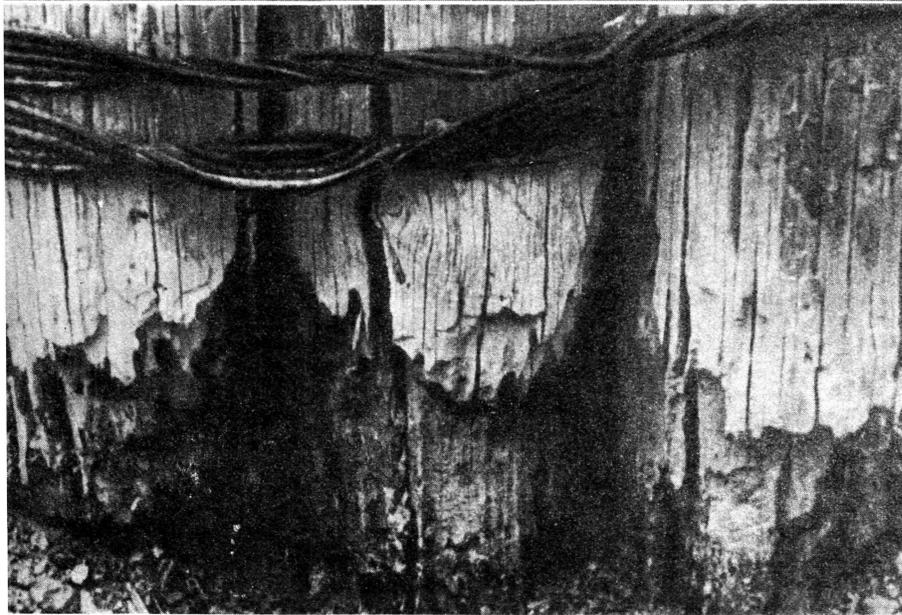
Я уже не вспомнил о своем легкомысленном желании посмотреть на царицу. То ли мне послышались нотки неодобрения в голосе Какалиева, когда он демонстрировал разбойничьи действия бегунков, то ли поразила его заботливость о термитном поголовье на своем полигоне, где велся счет каждому холмику. Достаточно было только понаблюдать, как осторожно он вырывает красные и желтые синтетические квадратники и ромбики, как старательно заделывает купол, поливая его водой, чтобы понять его бережное отношение к своим помощникам-термитам. Сколько ампула у одного насекомого: интереснейший объект для научных исследований, незаменимое звено в круговороте веществ в природе, прожорливый вредитель и... помощник человека в борьбе с тем уроном, который он же наносит хозяйству.

На полигоне в Баба-Дурмаз:

Вскрытый купол термитника: видны уложенные для испытания образцы синтетических материалов.

Телеграфный столб, изъеденный термитами.

Фото К. КАКАЛИЕВА

Царица, окруженная рабочими и солдатами, в раскрытой камере (тропки).

При опытах на полигоне термитологи определили, что, кроме древнейшего корма — древесины, их подопечные переваривают резину, радиолампы, лаки, полиэтилен. Термитам дали попробовать уже более тысячи различных материалов, которые иногда испытывают в течение нескольких лет. Добираясь до лакомства, они могут проесть несколько слоев стеклоткани, прогрызть свинец. Особенно тщательно в термитном ОТК проверяются изделия, отправляемые в тропические страны, чтобы наша продукция оказалась не по «зубам» зарубежным собратям туркменских термитов. Благодаря исследованиям термитоустойчивости материалов (например, испытание различных пропиток, антисептиков, давшее положительный результат), разработке противотермитных мероприятий по защите зданий (предварительная обработка почвы химикатами, бетонные фундаменты, высокие каменные основания и т. д.) были сэкономлены миллионы государственных рублей. Термиты сами подсказывают людям, что разумнее предупредить их появление

и гораздо труднее бороться после захвата ими любых сооружений.

...Когда мы возвращались с полигона, в окнах вагончиков уже отражалось вечернее солнце. Перед ними на койке под открытым небом (летом внутри невозможно от духоты спать) листал тетрадку с записями новый сотрудник термитной лаборатории Анначары Оразмухамедов, только в прошлом году окончивший институт

— Молодые энтузиасты двигают науку? — киваю я на Анначары.

— Пусть сам скажет, — без улыбки роняет Какалиев, и в его голосе я не слышу особого оптимизма.

Мне понятно, в чем тут дело. Сразу же по приезде на полигон, когда я удивленно разглядывал металлические вагончики, плохо приспособленные для жилья и работы, мне объяснили, что особых экспериментов здесь показать не смогут. С опытами тут особенно не развернешься, так как термиты просто-напросто гибнут в жарких вагончиках. Нужны новые помещения, специальное оборудование, квалифицированные кадры для

успешной работы на полигоне. Иначе мечты Какалиева и других ашхабадских термитологов о новых интересных экспериментах вряд ли сбудутся.

Анначары с увлечением рассказывал мне о воздействии микроэлементов на термитов (не случайно ведь они так настойчиво их изыскивают и выносят из глубин почвы в гнездо). Почему, например, олова и молибдена нет в голове и брюшке насекомого, а магний содержится во всем организме? Опять же серебро почему-то является привилегией только крылатых, да и то присутствует не во всех частях тела?!

Перспективным считают ученые биологический метод борьбы с термитами, но в здешних полевых условиях невозможно поставить опыты с бактериальными препаратами.

Обо всем этом мы неторопливо беседовали душным вечером около вагончиков. На землю упали быстрые сумерки. А под куполами термитников, вокруг нас, кипела непрерывная работа, шла еще не во всем понятная нам жизнь.

Баба-Дурмаз —
Ашхабад — Москва

А. ФАЛЬК-РЕННЕ,
датский путешественник
Фото автора

ОГОНЬ И ЯНГГОНА

МАКА ИЗ ПЛЕМЕНИ САВАУ

В 1975 году я предпринял путешествие по островам Южных морей, пытаюсь восстановить картину путешествия

Отрывок из книги А. Фалька-Рённе «Справа по борту — рай». Полностью книга выходит в Главной редакции восточной литературы издательства «Наука».

восставших моряков с корабля «Баунти». Мне было известно, что люди Уильяма Блая пытались высадиться на острове Ясава из группы островов Фиджи, но после стычки с меланезийцами отказались от своей затеи. Так я попал на острова Фиджи...

Я пробуждаюсь от лучей ослепительного солнца и шепота крон кокосовых пальм. Это мое первое утро на безымянном островке. Накануне вечером мы с Куми, моим спутником-фиджийцем, возвели над остовом древней хижины крышу из пальмовых листьев. Теперь мы разбрелись с ним в разные стороны в поисках хлебных деревьев и посадок таро, которые, по словам капитана шхуны, доставившей нас, должны быть на острове.

Едва Куми скрывается из виду и я начинаю пробираться сквозь заросли в глубь острова, освобождая путь длинным ножом, как мной овладевает томительное чув-

ство одиночества. Видимо, этому способствует отдаленный гул волн, бьющих в риф; кажется, будто ты совсем один в этом затерянном, далеком от цивилизации мире. Мысленно переношусь в большой шумный город, как вдруг замечаю следы на красно-желтой земле. Поначалу я склонен принять их за мои собственные, но, взглянув на прорубленную в зарослях дорогу, понимаю, что это не так. К тому же по свежим засечкам на мангровых кустах можно судить, что совсем недавно здесь прошел человек.

Я бегом устремляюсь к хижине на берегу, а затем по следу Куми. Он обнаружил плантацию таро и очень доволен. Я рассказываю ему о своем открытии, но тот лишь пожимает плечами:

— Да это рыбаки с острова Бенква, — замечает Куми невозмутимо. — Жаль, они могут увести у нас черепах.

На всякий случай Куми все же отправляется со мной, и мы продвигаемся вперед, прорубая себе дорогу в мангровых зарослях. В глубине острова, на заросшей высокой травой полянке, на корточках сидит человек, склонившийся над вырытым в земле очагом. Среди раскаленных камней виднеются кучки светло-красного мяса.

— Булла! — кричит Куми, что по-фиджийски означает «доброе утро».

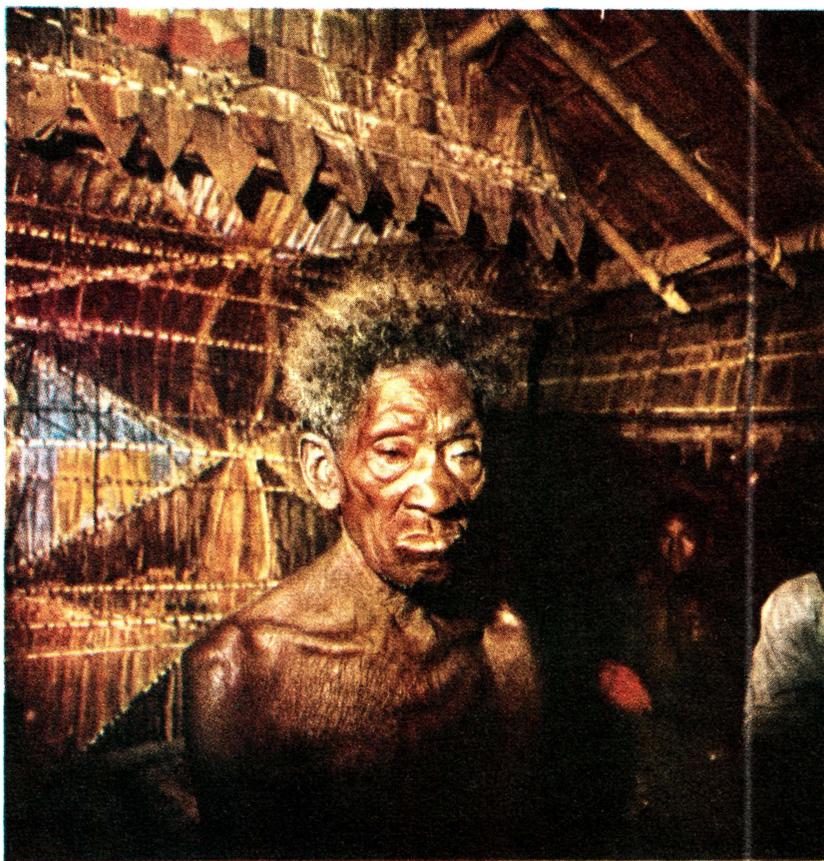
Незнакомец вскакивает и хватается за копьё. Лишь теперь я вижу, что это молодой человек. Лицо его вымазано болотным илом. На плечах у него листья, а всю одежду составляет набедренная повязка. Куми говорит ему, видно, несколько успокаивающих слов, ибо незнакомец отставляет копьё в сторону и направляется к нам. Меня он все же слегка побаивается: вероятно, давно не встречал европейца. Но вскоре выясняется другая, более прозаическая причина его опасений: светло-красные куски в каменном очаге — черепашие мясо, а охота на черепах сейчас запрещена. Незнакомец принял меня за представителя администрации и испугался. Но Куми устраняет недоразумение, и я знакомлюсь с Мака — так зовут молодого человека. Он принадлежит к племени савау, населяющему четыре деревни на наветренной стороне острова Бенква.

— Он огнеходец, — почтительно говорит Куми.

— Огнеходец? Что это значит?

— Через два дня в своей деревне Мака будет ходить по раскаленным камням.

В первый момент я подумал, что речь идет о своего рода испытании, когда человек, дабы доказать свою невиновность, должен пройти по раскаленным камням. Но оказа-

лось, что речь идет совсем о другом. Мака разъясняет мне суть дела. Много лет назад воин по имени Туи-на-ивиквалита ловил угрей в горной речушке на острове Бенк-ва. Уложив свою добычу в плетеную корзину, он направился домой. Каково же было изумление Туи, когда он обнаружил среди угрей карлика, который назвался «духом огня и дыма». Если Туи пощадит его жизнь, сказал карлик, то в благодарность он наградит мужчин племени савау способностью противостоять огню — они смогут безболезненно ходить по раскаленным камням.

Это был щедрый подарок, ибо ни одно враждебное племя не осмелилось бы убивать людей савау из боязни поссориться с духом огня. Стремясь доказать, что мужчины племени савау по-прежнему пользуются божественной привилегией, они и по сей день раз в году выступают в качестве огнеходцев. Перед этим молодые мужчины подвергаются «очищению»: им запрещено общаться с женщинами и есть кокосовые орехи. Обычно они живут в полной изоляции на пустынных островах, вплоть до знаменательного дня. Вот почему мы и обнаружили Мака на нашем острове.

— Значит, они босиком прыгают в очаг и танцуют на раскаленных камнях? — спрашиваю я.

— Да, и при этом поют псалмы. Мака — вожак молодежи у миссионеров-методистов на острове Бенк-ва.

Набожный методист, ходящий по огню во славу языческих богов? Поистине времена смешались на островах Фиджи...

В далекие времена обычай огнехождения принес войнам племени савау славу бесстрашных. Они строили боевые каноэ и совершали на них опустошительные набеги на прибрежные районы острова Вити-Леву, однако до жителей горных районов никогда не доходили. Еще и по сей день в глубь этого большого острова ведут лишь узкие тропы, по которым можно проехать только на лошади. Там, в затерянных деревеньках, до сих пор живут первобытные племена. В самом центре острова, в четырех днях пути верхом от последнего цивилизованного поселения, на горном склоне, в окружении колючих зарослей и травы высотой в человеческий рост, лежит цель нашего с Куми путешествия — деревенька Намбу-таутау, где был убит и съеден последний миссионер в Южных морях...

КРЕПОСТИ СТАРЫХ ВРЕМЕН

Когда мы, оседлав лошадей, направились по тропе, ведущей в глубь острова Вити-Леву, Куми, еду-

щий позади меня, указал на пальму, что росла на вершине холма, покрытого щетинистой травой:

— Посмотри, вон там фиджийская крепость.

Крепость? Я не сразу понимаю, что он имеет в виду. Куми натягивает поводья и кричит лошади «бу-ух», что означает «тпру!».

Мы спешиваемся и пробираемся сквозь траву.

— Ты не очень разберешься в жизни здесь, на Вити-Леву, если не постигнешь важнейшее из наших жизненных правил... Оно имело значение почти до нашего времени, — говорит Куми.

— В чем же его смысл?

— Старайся не угодить в лапы врагу, а потому всегда находишься неподалеку от кокосовой пальмы, на которой при необходимости можно укрыться.

Я устремляю взгляд на пальму. Слегка раскачиваясь, она тянется на двадцать—двадцать пять метров высь; на ее верхушке большими связками висят орехи. Одни из них зеленые, эти незрелые; другие — коричневые, с твердой скорлупой; весят они килограммов по восемь. Я затрудняюсь сказать, сколько их на дереве, но, по мнению Куми, штук пятьдесят. Одни падают, другие растут — каждый день пятьдесят.

Под самой верхушкой пальмы настоящие заросли острых длинных веток и тонких волокон, напоминающих лен. Они свисают со стволов пальм, ветки которых, раскинувшись веером, дают тень и прохладу.

— Вплоть до того времени, когда к нам чуть больше ста лет назад пришло огнестрельное оружие, каждая высокая и крепкая кокосовая пальма считалась неприступной крепостью, — продолжает Куми. — Пальмы не только давали нам пищу, строительный материал для домов и каноэ, но и спасали жизнь тысячам фиджийцев. Наше племя давно бы вымерло, не будь у нас этих деревьев.

Каждая деревня была практически независимым государством. Дома строили за бамбуковыми зарослями, на труднодоступных вершинах. Жители отдельных поселений постоянно нападали на соседей, убивали людей, уводили с собой пленных.

— Не будь у нас высоких кокосовых пальм, вряд ли сегодня осталось бы в живых много фиджийцев, — продолжает Куми свой рассказ. — У воинов были только пащи. Некоторые, правда, брали с собой в походы рыбацкие копья, но луков и стрел тогда не существовало. Так что добраться до человека, который залез на высокое дерево, лишенное веток, было почти невозможно.

На макушке вон той пальмы полгода просидел человек по имени Тамбуалева. Воины из деревни Нандрау напали на его деревню Намбуау, расположенную по другую сторону горы, что виднеется слева от нас. Тамбуалева был единственный, кому удалось спастись. Пальма снабжала его всем, что нужно для жизни. Свежее кокосовое молоко хорошо утоляло жажду; пища, конечно, была однообразной, но не давала погибнуть с голоду.

Воины из Нандрау хотели отомстить Тамбуалева за то, что двумя годами ранее он выкрал из их деревни трех молодых девушек. Вот почему они держали осаду пальмы неделю за неделей.

— А разве они не могли ее срубить?

— Это каменными-то топорами? Даже современная механическая пила вряд ли легко осилит такую пальму. Единственный способ свалить ее — вырыть вокруг глубокую канаву, чтобы лишить корни питания.

— Почему же они этого не сделали?

— Они пытались, и один из воинов поплотился за это жизнью — Тамбуалева кинул ему на голову кокосовый орех. Ты не забывай, что прежде чем пальма начнет засыхать, пройдет несколько месяцев и еще столько же, пока она упадет.

Воины, осаждавшие дерево, всеми способами пытались заставить Тамбуалева спуститься вниз. Они делали даже вид, будто снимают осаду, а сами прятались в зарослях, откуда могли отлично наблюдать за пальмой. Но это не помогло. Тамбуалева оставался в своей неприступной крепости, а враги его были слишком нетерпеливы и недолго выдерживали в засаде. Больше полугода Тамбуалева просидел на дереве, а затем ему на помощь пришли люди из племени вайкум-букумбу, и он прожил еще много лет.

Тысячи фиджийцев укрывались на пальмах в минуту опасности, хотя вряд ли многие из них выдерживали столь длительную осаду, как Тамбуалева. Когда же европейские торговцы доставили на острова первые шомпольные ружья, убежища на деревьях потеряли свою значимость. Рассказывают, что, став первым на островах обладателем четырех ружей, король Науливоу прежде всего отправил своих воинов к устью реки Насиви, где после одного из набегов на верхушках пальм укрывались люди. При помощи нового оружия он за короткое время согнал всех вниз. Появление ружей означало подлинную революцию в ведении войн, и в течение нескольких лет резко сократило численность насе-

ления острова Вити-Леву. А то, что не сумело сделать это европейское изобретение, довершила эпидемия кори (она тоже пришла с белыми), которая менее чем за три месяца унесла сорок тысяч жизней — примерно треть всех жителей.

ЯНГГОНА ДЛЯ НЕЗНАКОМОГО ВОЖДЯ

Не проехали мы и нескольких часов, как я понял, почему Вити-Леву принадлежит к числу забытых островов Южных морей. Гористый ландшафт, джунгли по берегам бурных речек, глубокие ущелья и высокая колкая трава превратили остров в бездорожную глушь.

Конечно, между отдельными населенными пунктами имеются тропы, но они были проложены в те далекие времена, когда островитяне главное внимание уделяли интересам обороны, а потому тропы тянутся по гребням высот, где местные жители могли заранее обнаружить приближение врага. Эти узкие дороги петляют по зеленым склонам и обрываются у речных берегов, вместо того чтобы следовать вдоль них. К сожалению, я не могу похвастаться способностями к верховой езде. К тому же продолжается сезон дождей, долгие ливни превратили тропу в стремительный горный поток. Токо, мой конь, погружает тощие ноги в глубокие, полные воды ямы, спотыкается, и я то и дело скатываюсь в грязь, доставляя Куми немало веселых минут. Признаться, ему все происходящее кажется гораздо забавнее, чем мне. Он говорит, что я размалеван как настоящий фиджийский воин времен его предков — в те дни, отправляясь в поход либо в гости в другую деревню, воины мазали лица грязью. Но когда мы приближаемся к первой деревне, он все же просит меня вымыться в речке.

— Когда мы уезжали из Тавау, я видел у тебя в мешке красивую белую рубашку, — говорит он. — Не мог бы ты ее надеть... и еще галстук?

— Но зачем? Ты ведь сказал, что мы только проедем через деревню, чтобы успеть к ночи в Нандрау?

— Верно, но нам все равно придется выпить янггону. Запомни: нельзя миновать ни один дом или просто сторожку в лесу, не выпив с их обитателями янггону. На вождей и старейшин произведет хорошее впечатление, если ты будешь чистым и аккуратно одетым. Вождь деревни, наверно, уже видел нас, когда мы ехали поверху...

— В таком случае он успел заметить и мое испачканное грязью лицо, и замызганную рубашку.

— Конечно, и поэтому он будет особенно доволен, если обнаружит, что ты помылся. Это усилит твою ману, так что искупайся, не осложняя мне жизнь.

Затем Куми заставляет меня надеть галстук, хотя температура не менее 40 градусов в тени. Но его предусмотрительность и в самом деле усилила мою ману — этим словом в данном случае можно передать тот почет, которым меня окружает незнакомый вождь.

В Нандрау мы добрались с наступлением темноты. В хижине вождя по имени Валне-ни-сонкву я увидел продолговатое возвышение из множества плетеных циновок, уложенных друг на друга и подпертых бамбуковыми палками. Оно напоминало постель из сказки «Принцесса на горошине». На самом же деле это «мокемоке» — кровать для почетных гостей. По обе стороны от возвышения горят костры. В большой хижине и без того нестерпимо жарко, огонь же вызывает у меня такое ощущение, словно парюсь в турецкой бане.

Но и это бы еще можно было вытерпеть, если бы от меня не требовали активного участия в церемонии встречи, о которой стоит знать каждому, кто попадает в отдаленные деревни на острове Вити-Леву.

Я сижу, скрестив ноги, на мокемоке. Пот, струящийся по лбу, застилает глаза, и мне то и дело приходится протирать очки, чтобы хоть как-то рассмотреть, что происходит вокруг. Передо мной полукругом сидят четырнадцать человек — деревенские вожди. Среди них 83-летний Майка Наколуани. Он очень напоминает respectable английского полковника в отставке.

Правда, этого нельзя сказать о его одеянии. Да и все остальные одеты так же: на них нет ничего, кроме набедренных повязок и браслетов из зеленых веток на ногах и руках, лица вымазаны черной грязью. Сын главного вождя, Илайса Роковиса Наколаули, по случаю сегодняшнего торжества продел сквозь носовой хрящ кабаньих клык, а так как он и до этого был торжественно украшен, вид у него устрашающий. Но вообще-то Илайса — воплощение самой доброты; он очень гордится своей прической — курчавые волосы вздыблены сантиметром на десять вверх, они свисают во все стороны, отчетливо голова кажется похожей на губку.

Слева от меня на большой циновке на полу расположился Куми вместе с двумя проводниками, Набурез и Филимони. Последний — человек весьма уважаемый в Нандрау, куда он раз в году приводит

участкового полицейского. Сейчас он будет выступать в роли нашего представителя.

— Не нервничай, сохраняй спокойствие, — шепчет Куми, а у самого голоса дрожит от возбуждения. — Я тебе шепну, что ты должен делать.

Все же я испытываю некоторое смущение при виде того, как четыре человека тащат огромную деревянную чашу, не меньше метра в диаметре. Это священный сосуд, в котором готовят янггону. С одной стороны сосуда лежит плетеная веревка из лиан, на конце ее — большая раковина. Церемониймейстер выкладывает веревку так, чтобы она была направлена прямо на меня. В этот же момент мужчины начинают что-то говорить, невнятное бормотание перерастает в злобный гул. Я растерянно смотрю на Куми: быть может, я сделал что-то не так? Но он успокаивающе кивает головой. Все идет как положено.

Мне отлично известна история этого сосуда-таноя, ее рассказывал проводник Филимони. Он особо подчеркнул, что, если люди племени нандрау вынесут этот сосуд, значит, гостю будет оказан такой же сердечный прием, как и миссионеру Бейкеру, первому европейцу в этих местах.

— Но ведь его убили?!

— Это случилось два дня спустя, и то лишь потому, что он нарушил законы племени. Миссионер привез вождю Насаунивалу в подарок гребень, но тот не умел им пользоваться. И тогда Бейкер вытащил гребень из пышной прически вождя, пытаясь показать, как европейцы расчесывают волосы. Это было самое большое оскорбление, какое только можно себе вообразить, и Насаунивалу тотчас послал гонца в соседнюю деревню — Намбутаутау — с приказом убить Бейкера там.

— А почему не здесь, в Нандрау?

— Если ты выпил с человеком янггону, он уже не вправе тебя сам убить.

Я вспоминаю рассказ Филимони, слушая, как бормотание мужчин перерастает в гневные выкрики, а между тем глаза мои за запотевшими стеклами очков прыгают с пышной шевелюры сына вождя на старую чашу, служившую этому племени столько лет.

— На что они так сердятся?

— А-а-а, этого требует обычай. Не обращай внимания. Они кричат на варщика янггоны, чтобы тот поторапливался.

Вскоре появляется молодой человек. В руках у него корни янггоны, растения из семейства перца. Он начинает отбивать серые, в клубеньках корни длинной около полу-

метра о большой плоский камень, а затем принимается их мять. После этих процедур корни становятся похожими на длинные тонкое мочало. Связав полоски в пучки, варщик кладет их в чашу, плещет воды и начинает разминать. Время от времени вынимает корни, чтобы все могли их увидеть, и кладет обратно, продолжая мять.

Всякий раз, когда корни появляются над краем чаши, пять человек, сидящих сзади, хлопают в ладоши. В остальное время они заняты «меке», песней в мою честь, добавляя к ней все новые слова по мере того, как в котле начинается брожение. Куми старается мне переводить, но не всегда успевает, так как один из исполнителей то и дело ползает на четвереньках по циновке от хора к Куми, чтобы пополнить меке сведениями о незнакомом белом вожде.

В переводе песни звучит примерно так:

— О-о-о... мы с радостью поем о незнакомом вожде... о-о-о... в запевших очках... о нем, который приехал из далекой страны Ден (наверняка, Дания)... О-о-о... мы надеемся, что ему больше понравится янггона, которую мы варим для него, чем... о-о-о... безобидные комарики, которые, как и мы, стараются с ним познакомиться (в это время я тщетно стараюсь отогнать от лица полчища комаров). Мы знаем, что его мана... о-о-о... велика... мы хотим сделать ему подарок...

— Похлопай в ладоши шесть раз! — кричит Куми, стараясь заглушить шум. Певцы смолкают, прежде чем я кончаю хлопать.

— О-о-о... великий вождь не принес с собой попопопо?.. О-о-о... мы могли бы еще лучше оценить его силу и его ману... о-о-о...

— Что такое попопопо? — спрашиваю я Куми.

— Складной орган, который можно принести в мешке.

К сожалению, я должен огорчить островитян. У меня для них много подарков: ножи, платки, две цветные фотографии королевы Елизаветы, но прихватить с собой переносной орган мне не подказала самая буйная фантазия. Куми полагает, что его можно купить фунтов за 5—6, и так как мне хочется сохранить со своими хозяевами самые добрые отношения, то я прошу его узнать, не могу ли вручить эти деньги Филимони, чтобы тот захватил орган с собой, когда в следующий раз придет в деревню.

Куми с большим воодушевлением передал это предложение. В его устах оно звучит как настоящий гимн.

— Мана... мана... о-о-о... мы счастливы... мы целыми днями будем

играть на попопопо вождя в запевших очках и вспоминать его чудесный приезд... о-о-о... мана... мана...

Тем временем янггона уже готова к употреблению. Молодой варщик обеими руками хлопает по красновато-коричневой массе, точно ребенок, который плещется в ванночке. Наступил великий момент.

Матанивануоен, представитель вождя, буквально вползает на меня и протягивает мне «било» — небольшую деревянную чашу, которая с этой минуты становится моей собственностью. Чужеземец не может пить из того же сосуда, что остальные, и никто не смеет поднимать голову выше, чем он. И когда я, на мгновение забывшись, сползаю с вороха циновки, чтобы взять било, то, к своему изумлению, обнаруживаю, что почти все люди тотчас ложатся на живот. Куми мигом подлетает ко мне и строгим голосом предлагает взобраться на мокемоке и вообще вести себя как подобает воспитанному человеку.

Варщик по имени Лосе подползает ко мне и наполняет мой било до краев. Я знаю, что мне следует осушить чашу единым глотком. При этом я должен громко хлопать, а затем с явным удовольствием облизываться. Выхода у меня нет. Я подношу чашу к губам, запрокидываю голову и быстро заглатываю содержимое. Не так уж плохо. Когда я согласно обычаю швыряю било на циновку, во рту еще остается слабый привкус варева, напоминающего лакрицу. Я демонстративно облизываю губы.

— О-о-о... мана... о-о-о... мана! Он пустой, он пустой! — восклицают собравшиеся, и эти слова означают: «Добро пожаловать в Нандрау».

В течение вечера и ночи предстоит опорожнить еще немало било, но янггона не содержит алкоголя, так что торжественная, но сердечная атмосфера претерпевает изменений. Все мы выполняем церемонию три раза. Затем следуют хлопки в ладоши и новое пение меке. Старый вождь оказался весьма разговорчивым. Куми должен переводить, но ему почти не удается вставить словечко. Это признак того, что нам наконец дадут что-нибудь поесть. У нас во рту не было ни крошки с утра, когда мы отправились в путь, так что я буквально умираю с голоду и надеюсь, что таро и плоды хлебного дерева скоро будут готовы. Но это требует времени. К тому же от дополнительных двух очагов в хижине почти нечем дышать. Но вот пища наконец готова. Сначала в величественном одиночестве ем я, затем вождь, после него проводник Филимони, Куми и все мужчины пле-

мени. На остатки набрасывается целый рой женщин и детей. Торжественная церемония окончена, но никто и не собирается уходить, чтобы дать нам хоть немного отдохнуть. Я валюсь с ног от усталости, и когда стрелки часов приближаются к четырем утра, потихоньку спрашиваю Куми, нельзя ли перейти в другую хижину и соснуть.

— Но твое место здесь... в доме вождя. Ложись в постель, друг!

— А это не нарушит обычай?

— Наоборот, от тебя только этого и ждут. Никто не сможет уйти, пока ты не ляжешь.

— Где я могу лечь и где мне раздеться?

— Спать ты будешь на мокемоке. Для чего же, по-твоему, они его постелили?

— Можно мне выйти, чтобы переодеться?

— Это обидело бы наших друзей...

«Следуй обычаю или беги из страны», — гласит одно из важнейших правил, которое каждый путешественник должен заручить себе на носу. Я следую этому призыву и на этот раз: на глазах у всех переодеваюсь в новенькую пижаму — я приобрел ее второпях две недели назад у одного торговца-китайца в городке Нанди. Выбора там не было, все мужские пижамы были либо отделаны шнурами наподобие мундира венгерского гусара, либо украшены ярким изображением дракона на спине. Я остановил свой выбор на черном драконе из искусственного шелка. Во время ритуала в Нандрау он привлек к себе такое внимание, что все племя — мужчины, женщины и дети — выстроилось в очередь, чтобы пройти мимо мокемоке и полюбоваться моим облачением. Уже после того, как я улегся, ко мне на коленях подполз вождь и спросил, не буду ли я так добр снова поддаться и повернуться спиной, потому что одна старушка из дальней хижины пришла специально для того, чтобы взглянуть на черного дракона.

Под монотонные звуки меке, которая, насколько я мог понять, на сей раз была посвящена моей пижаме, я вступил в единоборство с комарами и другими малоприятными существами, а тем временем меня то и дело обнюхивали собаки и какая-то клуша прыгала мне на живот. Стремясь выказать мне свое дружелюбие, люди подкладывают топливо в очаги у моего изголовья и ног.

...Первые проблески дня освещают раскинувшуюся передо мной деревушку с ее высокими хижинами — клетушками из жердей и циновки. Именно так меланезийцы строили свои жилища во все времена, когда жили на этих островах,

и вы не найдете среди здешних строений и намека на безобразное рифленое железо. Изучив деревянный каркас, я не обнаружил в нем гвоздей, жерди были связаны лиановыми веревками, циновки крепились к стенам, как паруса, а пальмовые ветки, которые здесь кладут на крышу по древнему образцу, способны выдерживать напор бури, если таковая обрушится на деревеньку.

Насколько хватает глаз — от зеленого травяного ковра в деревне вплоть до гор и ущелий, — вся земля принадлежит племени нандрау. Каждая деревня располагает большой территорией, здесь хватает травы для скота, а часть земли можно возделывать, если имеются рабочая сила и желание. Свежая питьевая вода также не составляет проблемы — всюду множество полноводных речек. Кругом растут таро, хлебное дерево, апельсины, гуава, яблоки. Все, что посажено, произрастает в таком изобилии, какого не сыщешь в других местах.

Но меланезийцы, коренные жители архипелага Фиджи, в собственной стране составляют меньшинство; их насчитывается всего 150 тысяч человек, тогда как потомков индийских кули свыше 180 тысяч. На островах существует расовая проблема совершенно особого свойства, но в глубине Вити-Леву с ней не сталкиваются. Это объясняется тем, что до сих пор ни один индеец еще не селился дальше чем в двух часах утомительной ходьбы от побережья или от шоссе. Английские колониальные власти в своем законодательстве закрепили положение, по которому индийцы имеют право только арендовать землю у фиджийцев, но не владеть ею. В результате в прибрежных районах индийцы довольно скоро превратились в мелких арендаторов, а местное население стало жить за счет доходов от аренды. Но поскольку во внутренних районах индийцев нет, проживающим там племенам принадлежат огромные пространства земли. Но использовать их они не могут из-за отсутствия рабочей силы.

АРОМАТ ЮЖНЫХ МОРЕЙ

Как и любое другое место на нашей планете, острова Фиджи имеют свой особый аромат, и тот, кто думает, что селения среди мерно качающихся кокосовых пальм, где белый песок омывается волнами прибоя, пахнут только соленой водой и цветами, тот ошибается. Над деревьями стоит сладковатый, приторный, временами удушливо-тяжелый, отдающий рыбьим жиром запах. Это первое, что встречает вас,

когда вы сходите на берег, и последнее, что отпускает ваше обоняние, когда вы снова оказываетесь в море. Но назойливый аромат следует за вами от острова к острову: на большинстве шхун тоже пахнет копррой — она-то и служит причиной зловония.

Недалеко от домика вождя Каму на острове Мбау свалены горы копры — это, если так можно выразиться, сберегательная касса жителей острова Мбау. Денежный запас сразу можно определить по количеству копры. Копра — единственное их средство к существованию. Когда на нее нет спроса, остров пропитывается специфическим запахом, а горы копры растут, ибо островитянам некуда ее сбить.

Когда на Мбау родится ребенок, отец согласно обычаю должен посадить две кокосовые пальмы. Этим деревьям присваивают имя ребенка. Однако они никому не принадлежат, они часть коллективной плантации. Примерно лет через десять пальмы обычно начинают плодоносить.

Собирать кокосовые орехи — дело немудренное. Жители Мбау обычно попросту ждут, пока орехи созреют и сами упадут с деревьев.

Когда орех созревает настолько, что сам падает на землю, молоко его не имеет никакой ценности — молоко следует пить из незрелых плодов.

...Мы разожгли костер, чтобы поджарить цыплят, а тем временем одного из местных жителей послали в глубь острова за кокосовыми орехами. Вата, старший сын Каму, прежде чем отсечь верхушку плода таким образом, чтобы скорлупу можно было затем использовать вместо чаши, поиграл орехом, как мячиком, вертя его в разные стороны. После этого он протянул орех мне. Молоко оказалось похожим на охлажденное шампанское.

Облаживая цыпленка, вождь рассказывает:

— Ореховое молоко находят у нас разное применение. Можно, например, дать ему забродить, и тогда получается вино, очень крепкое. Но вино на Мбау готовят редко. Обычно же ореховое молоко по-

лучают младенцы, если у матери не хватает грудного молока. Мы используем каждый листик, каждый стебелек пальмы, — говорит Каму. — Ствол идет на топливо, из него еще делают столы. Из очищенных длинных веток плетем изгородь и вплетаем между ними листья. Из бахромы, в которой висят орехи, делаем веревки и вяжем из них коврики на стены или на пол — их кладут, когда в доме бывает холодно. Ветками, сплетенными с листьями пандануса, кроют крыши. Из незрелых орехов вынимают сердцевину и делают черпаки и лампы, а из сердцевины жмут масло для ламп. Листья молодой пальмы, пока они мягкие и шелковистые, наши дочери и жены вплетают в волосы как украшения. Если их оставить на дереве, они вырастают, но еще несколько лет сохраняют гибкость, и тогда рыбаки делают из них сети и корзины.

К перечислению Каму я мог бы добавить еще целый список. Из пальмовых листьев делают сандалии, шляпы, веера и сумки, из ореховой бахромы — изоляционные плиты, дверные циновки, ершики для мытья бутылок, из сердцевин готовят ежедневную пищу. Но все это меркнет по сравнению с тем значением, какое имеет копра.

Копра — это высушенная сердцевина спелого ореха. Сборщики подбирают упавшие орехи и сносят их под навес, где разрезают каждый орех на четыре части и оставляют в тени. Позднее из этих четвертушек вынимают сердцевину и сушат ее на солнце. Та дурно пахнущая масса, которая остается после сушки, и есть копра. Когда набирается килограммов семьдесят копры, ее грузят на каноэ и доставляют в торговый центр.

Из Сувы копру вывозят в европейские страны, где она находит применение при производстве маргарина и в мыловарении.

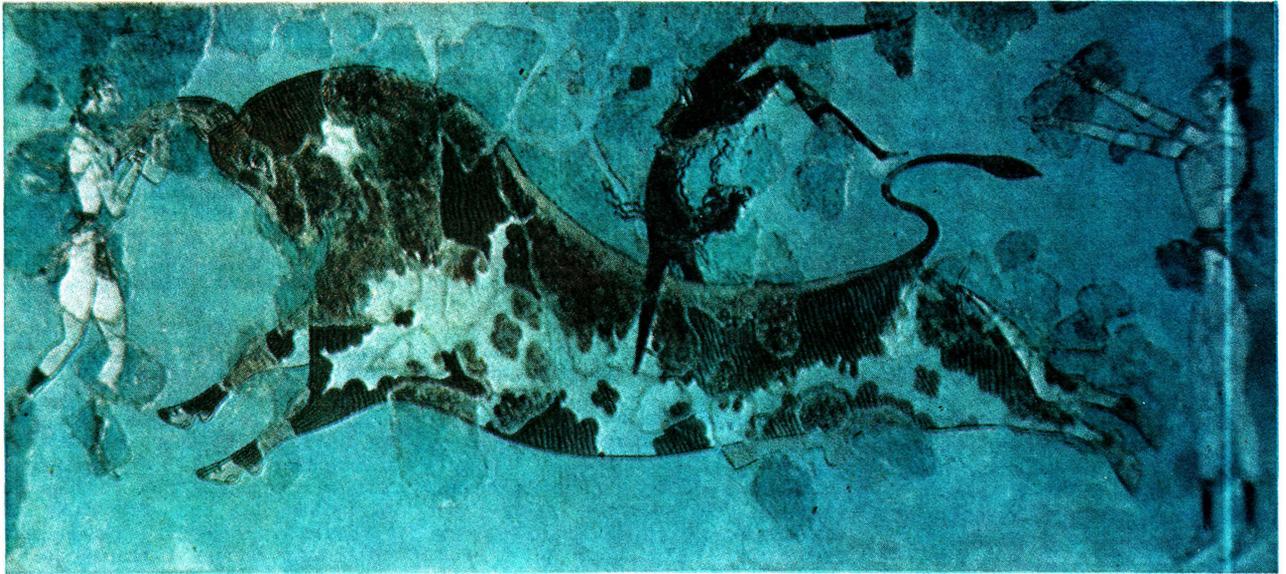
Но когда копры переизбыток и горы ее начинают выситься на берегу, капитаны шхун рассказывают, что смрад гниющей копры доносится раньше, чем встает из моря остров...

Перевел с датского
Вл. ЯКУВ

САМЫИ ДРЕВНИИ ДРУГ ЧЕЛОВЕКА

Собака стала другом человека по меньшей мере 12 тысяч лет назад. К такому выводу пришли антропологи, обнаружив в захоронениях того времени скелет человека вместе с останками трех-пятимесячного щенка. Поза человека (рукой он полуобнял

щенка), очевидно, свидетельствует, что уже тогда собаки были для людей не посторонними животными и не объектом исключительно гастрономического интереса.

Н. НЕПОМНЯЩИЯ

Прыжок эланда

...**В** Музее естественной истории Мозамбика совсем не было посетителей. Наверное, потому, что на стадионе неподалеку начинался какой-то ответственный футбольный матч и он притянул к себе туристов и жителей Мапуту. Я оказался один в большом круглом зале. Солнце через стеклянную крышу заливало ярким светом всю «центральную лужайку», на которой расположились

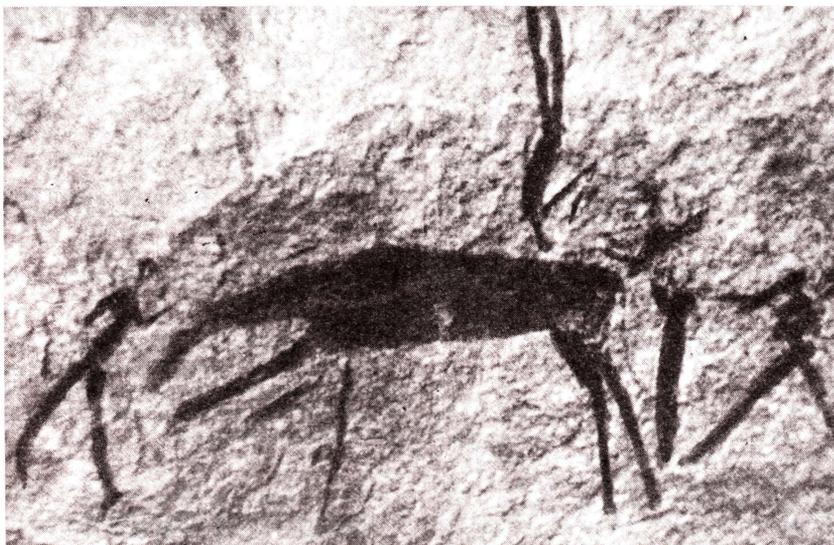
экспонаты музея — слоны, львы, жирафы, хищные птицы и антилопы. Трава на «лужайке» давно пожухла и очень походила на настоящую африканскую растительность в саванне. Служитель включил магнитофон, и зал наполнился ревом, треском, писком, шуршанием, рыком, шипением... Вся эта какофония плюс запах сухой травы и — может, мне это показало — зверей создавали полную

иллюзию африканской дикой природы.

В тот день я пришел в музей с особой целью. Мне нужна была антилопа эланда.

Накануне меня навистил знакомый геолог и принес несколько книжек с репродукциями наскальных рисунков. Перелистывая одну из них, мы наткнулись на любопытное изображение: люди и животное, похожее на антилопу эланда, выполняли какое-то, возможно, ритуальное действо...

Я уже знал, что эланд, или канна, считается самой крупной антилопой Африки. Живет она в основном на окраинах саванн, там, где степи переходят в высокий кустарник и лес. Рост канны до 180 сантиметров (та, на рисунке, была, пожалуй, немного поменьше), вес же ее достигает тонны. Животное это необычайно отважно — самец и самка смело вступают в бой с гепардом и даже леопардом. И в то же время антилопа смирна и послушна. Именно с этим свойством ее характера и оказались связаны изображения, что лежали перед нами на столе. На одном рисунке видна канна и несколько человек. Один из них прыгает через антилопу. На второй картинке — бегущая канна и вокруг люди, причем один из них прыгает вниз головой над телом антилопы, другой у ее морды, третий пытается схватить животное за хвост. Оба рисунка схожи и скопированы со скал в Драконовых горах и массиве Малуты в Южной Африке.

Консультации со специалистами дали совсем немного: такие картины видели в различных районах юга Африки, но там канна была двуглавая, а охотники (или участники игры?) в своеобразных ритуальных масках.

Ситуация явно загадочная. Что же это, игра или охота? (В руках одного из участников непонятной церемонии видна небольшая палка или стрела. Остальные не вооружены. И почему один из них прыгает через эланда?)

Известно, что у масаев Восточной Африки имеются стада полудомашенных канн — они дают прекрасное молоко. А в 1891 году несколько эландов завезли в заповедник Аскания-Нова на Украине, и они благополучно прижились.

Еще больший интерес приобрели рисунки после того, как мы сравнили их с репродукцией в книге Коттрелла «Минойский бык», где изображались состязания с быком во дворце Миноса в Кноссе на древнем Крите. Рисунки оказались удивительно схожими. Тот же прыжок через быка, те же попытки схватить его за хвост, тот же отвлекающий маневр у морды животного...

Значит, в Африке уже во времена позднего каменного века — именно к этой эпохе исследователи относят рисунки с эландом — существовал своеобразный ритуал игры с животным, который, видоизменяясь, пройдет через все средневековье и в виде корриды доживет до наших дней?

...Каждый, кто открывает много томный труд Артура Эванса «Дворец Миноса в Кноссе», написанный в начале века, поражается прекрасными древнекритскими фресками и мозаиками. Таких произведений Эванс обнаружил десятки. А одно вызвало особенно пристальное внимание африканистов — мозаика, на которой несколько стройных мускулистых мужчин в белых штанах и бегут под командой белого военачальника. Кем были эти воины? Пленные африканцы, а может быть, рабы, привезенные из дальних походов? Как полагают ученые, ни то и ни другое, хотя и пленники и рабы имелись на Крите. Это представители так называемых вспомогательных войск, черные наемники, институт которых, как выясняется, был широко распространен в Эгееде.

Критяне были хозяевами Средиземного моря. Их влияние отчетливо прослеживается не только на самом острове, но и во всем средиземноморском бассейне. На Мальте найдены их керамические изделия. Этот остров стал как бы перевалочной базой на морских путях древности, между Восточным и Западным Средиземноморьем, между Критом и Африкой... Критские вещи находят в Фессалии и Малой Азии, их суда плавали в Иберию и к Британским островам.

А в конце 30-х годов в одной немецкой газете появилось интересное сообщение — за его достоверность поручается известный географ Р. Хенниг. Там говорилось, что в районе Зимбабве, Юго-Восточная Африка, обнаружена опока из жирной глины для отливки золотых слитков. По форме она напоминала излюбленные на Крите слитки в виде двойного топора, а также слитки, изображенные в Фивах в храме Мединет-Абу, который относится к эпохе Рамзеса III (1200 г. до н. э.). К сожалению, минувшая война стерла все следы этого открытия.

По мнению ряда специалистов, еще в третьем тысячелетии Крит подчинил территории Северной Африки и создал там свои колонии. Именно туда по древним караванным путям стекались из глубин континента экзотические товары, дикие животные и украшения. На фресках Кносса — нильский бегемот и обезьяны-колобусы из Восточной Африки, в раскопках — страусиные яйца и слоновья кость. По тем же дорогам через Сахару уходили на юг экспедиции и возвращались обратно с многочисленными чернокожими наемниками. Видно, подобный отряд и запечатлел в мозаике дворца Миноса безвестный художник.

Кто знает, может быть, одна из таких экспедиций и дошла до юга Африки или же корабль доплыл до южноафриканского побережья? А может, не одна экспедиция и не один корабль...

...Рыбаки, промысляющие тюленей в водах Юго-Западной Африки, обнаружили недавно в песке на Береге Скелетов хорошо сохранившееся скульптурное изображение женской головы. Газета «Альгемайне цайтунг», выходящая в Виндхукке, напечатала ее фотографию. Исследователи высказывают предположение, что это голова богини Кибелы, культ которой был широко распространен в древности в Малой Азии и античном Средиземноморье. Кто и когда выставил на пустынном берегу Юго-Западной Африки голову покровительницы мореплавания?

...В начале века экспедиция немецкого геодезиста Р. Маака нашла в горном массиве Брандберг (в той же Юго-Западной Африке) удивительную наскальную фреску. Ее изучением и интерпретацией занялся известный французский археолог Брей. Костюм Белой Дамы (так ученый назвал центральную фигуру ансамбля) удивительно похож на одежду девушек-матадоров из критского дворца Миноса. Это простая короткая куртка и трико, прошитые золотыми нитками. Похожи также головные уборы. В одной руке у Дамы заряженный лук и три стрелы в запасе, в другой — цветок (а может, чаша?). Кносские девушки-матадоры пользовались большим почетом, их наряжали в лучшие

одежды. Культ цветов отразился там в вазах и золотых украшениях — они очень похожи на тот цветок, что несет Дама. У некоторых участников процессии можно видеть на руках короткие повязки с бахромой. Во время религиозных ритуалов в Кносском дворце такие повязки закреплялись сзади бантиком — об этом свидетельствует критская керамика (заметьте, что в первом томе труда Эванса показаны образцы одежды — точные копии одеяния Дамы). Еще один признак сходства с обитателями Кносса — черные сопровождающие, о которых мы уже говорили.

Но это пока тоже только предположение...

И еще один факт.

В конце прошлого века американец Фарини нашел в песках Калахари разрушенный древний город. По стечению ряда обстоятельств о нем вспомнили через несколько десятилетий после выхода в свет книги путешественника. Исследователей привлекла одна деталь в описании. Автор сообщает, что городские строения были сложены из плит, скрепленных цементирующим раствором, то есть способом, незнакомым жителям Южной Африки. В ближайшем к Калахари центре древней культуры — Зимбабве, для которого характерно каменное строительство, был распространен метод безрастворной кладки! И у специалистов родилась идея соотнести создание города с плаваниями жителей Средиземноморья. На эту мысль ученых навело упоминание Фарини о перекрещивающихся мостовых — по форме они напоминают мальтийский крест. Но что могло привести мореплавателей из дальнего Средиземноморья в Калахари? Может, алмазы? Пока неясно. Известно лишь, что в древности через эту пустыню проходила дорога, соединяющая побережья Атлантического и Индийского океанов...

Фарини оставил приблизительные координаты развалин. Летчики видели руины с самолета. Но до сих пор ни одной экспедиции не посчастливилось найти затерянный в песках город. Видно, какая-то сильная буря занесла песком мощные стены. И только еще более яростная буря может развеять этот песок...

Конечно, пока что исторически документированные свидетельства позволяют утверждать наличие прямых связей Крито-Микенской цивилизации лишь с Северной Африкой. Предположение о проникновении критян в центральные, а тем более в южные районы континента только намечают пути дальнейших поисков. Но уже сейчас плодотворность их признают не только ученые Центра африканских исследований в Мапуту, но и многие европейские и американские специалисты.

Мапуту — Москва

ЮРИЙ ЛИННИК
Фото В. ОРЛОВА

КРУТОВОРОТ

Возле моего дома есть высокий скалистый берег. Озеро оттуда как на ладони: все его берега, все его острова в панорамном охвате. Однажды мне подумалось: а что, если на этой скале я поставлю свой воображаемый этюдник и буду писать озеро круглый год с одной точки? Так я смогу постичь анатомию времени, череду состояний и настроений.

Этот замысел пришел ко мне в день зимнего солнцестояния. Озеро лежало под снегом. Во всем пейзаже была какая-то отключенность, словно мир витал мыслями где-то далеко-далеко: недозваться, недобудиться. Если летом все в природе так и тянется к тебе, ищет отклика, то сейчас тишина и безответность довлеют в пейзаже. Озеро мое как потеряно: белая равнина, белое равнодушие.

Но просверлишь лунку, и выплеснется живая вода! По-детски обрадуешься этому, будто и впрямь нуждался в доказательствах, что никуда не исчезло озеро: здесь оно, в своих берегах. Но затаилось, ушло в себя.

Отдыхают великие зеркала. Быть может, перебирают в памяти отражения: вот косяк пролетных гусей, вот последнее кучевое облако. Обращенные летом вовне, зеркала словно изменили фокусировку: глядят в собственную глубину. И эта их самоуглубленность передается душе — хочется сосредоточиться на главном, отбросить детали.

Поднимешься на скалу, окинешь взглядом простор — и вдруг внятно ощутишь: озеро тихо гипнотизирует тебя. Ты чувствуешь его тайный взгляд! Что-то расслабляется в душе, уходят досады, обиды...

Зимнее озеро прекрасно в пору зорь, утренних и вечерних. Промежуток между ними короткий — четыре часа, когда низкое солнце висит над горизонтом. Снега блистают, переливаются. И вдруг становятся малиновыми — это солнце коснулось дальнего леса. Озеро мое преобразуется: будто снега превратились в огромную аметистовую щетку, подсвеченную изнутри чистым и ровным светом. А небеса все синее, а тишина все пронзительней.

Начинаются сумерки. Озеро словно удаляется, я теряю внутренний контакт с ним, мы не слышим друг друга. Пропадают из виду острова, растворяются береговые ивы. Озеро сейчас угадывается только в одном: это великолепие звездного обзора.

Ничто не заслоняет созвездий. Буд-

то зеркало гигантского рефлектора простирается подо мной — оно само невидимо, но небо странно приближено к Земле: внутри созвездий иду к проруби, внутри созвездий расчищаю дорожку.

Меч на поясе Ориона немного мешает мне, и я отвожу его в сторону, чтобы пройти к калигке. Звездный Рак положил свою клешню на крышу баньки. Если хочешь, сходи за водой к реке Эридан: она сейчас впадает в озеро как раз под моей скалой. Если хочешь, погости у Близначев: они рядом, через два дома.

Но вот восходит луна, и озеро из глубокого забвения переходит в состояние полудремы. Снег при восходе луны с латунным отливом, а потом становится сапфировым. Это цветное переключение неуследимо. По-моему, оно совершается мгновенно, лишь луна наберет определенную высоту.

Озеро сейчас видит космические сны: звездные Рыбы стоят в осоках, а небесный Лебедь плавает в полях возле северных ручьев. На озере снегу застыли тени: они как под синюю копирку прорисованы. Кружева крон, часток тростника — все на лунном снегу становится каким-то неузнанным, нездешним...

Но за ясной погодой приходят метели. Какие коловерты они закручивают, какие белые омуты! Попадешь в один из них, надолго запомнишь: кружит тебя, сбивает с пути. Можжевеловых вешек не видно, все потонуло в мгlistом мороке. Мир сейчас превратился в хаос, в нем нет никаких структур, в нем невозможна ориентация: одна белая неопределенность. Но метель утихает, и снова пробиваются звезды. Ты знаешь: Альтаир сейчас как раз над твоим домом. Он и выведет тебя к цели.

Утром спешу к берегу. Метель преобразила озеро: монотонное полотно стало трехмерным рельефом. Вот свилеватая структура, похожая на шиф капа. А тут словно отпечаталась мелкочешуйчатая рябь. В двух метрах снег напоминает песок на прибойном дне — волнистый, рифленый. Немного поодаль он странно занозист: топорщится узкими и частыми шипами. Какая полифония белых рельефов!

Редкая зима обходится у нас без большой оттепели. Зеркала талой воды образуются тогда на озере. Вода на двух этажах: подо льдом и надо льдом. И это оставляет ощущение двойственности, странности. Опрокинулся в зеркале ближний остров, и зыбь разбегается косяками, будто и нет никакого льда на январском озере. Только вот удивительная подсветка воды: иссера-белая, местами

серебристая. Да волны не поднимаются при сильном ветре: одна суматошная рябь, и только. Это все признаки мелководья. Но необычно мелководья — дно у него из почти метрового льда.

В такую оттепель хорошо встать на «финки». Непонятно: то ли скользишь, то ли плывешь. Местами вода высокая: еще чуть-чуть, и сапоги подмочишь. Возле островов черный лед прозрачен, здесь остановишь «финки» и посидишь над каменным дном. Донные камни кажутся таинственными, словно принадлежат другому миру, словно за гранью льда не родное озеро, а четвертое измерение.

Вот косячок окуней прошел под твоими «финками», и рыбы показались странно далекими. Сердце екнуло, когда их увидел. Тут новизны больше, чем за глубоководным иллюминатором: как-то непривычно ступать над рыбными стаями и видеть их воочию.

В заливах, где есть донные родники, образуются промоины; сквозь них выбираются на поверхность разные существа: личинки гребляков, водяные ослики, маленькие катушки. Вся эта живность ползает по льду, плавают в талых водах. Иногда и личинки жуков встречаются в этих промоинах. Один раз на оттепелном зеркале я поймал... водомерку. Водомерка в январе! Будто спуталось что-то в ходе природных часов, сбилось с ритма, и вот времена года наслонили друг на друга: посреди зимы пробрезжила озерная весна.

Но снова посыпал снег, снова заглянула метель. И озеро опять погрузилось в забытье, прерванное короткой оттепелью.

У озера в марте совсем зимний вид. И все же, идя за водой, обнаружишь новое: в проруби стало видно дно. Зимой опускал ведро в непроглядную черноту, а теперь подо льдом удивительная озаренность. Вот что значит высокое солнце! Ляжешь на снег и смотришь в прорубь: озеро снова родное, понятное. На илистом дне видны стебли шелковника. Они как новенькие. Может, и впрямь озерный лютик уже в рост пустился?

Мартовская прорубь — это окно в весну. И оно становится все шире. В апреле уже легко прокалывать ночной ледок, прорубь не обмерзает, а раздается на солнце. Хотя снег на озере еще белый, блестящий, но многое уже сдвинулось в мире — зачернели вытаявшие днища лодок, пробились из-под снега осоковые кочки, зяблики распевают на приозерных берегах.

Утром подул теплый ветер, и сдались озерные снега. Будто вынули из них какую-то пружину — разом осели, сникли. А на другое утро ты заметишь: в рыбачьи лунки стяги-

вается талая вода, завивая малые водовороты, — один налево, другой направо, прозрачную спираль закручивают! Мир белых симметрий сменился живой диссимметрией жизни.

Вчера прилетели чайки; сегодня процвикали криквы; завтра жди голей... Трясогузки нетерпеливо бегают по берегу. Но закраин с открытой водой еще не видно. Скоро появляется их эскиз: вдоль берега протянулась серая полоса. Утром спокойно прошел к проруби, а вечером лед стал проваливаться: под сапогом зазвенели стеклянные иглы, захлопала вода. Теперь будем брать воду в заберегах. А недоступная прорубь чернеет поодаль, как добрая память озерной зимы.

Белые чайки на фоне коричневой ольхи. Стайка крохалей у самой кромки льда. Посвист кулика в дуэте с криканьем трескунков. Но еще ходишь на рыбалку, только минуи удачно забереги. Но еще пусты острова — турухтаны, видать, на подлете.

Однажды утром внутренний голос подсказет: не ходи на озеро. Выглянешь в окно и сразу поймешь: заболели льды в нашем проливе. Черная хвороба пришла к ним, они потеряли волю, собранность. Ослепительные торосы громоздятся возле щелей, между островами тянутся полосы рвящей воды.

Лед сходит! — радостно встретиться с любимыми зеркалами. Лед сходит! — грустно прощаться с заветными лунками. Вытаяв, упали можжевеловые вежи; в широком забереге возле острова плавают пара лебедей; на торчащем из воды валуне поет милая каменка. Тая и распаясь, лед теряет свою силу, но эта энергия словно насыщает пространство. Прозрачные волны испарений текут над нашей деревней — ты стоишь на дне этого высокого животного потока, ты чувствуешь первозданность мира, ты весь обновлен...

И вот последние островки льда гонит ветер по нашим проливам. Чайки охотно садятся на эти ледяные плотники, и тем быстрее они парусят, особенно когда птицы расправляют крылья.

К полудню усилился ветер, и задинькала, затренькала ледяная шуга. Свежесть этого музыкального языка ошеломляет. Кажется, он переносит тебя в многомерное пространство: исчезает грань между внешним и внутренним. Словно в тебе звучит эта музыка и одновременно отдается по всей вселенной. И ты знаешь: источник гармонии всюду — в колыбели звонких ледышек, в ритме твоего сердца, в песне камышовой овсянки. Озеро и душа сейчас едины. И вдруг понимаешь: ведь это ты дирижируешь весенней музыкой. Пусть бессознательно, но ты задаешь ритм и звону шуги, и шуму вет-

ра — природа на своем языке говорит о твоём духовном мире.

Посреди озера медленно плывет большое ледяное поле, его пригнало из Северной губы, где лед всегда крепче и устойчивей. Почему птицы так любят эти движущиеся ледяные поля? Вот на кромке льда, спрятав голову под крыло, спит свиязь. А рядом плавают еще две утки, они что-то ищут в воде: ведь ледяное поле движет перед собой поднятый половодьем мусор. Среди всех этих щепочек и травинков непременно найдется какая-нибудь живность — куколка насекомого, ракушка.

Селезень свиязи сейчас расцвечен яркими весенними красками. На красновато-коричневой головке широкая охристая перевязь; через затылок она тянется от клюва к шее. Дивный знак отличия! Словно этой птице поручено возглавлять весенние церемониалы.

Тело у свиязи серое, со струйчатым рисунком. А на хвосте контрастный черно-белый треугольник, это тоже опознавательный знак. Летом редко увидишь свиязь — камыши и тростники затаивают от нас жизнь уток. Но весной она вся на виду!

Вот и шилохвости сели у самого ледяного поля. Как их не узнать по белой полосе на шее? Словно лекалом полосе наводили: такая плавная, такая гибкая. Изящный силуэт шеи подчеркнут этой линией; природа умеет ставить акценты: вот и здесь она мастерски усилила певучесть контура.

Недалеко от шилохвостей большие крохали. Люблю волевые очертания их крупных голов — что-то гордое и решительное есть в этой птице. Не обращая внимания на ледышки, белогрудый крохаль рассекает воду — далеко он вклинился в островок свергающей шерещи...

Последнее ледяное поле проплывает по озеру. Благодаря сильному ветру получилось подобие ледохода — мимо нас плыли и плыли льдины. Совсем как на реке. Островки делились на глазах, рассыпались на иглы, пропадали. Шуга забивалась в заливы, громоздясь в несколько слоев, ее перезвон был прекрасен на звуковом фоне мая: первое кукованье, блеяние бекасов, тяга вальдшнепа и серебряные вызвоны ледышек.

Случается, что после схода льда вдруг начинается снегопад. Таковы уж северные широты. Знаешь их нрав, а все равно не привыкнешь к этой картине: чайки кружат среди белых хлопьев. Вода темная, неприветливая. Но все равно хорошо! Необузданные стихии что-то сдвигают в твоей душе. Выйдя к ненастливому озеру, ощутишь прилив свободы. Сброшены рамки, порваны узы, расширились окоемы души и мира. Верно, этого нельзя добиться иначе, надо пройти через непогоду...

Начинаются белые ночи.

Береговая банька явно двугранна: северная стена освещена, а западная в тени. Такова светосила зари, горячей под Полярной звездой. Недавно все тонуло в ровной затаме, а теперь явственны световые перепады: на юге сумрак, на севере светизна.

Север сейчас магнитен, север сейчас всевластен! С севера свет, с севера красота. К северу лебеди, к северу взгляды, о севере мысли...

Оранжевое переходит в золотистое; голубое превращается в лазурное. Это цветное свечение неба, это спектр белой ночи. Чтобы понять всю поэзию этой поры, нужны озерные зеркала. Удвоив пространства, они усиливают обаяние белых ночей. В чем таинство этого повтора? Вега над тобой и Вега под тобой. Перистое облако в неимоверной высоте, перистое облако в таинственной глубине. Стрижи на дне небосвода и стрижи на дне зеркала... Скальные берега, древние сосны, пятна лишайников — пейзаж звучит рунами, сагами. Белая ночь возвращает ему первозданность.

Над зеркалами показались первые тростники. Утки заводят в них пер-

вые выводки. Выныривают из глубин кувшинки.

Все первое, все впервые!

К летнему равноденствию заканчивается спад половодья. У тростниковых валиков, оставленных майским прибоем, сидят на гнездах чайки. Рядом с ними высыхивают птенцов крачки, а чуть выше гнездятся хохлатые чернети. На острове легко найти кладку большого улита и гнездышко камышовой овсянки.

Первыми зацветут на озерах водяные лютики, а потом появятся желтые кувшинки. Белые ночи пойдут на убыль, но их светизну переймут белые лилии. Затеплятся в заливе розовые свечки гречих, а над мелководьем поднимутся фонарики лобелий.

Позже всех зацветут тростники и водоперица. К этому времени звезды уже вернутся в северное небо. Над зарослями тресты полночью будет стоять Водолей. Обязательно поднимаюсь на свои скалы одиннадцатого августа, ставлю костер на одном уровне с восходящими Плеядами. В эту ночь бывает самый сильный звездный дождь. Светозарно проносятся над озером Персеиды, словно звездный Персей ударяет кре-

салом, а искры падают на цветущую уруть.

Начинаются осенины.

В эту пору над озером стоят голубые тишайшие дни. Три кучевых облака на небосклоне и зеркало перед ними. Белизна, лазурь, прозрачность. Время для просветления, время для углубления...

Над озером летит паутина, паучки перебираются с берега на берег. Пролетные утки садятся в наш залив, вот отдыхает у камыша стайка трескунков. В ночном озере отразились первые сполохи северного сияния. А утром я грустно заметил: прибрежные лужицы накрыты стеклом ледка. Но у озера еще все впереди! — ведь близится золотая осень. Золотистые берега и лазуритовая рябь. Быть может, самое дивное в мире сочетание красок...

Но погасли леса, и помрачнело озеро: начались нескончаемые дожди, заметались холодные ветры. Я люблю тебя и таким, мое озеро, — с холодным накатом волн под серой пеленой туч... И вдруг оно замирает. В небе кружит последняя чайка. Озеро глядит на нее сквозь первый тончайший лед, будто прощается до весны.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫЙ ВЛЮБЛЕННЫЙ

После того как у Контти умерла его подруга Доли, орангутанг затосковал. Конечно, такая абстрактная категория, как смерть, была недоступна его пониманию. Просто Доли куда-то необъяснимо исчезла, и сколько Контти ни внюхивался в наплывавшие на клетку густые волны влажного горячего воздуха, он ни разу не почувствовал даже намека на родной запах. Тогда-то орангутанг и решил сам отправиться на поиски любимой. Неизвестно, сколько ночей усердно трудился Контти, расшатывая прутья клетки, пока не очутился на воле. Откуда бедняге было знать, что «лесные люди», единственные представители человекообразных обезьян в Азии, живут сейчас лишь в нескольких местах на островах Суматра и Калимантан да в немногих зоопарках и поэтому его затея заранее обречена на провал.

...Автобусное сообщение в Крунг Тепе — «Столице ангелов», как назывался в древности Бангкок, пока еще далеко от совершенства. Бывает, что автобус, курсирующий по «Новой дороге», улице, появившейся на месте одного из засыпанных каналов — «клонгов», как сквозь землю проваливается. И тогда в утренние часы «клик» у остановок в начале квартала Дин Данг выстраивается длинная очередь. Все взоры с нетерпением обращены к ближайшему углу, откуда должен появиться злополучный автобус, и никому нет дела до стоящего позади — лишь бы умудриться сесть самому.

Так было и в то памятное утро. Не успел автобус остановиться, как начался настоящий штурм задних дверей. Но вот последний опоздавший втиснулся в салон

и попытался было пробраться вперед, довольно грубо расталкивая стоящих перед ним. Бангкокцы народ вежливый. Но столь бесцеремонное поведение вывело из себя даже их. Несколько возмущенных лиц повернулось к дверям, чтобы отчитать нахала, и... В следующую секунду пассажиры один за другим, словно горошины из стручка, посыпались из автобуса. Еще бы: рядом с дверями, удивленно прижавшись к стенке, стоял огромный орангутанг, чья морда — с возрастом это происходит у всех самцов — являла собой олицетворение свирепости.

Последним выскочил кондуктор, тут же бросившийся к ближайшему телефону-автомату. Между тем ничего не подозревавший водитель прибавил скорость, и автобус резво покотился к следующей остановке. Там штурм повторился. Но едва первые счастливицы радостно ворвались в салон, как тут же с воплями бросились назад: квадратные мохнатые плечи рассевшегося на переднем сиденье пассажира не сулили ничего хорошего. Автобус опять отошел пустым.

Трудно сказать, чем бы закончился столь необычный рейс, если бы водитель, удивленный странной тишиной в салоне, не взглянул в зеркало заднего обзора. То, что он увидел, заставило его нажать на тормоза и с быстротой молнии покинуть машину.

Контти был несколько озадачен, но отнюдь не рассержен или испуган подобным поведением людей. Орангутанг остался спокойно сидеть, терпеливо ожидая, пока автобус одумается и отвезет его к любимой. Увы, прибывший к месту происшествия вместе с рядом полиции смотритель зоопарка Таном Убал положил конец путешествию Контти: выстрел пулей-шприцем — и обезьяна погрузилась в глубокий сон.

Проснулся Контти уже в своей привычной клетке. И если бы понимал человеческий язык, наверняка не слишком бы сокрушался из-за несбывшейся мечты: администрация бангкокского зоопарка решила приобрести орангутангу новую подругу.

ГОРОД ЗАКРЫТЫХ ОКОН

Архипелаг состоит из двух крупных и многочисленных (до 200) мелких островов... Климат холодный, океанический. Средняя температура января $+9,6^{\circ}\text{C}$, июля $+2,5^{\circ}\text{C}$. Сильны западные ветры... (Большая Советская Энциклопедия)

ФОЛКЛЕНДЦЫ И МАЛЬВИНЦЫ

Многочисленные характеристики этих островов, сведенные в одно место, наверное, могли бы составить пухлую книгу жалоб:

«От сильного и обильного дождя поверхность всей страны сделалась топкою. Лошадь моя падала, я думаю, раз двенадцать... Волнистая местность с пустынным и жалким видом всюду покрыта торфяными болотами и тощею травой однообраз-

ного бурого цвета...» (Чарлз Дарвин).

«Едва мы приблизились к берегу, как на нас налетел один из тех внезапных шквалов, которые тут случаются почти ежедневно» (Ю. Г. Андерсон, геолог).

«Крушения многих катеров и шхун, плавающих вдоль изрезанных берегов архипелага, никого не удивляют. Лоцману здесь не позавидуешь» (С. А. Дусе, картограф, писатель).

«Тоскливый клочок земли» (В. Коцецкий, моряк, писатель).

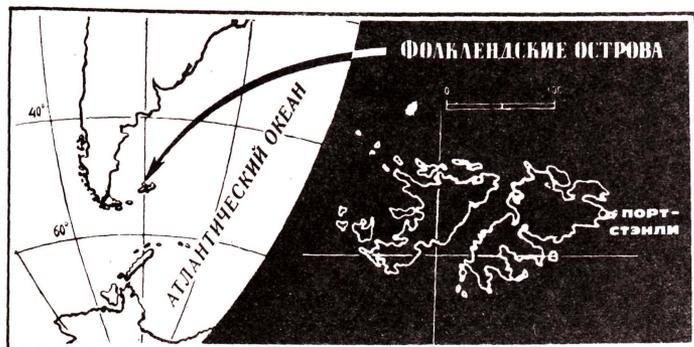
А шведский естествоиспытатель и фотограф-анималист Свен Иильсетер, посвятивший архипелагу пять месяцев своей жизни, заявляет прямо, что, если человек хочет прижиться на островах, «он должен уметь относиться с юмором к их климату, который, мягко выражаясь, немного капризен... Кому нужны эти маленькие острова, затерянные в южной части Атлантического океана на границе с Антарктикой, безлесные, истощенные ветрами и большей частью необитаемые?».

Действительно, такой вопрос напрашивается сам собой после знакомства с этими и другими неслышными отзывами. Но ответ есть, и дает его современная политическая карта мира. Там, рядом с незакрашенным изображением архипелага, стоит единственная в своем роде подпись: «Фолклендские о-ва (Мальвинские) (спорн. Брит. и Арг.)».

Оказывается, острова нужны сразу и Британии и Аргентине, которые уже многие десятки лет ведут спор за право называться хозяином архипелага. Правда, дискуссия эта носит, в общем, формальный характер, но

на островах нет ни одного постоянно обитающего здесь латиноамериканского подданного, а англичан живет свыше двух тысяч человек, и над резиденцией губернатора реет британский флаг.

Аргентина же никак не хочет примириться с действительностью, название «Фолклендские» не признает и называет острова не иначе как

Мальвинскими, остров Западный Фолкленд именуется Гран-Мальвиной, а Восточный Фолкленд — Соледадом. Местные сувенирные лавки торгуют вымпелами, на которых равноправно представлены и английский и испанский варианты названий:

FALKLAND ISLANDS
ISLAS MALVINAS.

Вообще этому архипелагу на названия везло. И наверное, вымпелы пользовались бы еще большим спросом, если к

двум ныне известным были бы добавлены все наименования, полученные островами в прошлые века.

Во второй половине XVI века английский адмирал Ричард Хоккинс видел Фолкленды с моря (но не высадился там) и назвал архипелаг Землей Девы. А в 1592 году острова стали называться уже Южной Землей Дэвиса — в честь английского капитана Джона Дэвиса, первым ступившего на здешний берег.

Восемь лет спустя архипелаг был открыт вторично. На этот раз отличился голландец Себалд де Верт, и острова нарекли Себалдинскими.

Следующая страница истории Фолклендов открывается с появлением на них французских моряков из города Сен-Мало. Желая увековечить свою родину, они назвали острова Малуйнскими. От этого слова и родилось позднее: Мальвинские. Французы, впрочем, вскоре надолго покинули негостеприимные острова, и лишь в 1764 году Антуан де Бугенвиль пристал к острову Восточный Фолкленд, а затем водрузил флаг своей страны над фортом, заложенным его командой и колонистами. Архипелаг официально стал принадлежать Франции.

Вскоре происходит неожиданное: в результате штурманской ошибки на острова случайно наткнется английский коммодор Джон Байрон, дед знаменитого поэта. О присутствии здесь французов «Джек Бурь», как прозвали неукротимого коммодора, не знал и потому «присоединил» архипелаг к английской короне. Островам было дано имя Фолклендских в честь известного в то время политика виконта Фолкленда. Этот акт как бы подвел черту под затянувшейся игрой в имена.

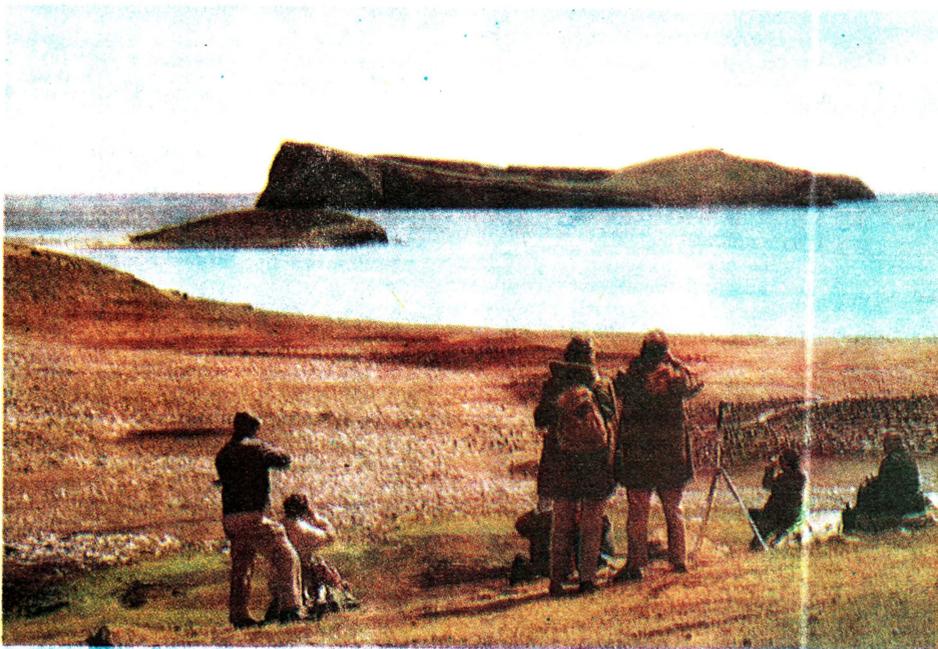
Еще некоторое время и Англия и Франция одновременно наслаждались сознанием своей власти над островами. И тут словно снег на голову: в дело вмешивается Испания, до этого не принимавшая в споре никакого участия.

Французы не пожелали ввязываться в конфликт и в 1766 году продали права на Ислас Мальвинас Испании, а ровно через полстолетия произошли события, которые подорвали прочное положение Испании в Латинской Америке: Аргентина обрела независимость. Отказавшись от протектората Испании, новое государство назначило на архипелаг своего губернатора и вскоре стало отправлять на Ислас Мальвинас ссыльных.

И наконец, в 1833 году здесь снова появился британский флот, а с ним и необходимые атрибуты власти — английский губернатор и «Юнион Джек» — государственный флаг Соединенного Королевства. Аргентинцы были изгнаны, а англичане, почти 70 лет тому назад провозгласившие Фолкленды своей колонией, вернулись сюда на правах хозяев.

Впоследствии Аргентина не раз заявляла о своих правах на острова, но на Фолклендах продолжали жить и действовать англичане. Казалось бы, страстям давно пора остыть. Однако до сих пор аргентинские туристы при случае спешат напомнить о том, что они здесь не гости: в разговоре никогда не назовут острова иначе как «Ислас Мальвинас», а наиболее убежденные спешат прибегнуть к языку плаката. Когда я впервые оказался на берегу Порт-Стэнли, столицы архипелага, то сразу же увидел на стене одного из портовых складов размашистый текст на испанском языке: «Да здравствует Аргентина!»

Через день надпись оказалась «отредактированной». Видимо, не успел еще аргентинский — «мальвинский» — туристский теплоход отвалить от

причала, как некий местный патриот — «фолклендец» — перечеркнул испанскую фразу и столь же размашисто написал рядом, словно бы от имени всех островов архипелага: «Хотим навсегда остаться английскими!»

СОБОР И МОНУМЕНТЫ

Подобно большому и яркому живописному полотну, Порт-Стэнли лучше всего рассматривать издали. Это очень просто: город, примостившийся на покатом прибрежном холме, прекрасно виден с палубы стоящего на рейде корабля.

С такой вот смотровой площадки, находясь на борту НПС «Академик Книпович»¹, я впервые увидел небольшую столицу Фолклендов.

В тот час тучи словно специально рассеялись, и перед нами предстал освещенный солнцем городок. Дома зеленые, голубые, оранжевые, красные; небо голубое, в белых кучевых облаках; море темно-синее, разноцветное бесконечно длинными полосами пены, — вот что такое Порт-Стэнли и бухта Стэнли-Харбор в те редкие мгновенья, когда солнце находится лазейку среди туч.

С расстояния в четверть мили город, протянувшийся на два километра, виден целиком, как на тарелке. Взгляд с легкостью проникает в небольшие приусадебные участки, бродит по закоулкам и окрестностям. Прямо от причала убегает вверх на холм широкая, не по местным масштабам, улица. Это Фелумел-стрит — главный городской меридиан. Слева — портовые здания, отель, небольшие одно-, двухэтажные жилые домики. Окраина этой половины завершается сиротливым и неуютным в своей каменной наготе кладбищем.

Все жизненные центры и самые красивые здания предпочли расположиться в правой части Порт-Стэнли. Да и прилегающие окрестности здесь интереснее: невысокие горы Две Сестры, Низкая и холм с неожиданным названием Двенадцать Часов скрашивают безнадежный пейзаж.

В пяти минутах ходьбы от причала — разумеется, по правую руку от Фелумел-стрит — располагается самый южный в мире кафедральный англиканский собор. Внешне это массивное, тяжеловесное здание из темно-коричневого кирпича выглядит самым древним строением города, но лишь внешне. Менее ста лет тому назад на этом самом месте стояла церковь Святой Троицы, в которой служил молебны первый епископ на Фолклендских островах преподобный Стирлинг. Но в 1886 году торфяной грунт разверзся под храмом божьим, и церковь пришла в негодность. «Доблестный епископ», как его величают местные историки, тут же организовал сбор пожертвований. Свою лепту внесли поселенцы, капитаны заходящих кораблей... Раскопалась и королева Виктория: в числе трех тысяч фунтов, со-

бранных Стирлингом, были и ее личные... тридцать.

Сегодня могучее здание собора — его строительство закончилось в 1907 году — значит для фолклендцев гораздо больше, чем просто место для богослужения. Собор стал гордостью города, символом трудолюбия островитян.

С четверть часа, не более, провел я в соборе, но этого времени вполне хватило, чтобы погодные декорации сменились полностью. Только что солнечный и красочный, Порт-Стэнли вдруг предстал в совершенно ином свете. Собственно говоря, света почти не было. Невесть откуда взявшиеся черные тучи как крышкой хлопнули голубое небо.

Подгоняемые порывистым ветром, стремительно летящие на восток тучи обильно сеяли мелкий и холодный дождь. Мрачно глядится в такую погоду и без того невеселая пирамида из четырех огромных вороненных дождями и временем китовых ребер. Пирамида была установлена рядом с собором в 1933 году в честь столетия английского первопоселения на островах. Однако ныне этот памятник наводит совсем на иные мысли.

Когда-то окрестные воды буквально кишели китами и ластоногими. Еще Дрэйк, Кук и другие мореплаватели, описывая свои путешествия, поведали миру о добродушных тюленях, населяющих южные моря. И потянулись в эти края промысловики. Уже в 1766 году у берегов Фолклендов был открыт китовый промысел, затем на мушку взяли морских слонов, а в 1799 году в районе архипелага англичане рьяно принялись за китов.

Безудержное истребление самых крупных на Земле млекопитающих продолжалось более полутора столетий. Бывало и так, что могучий шторм загонял в фолклендские фьорды суда, не успевшие наполнить трюмы бочками с китовым жиром. Тогда китов заменяли пингвины. Многие сотни тысяч этих беззащитных нелетающих птиц были безжалостно переработаны на жир. Чем упитаннее были птицы, тем охотнее их забывали. Вот почему больше всего погибли королевских пингвинов, самых больших и красивых на Фолклендских островах. Но и этого мало. Пингвинов отлавливали, чтобы пополнить продовольственные запасы. Попутно на корабли перетаскивали десятки тысяч яиц. Трагическая история, грустные мысли, печальный памятник...

Но есть в Порт-Стэнли — городе, на памятники, в общем-то, небогатом, — еще один монумент совершенно иного свойства.

В двух десятках шагов от моря стоит скромный четырехгранный столп с бронзовой каравеллой на шпиле. К одной из граней пристроен трон, на котором восседает богиня Победы. Установлен монумент в память о событиях первой мировой войны, дотнувшей даже до столь отдаленного клочка земли.

Дело было так. Утром 7 декабря 1914 года в бухту Стэнли-Харбор самоуверенно зашла германская эскадра адмирала Шпее в составе двух броненосных и трех легких крейсеров. Приблизившись

к Порт-Стэнли, незваные гости увидели притаившуюся в бухте британскую эскадру, по случайности только накануне прибывшую из Англии. Законные хозяева бухты оказались в хозяевами положения: их крейсеры имели преимущество в вооружении, броневой защите и скорости. Оценка ситуации, немцы повернули было в океан, но англичане настигли противника и после четырех с половиной часов боя разгромили его наголову. Лишь крейсеру «Дрезден» удалось скрыться, остальные немецкие суда были потоплены. К вечеру английская эскадра без потерь в кораблях вернулась в бухту. А битва у Фолклендов вошла в историю военно-морских операций.

КУДА ИСЧЕЗЛА ТЫСЯЧА АНГЛИЧАН?

Таким вопросом невольно задаешься, когда идешь по пустынным улицам Порт-Стэнли. Тысяча человек — половина всех живущих на архипелаге, и почти все они невидимки. Даже если пройти из конца в конец двухкилометровую Роуз-стрит, главную «широтную» улицу города, редко увидишь более трех-четырех местных жителей.

Однажды на Роуз-стрит нам встретилась аргентинская семья, по каким-то надобностям задержавшаяся в Порт-Стэнли. Отец семейства оказался человеком многоопытным и чрезвычайно общительным. Поболтал о том, о сем, мы спросили его, почему в любой день недели на улицах почти не видно фолклендцев. В ответ аргентинец кивнул в сторону ближайших к нам домов: «Вон они, мальвинцы...»

За стеклами плотно закрытых окон виднелись лица рассматривавших нас людей.

— Погода видите какая? Сейчас здесь лето, а всего семь градусов тепла и к тому же дождь. Люди предпочитают не покидать надежных стен без особой на то надобности. Впрочем, не все. Смотрите!..

По тротуару деловито, нагруженные хозяйственными сумками, шли две девушки лет восьми-девяти. Непокрытые головы, голые колени...

Увидев выражение наших лиц, аргентинцы рассмеялись:

— Это не страшно. Дети здесь морозостойкие.

Разглядывая дома фолклендцев, я подумал о том, что не только цветными стенами и крышами интересен Порт-Стэнли. Непреклонность перед лицом природы, традиционность английского быта на этих далеких от Англии островах — вот что, пожалуй, главное.

В суровых условиях неустойчивых пятидесятих широт жители фолклендской столицы умудрились украсить свои маленькие приусадебные участки аккуратно подстриженными деревьями и садовыми кустарниками, тщательно ухоженными традиционно английскими газонами и яркими цветами. Но особый колорит вносят пронзительно-желтые соцветия дрока, завезенного сюда с Британских ост-

¹ Научно-промысловое судно Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО).

ровов. Этот кустарник, неприхотливый, колючий и независимый, редко соседствует с цветочными клумбами. Его место — по другую сторону забора, где-нибудь на набережной, на пустыре или вовсе за чертой города.

Тихо на улицах Порт-Стэнли. Во дворах не играют дети, не расхищают в креслах-качалках философствующие старики, в тени деревьев отцы семейств не отдыхают после трудового дня. Насадив своими руками зелень, взрастив цветы, жители города по большей части любят усами ими через стекла закрытых окон.

Но есть на Роуз-стрит дом, из-за которого улицы Порт-Стэнли иногда взрываются шумом и многолюдьем. Это Таун-Холл — Ратуша, где на первом этаже размещается почта. В свое время почтовое ведомство сыграло заметную роль в судьбе английских поселенцев. Дело в том, что в соответствии с существовавшей тогда международной традицией владельцем того или иного государства можно было считать лишь тот пункт, где действовало какое-либо правительственное учреждение этого государства. Поэтому в Порт-Стэнли, новом фолклендском поселении, при первой возможности была организована почтовая контора с государственным чиновником-почмейстером, имевшим набор специальных марок и свой штемпель.

С тех пор почтовая служба стала играть важную роль в жизни архипелага, а фолклендские марки с годами приобрели в лице филателистов всего мира равновесные почитателей. По сей день марки со штемпелем Порт-Стэнли приносят архипелагу немалый доход. Несмотря на то, что Таун-Холл вмещает в себя, помимо почты, библиотеку, суд, портретную галерею фолклендских губернаторов, телеграф, зал для проведения торжеств и несколько контор, именно почта заправляет здесь общественной жизнью. Особенно это заметно в дни прибытия почтового судна. Тогда никакая непогода не может удержать людей в домах, и обитатели Порт-Стэнли чуть ли не в полном составе стекаются к Таун-Холлу за корреспонденцией.

ТРАГЕДИЯ ПАСТБИЩ

До появления на Фолклендах человека острова почти повсеместно были покрыты могучими, похожими на лес зарослями злака туссока. Эта многолетняя трава растет пучками и может достигать трех метров в высоту. Туссок без труда переносит превратности антарктической непогоды и остается зеленым круглый год. В труднопроходимых туссоковых «джунглях» гнездятся магеллановы пингвины, качурки, буревестники, а королевские бакланы благоустривают с помощью стеблей туссока свои жилища на скалах. Для морских слонов, львов и котиков заросли туссока — лучшее место отдыха. Но где же он, чудесный туссок? В окрестностях Порт-Стэнли, во всяком случае, мы его не наблюдали. Не видно было зеленых зарослей и по пути в Дарвин, второй по численности жителей пункт архипелага.

Несколько лет назад американский биолог Джеррат Харден опубликовал пессимистическую статью «Трагедия пастбищ», с отдельными положения-

ми которой трудно не согласиться. В частности, Харден считает, что в условиях капиталистического общества «каждый человек находится в тисках системы, которая понуждает его увеличивать свое стадо беспредельно — в мире, возможности коего имеют предел... Свобода пастбищ ведет ко всеобщему краху».

Действительно, свобода пастбищ, господствовавшая на Фолклендах в течение двух веков, поставила природу архипелага на грань катастрофы. Несчастья флоры и фауны островов начались в 1764 году, когда французы импортировали сюда из Бразилии рогатый скот и лошадей, а годом позже завезли с южной оконечности Американского материка свыше десяти тысяч деревьев. Постарались и испанцы: они доставили на острова свиней и кроликов. Деревья, правда, не прижились, зато прекрасно почувствовала себя на новом месте живность, особенно рогатый скот.

«Я никогда не видел таких великолепных животных, — писал Чарлз Дарвин, посетивший Фолкленды во время путешествия на «Бигле», — в моем громадном головах и шей они похожи на греческие изваяния». Естественно, объемы голов и шей чужеземной скотины увеличивались не по волшебству, а за счет местной растительности. На фолклендских холмах появились первые признаки эрозии почвы, но туссок еще держался сам и помогал держаться многим видам птиц и животных. Решительный удар по нему нанесло овцеводство, которое особенно стремительно стало развиваться с приходом на острова англичан.

Под натиском бесчисленных овечьих полчищ могучая трава отступила на самые труднодоступные острова архипелага — там и в наше время еще можно встретить первозданную флору. Однако те многочисленные клочки суши, на которых паслись и ныне пасутся стада полудичавших овец, пострадали очень сильно. Трава здесь осталось так мало, что полноценно существовать может лишь ограниченное количество животных. И фермеры поступают очень «просто»: они регулярно сокращают поголовье стад, забывая овец. Часть трупов животных остается лежать на земле, другую часть сбрасывают в море. Были годы, когда на архипелаге убивали до 70 тысяч овец! Так овцеводство, важнейшая отрасль фолклендского хозяйства, безнадежно подорвало само себя.

Правда, и сейчас жители архипелага круглый год без ограничений едят баранину, а местная шерсть славится высоким качеством. Но это уже не то овцеводство, что было здесь несколько десятков лет назад. Сторонники сохранения отрасли рассчитывают на экспорт мороженого мяса. Но долго ли сможет погибавшая флора весьма ограниченного по пло-

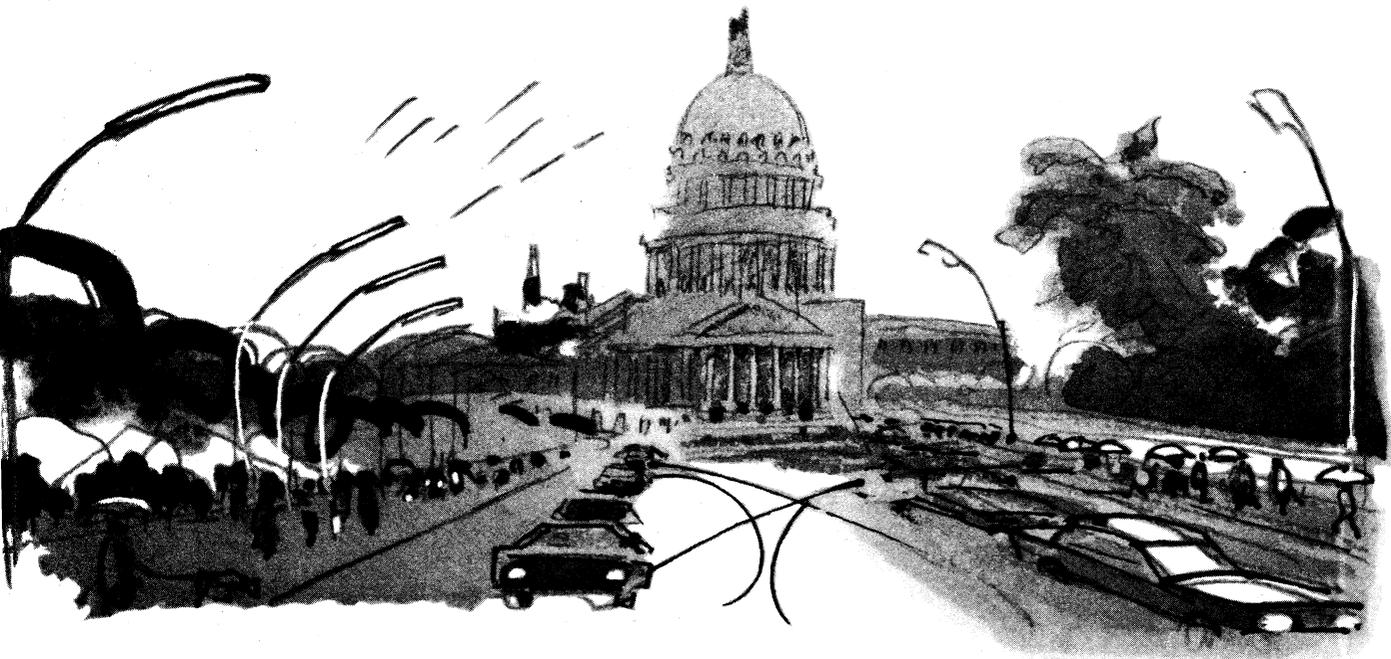
щади архипелага прокормить все еще многочисленные овечьи стада?

«Если бы мне было дано право решать, — пишет Свен Йильстер, — я бы немедленно объявил эти острова заповедными и удалил оттуда всех овец. Овцам там больше нечего делать». Но дело, конечно, не только в овцах. Не менее разрушительной оказалась прямая деятельность самого человека. Тенденцию к полному истреблению местного животного мира впервые подметил Дарвин. В начале 30-х годов прошлого столетия на островах еще обитало единственное истинно фолклендское млекопитающее — большая волкообразная лисица, эндемик, уникальный вид, не встречавшийся более нигде. Но такое обстоятельство мало интересовало живших здесь в то время аргентинских гаучо. По вечерам они часто били этих малочисленных и бесстрашных животных ножом, предварительно подманивая их куском мяса в руке. Били просто так — из спортивного интереса.

С тревогой Дарвин писал в своих дневниках: «Численность названного вида быстро уменьшается. Через несколько лет после правильного заселения островов эта лисица, по всей вероятности, поставлена будет наряду с додо, как животное, исчезнувшее с лица земли». Так оно и вышло.

К сожалению, добытчики, промышленники у фолклендских берегов, оказались гораздо расторопнее защитники природы. Ведь только через 129 лет после того, как в беззащитных ластиногих архипелага полетели первые гарпуны, ученые проявили общественный интерес к Антарктике и ее ресурсам. Произошло это в 1895 году на VI Международном географическом конгрессе в Лондоне. Одного интереса, разумеется, было мало, и еще долгие годы фауна всех субантарктических и антарктических островов и вод истреблялась самым хищническим образом. Лишь в 30-х годах нашего столетия наконец-то одумались и добытчики, озбоченные резким сокращением промысла. Последовал ряд соглашений, ограничивающих число снаряженных экспедиций и продолжительность промыслового сезона.

В последние годы многого удалось добиться и на Фолклендских островах. Запрещена охота на котиков, на некоторых лежбищах поголовье их заметно растет. Восстанавливают свою численность стада морских слонов. Под формальной охраной закона находятся все птицы, а их здесь несколько десятков видов. Правда, закон этот выдерживается не всегда строго, но все-таки он есть! И если когда-нибудь случится мечта многих биологов и суровый архипелаг с окружающими его водами станет международным заповедником, он превратится в великолепную естественную лабораторию для ученых.

ИРВИНГ УОЛЛАС,
американский писатель

Р

Документ

Роман

Кристофер Коллинз перевернул очередную страницу своей речи и с облегчением увидел, что остался последний листок.

Он не смог толком подготовиться, потому что мысли были заняты совсем другим. Победой, которую одержал над ним Тайнэн, мучительным разговором с Карен. Своей родной Калифорнией, где через час ассамблея штата соберется для голосования по тридцать пятой поправке к конституции США.

В подавленном настроении он прилетел в Чикаго, в глубоком унынии встретился за ужином с руководством съезда бывших фбээровцев.

Продолжение. Начало в № 4—10.
© Irving Wallace, 1976. С разрешения
«Bantam Books Inc.», New York.

Чувства поражения и тоски окрасили и всю его речь. Рухнули надежды провалить тридцать пятую поправку в Калифорнии, и самым страшным ударом была смерть председателя Верховного суда. Только один Мейнард мог повернуть ход событий, но его безжалостно уничтожили в самый решающий момент. Напрасными оказались надежды на президента Уодсворта, который отказался сместить Тайнэна. Шансы на победу Коллинза в самостоятельной борьбе с правительством и так были невелики, к тому же директор ФБР эффективно выбил оружие из его рук. Оставался только документ «Р», однако к тайне его Коллинз так и не нашел ключа.

Но более всего во время выступления Коллинза сковывало чувство

осторожности: аудитория состояла в основном из приверженцев Тайнэна.

Во времена Гувера общество выкормышей ФБР объединяло около десяти тысяч бывших сотрудников. Многие из них, оставив службу, успешно делали карьеру в юриспруденции, промышленности, банках благодаря поддержке и покровительству Гувера. Сейчас же, в период правления Вернона Т. Тайнэна, в рядах общества насчитывалось четырнадцать тысяч мужчин и женщин, сплоченных привитой им еще в ФБР железной дисциплиной и чувством благодарности Тайнэну за помощь, благодаря которой они преуспевали на своих новых поприщах. Для Коллинза эта аудитория была враждебной. Он отдавал себе отчет в том, что зал был полон шпионами Тайнэна, готовыми донести хозяину о любом отклонении от предписанных им основ.

Но Коллинз знал и о том, что в зале находилась небольшая группа во главе с Тони Пирсом. В общении с ним Коллинз проявил предельную осторожность: Карен будет угрожать большая опасность, прозная Тайнэн о контактах министра юстиции с руководителем организации защитников Билля о правах. Утром Коллинз вышел на улицу, из телефона-автомата позвонил Пирсу и договорился встретиться с ним в специально снятом под чужим именем номере.

Обо всем этом и думал Кристофер Коллинз, пытаясь осмысленно закончить свою речь:

— Итак, мы стоим на пороге решительного изменения конституции страны с целью достижения торжества закона и порядка. Но даже принятия тридцать пятой поправки недостаточно для нормального су-

ществования общества, и я уже оставался на многом из того, к чему нам следует стремиться. Позвольте мне еще раз сформулировать эти цели словами бывшего министра юстиции США Рамсея Кларка: «Если мы хотим успешно бороться с преступностью, то должны прежде всего обратить внимание на обезличивающее влияние, которое оказывают на развитие личности трушобы, расизм, невежество и насилие; нищета, безработица и безделье; недоедание из поколения в поколение; коррупция и бессилие в осуществлении своих прав; болезни и загрязнение окружающей среды; алкоголизм и наркомания; алчность, вечное беспокойство и страх; безнадежность и несправедливость. Они-то порождают и плодят преступность. И их нужно одолеть». Благодарю вас за внимание.

Аплодировали вяло: бывшие фэбэ-эровцы ждали оваций и салютов своему хозяину и его детищу — тридцать пятой поправке, а вместо этого услышали сюсюканье по поводу социальных реформ. Но мучения Коллинза наконец закончились. Полчаса спустя он уже был свободен. У выхода из зала к нему присоединился охранник Хоган, проводивший его в лифте на семнадцатый этаж. У двери своих апартаментов Коллинз сказал Хогану, что до вечера он пробудет у себя в номере, и предложил тому пойти пока в кафе.

Подождав немного, Коллинз открыл дверь и выглянул наружу. Коридор был пуст. Он пробежал к лестнице и спустился на пятнадцатый этаж, где нашел номер 1531. Проверив, не следят ли за ним, он вошел, оставив дверь открытой, и осмотрелся.

Однокомнатный номер. Широкая низкая кровать. Кресло. Два стула. Шкаф. Телевизор. Обстановка более чем скромная, но для дела сойдет.

Коллинз испытывал искушение позвонить в Вашингтон Карен, хотя бы для того, чтобы подбодрить ее. Он обдумывал, разумно ли разговаривать по телефону, но, прежде чем успел принять решение, в комнату вошли Тони Пирс и с ним, к удивлению Коллинза, еще двое.

Коллинз не видел Пирса со дня их дискуссии в телестудии. Он даже сжался внутренне, вспоминая о своей тогдашней роли, и представил себе, что сейчас думает о нем Пирс.

Но в поведении Пирса не чувствовалось ни презрения, ни нежелания снова встретиться с ним. Открытое веселое лицо под копной светлых волос хранило обычное добродушное выражение.

— Вот мы и встретились снова, — сказал он, пожимая Коллинзу руку.

— Очень рад, что вы пришли, — ответил Коллинз. — Признаться, не был уверен, что согласитесь.

— Я с удовольствием воспользо-

вался этой возможностью, — возразил Пирс. — Хочу также познакомиться с вами со своими коллегами — мистер Ван-Аллен, мистер Ингстрап. Мы вместе служили в ФБР и ушли оттуда почти одновременно.

Коллинз пожал гостям руки и попросил садиться.

— Мое предложение о встрече, вероятно, удивило вас, — сказал он Пирсу. — Ведь в ваших глазах я начальник директора ФБР Тайнэна и член кабинета президента Уодсворта, то есть участник заговора, ставшего целью протащить тридцать пятую поправку.

— Отнюдь, — ответил Пирс, набивая трубку. — Мы следили за вами и были в курсе ваших дел вплоть до вчерашнего дня, когда вы решили отправиться в Калифорнию и выступить против поправки. Ваша нынешняя позиция нам известна.

— Откуда? — искренне взволновался Коллинз.

— Поскольку теперь вам доверяем, могу объяснить, — весело сказал Пирс, наслаждаясь ситуацией. — Оставив ФБР, мы трое занялись каждый своими делами. Я основал юридическую фирму. Ван-Аллен открыл частное сыскное бюро. Ингстрап стал писателем, на его счету две книги, разоблачающие деятельность ФБР. Но все мы разделяем общую точку зрения — что Вернон Т. Тайнэн представляет большую опасность для страны. Мы связались с другими бывшими сотрудниками ФБР, разделяющими наши взгляды. Все мы сохраняли дисциплину и помнили секреты профессии, которой овладели за время службы. И спросили себя: почему бы нам не использовать свои знания и опыт? Мы решили принять меры, чтобы спасти демократию. Поэтому по моему предложению мы создали тайную организацию бывших сотрудников ФБР для расследования деятельности «Большого брата». Официального названия у нас нет, но обычно мы именуем себя РФБР — расследователи Федерального бюро расследований. У нас везде есть сочувствующие нам осведомители, в том числе шесть человек в вашем министерстве, из которых двое работают непосредственно в аппарате самого Тайнэна. Постепенно мы узнали о вашем переходе на нашу сторону. Вчера нам сообщили, что вы собираетесь в Сакраменто. Исходя из предыдущих сообщений, мы предположили, что вы намерены поехать с директором Тайнэном и публично атаковать тридцать пятую поправку.

— Так и было, — подтвердил Коллинз.

— Тем не менее сейчас вы не в Сакраменто, — сказал Пирс. — Вы в Чикаго. Честно говоря, я удивился, получив вчера известие от вас, и подумал, что изменение пла-

нов поездки может означать новое изменение ваших политических планов. Но потом решил, что в таком случае вы вряд ли пожелали бы видеться со мной.

— Вы опять правы, — подтвердил Коллинз. — Мои политические взгляды не изменились. Я всем сердцем против тридцать пятой поправки и собирался отправиться в Сакраменто, чтобы выступить против нее. Но в последний момент кое-что случилось.

— Появился Тайнэн, — сказал Пирс.

— Откуда вы узнали?

— Я не знал, — ответил Пирс. — Просто догадался.

— Никогда нельзя недооценивать Тайнэна, — впервые подал голос Ван-Аллен. — Он вездесущ и мстителен. Он принял эстафету у Гувера. Вы помните досье Гувера под грифом «Секретно. Для служебного пользования»? Подручные Гувера собирали информацию о личной жизни Мартина Лютера Кинга, Мохаммеда Али, Джейн Фонды, доктора Бенджамина Спока, по меньшей мере двадцати высших чиновников администрации, многих конгрессменов и журналистов. Но все это меркнет по сравнению с тем, что сделал Тайнэн. Он утроил количество оставшихся от Гувера досье и систематически пользуется ими для шантажа, утверждая, что делает это исключительно для блага страны... Когда Тайнэн приказал мне собирать информацию о личной жизни лидеров большинства сената и палаты представителей незадолго до того, как конгрессу была представлена тридцать пятая поправка (Тайнэн, видимо, желал обеспечить ей гарантированную поддержку), я пошел прямо к нему с протестом и попросил дать мне другое задание. «С удовольствием, Ван-Аллен», — ответил он, и меня тут же перевели из Вашингтона в город Батт в штате Монтана — это его место ссылки. Я все понял и уволился.

— Когда я сказал, что все мы трое оставили службу почти одновременно, — продолжал Пирс, — то вовсе не имел в виду, что ушли по-хорошему. Ван-Аллена хотели загнать в ссылку, и он уволился. Ингстрап произнес речь на выпускном вечере в школе, где училась его дочь. Он говорил о роли ФБР в нашей демократии и позволил себе высказать робкое предложение о желательности реформы внутри Бюро. В тот же вечер о его выступлении узнал Тайнэн. Ингстрапа понизили в должности, и он подал в отставку, но Тайнэну и этого было мало. Когда Ингстрап попытался получить другую работу в органах правопорядка, его и там достала длинная рука Тайнэна. Тайнэн распустил слух, будто Ингстрапа выставили из ФБР за неблагоприятное поведение. Ингстрап

взялся за перо, его первая книга была посвящена критическому разбору действий ФБР. Тайнэн принял все возможные меры, чтобы предотвратить ее публикацию, и так преуспел, что Ингстрапу пришлось довольствоваться мелким рекламным издательством. К счастью, книга оказалась бестселлером.

— А что произошло с вами? — поинтересовался Коллинз.

— Со мной? Я протестовал против расправы с Ингстрапом. В ответ Тайнэн издал циркуляр с приказом о моем переводе в Цинциннати. Это второе его место ссылки. Я понял, что в ФБР мне тоже делать нечего, и уволился. Нет, Крис, — если можно, буду называть вас так, — никто еще не одерживал победы в борьбе с Тайнэном.

— Но ведь вы сейчас боретесь с ним...

— Не очень-то надеюсь на победу, — объяснил Пирс. — Однако сделаю все, что в наших силах. В общем, как только вы сказали, что намеревались выступить против Тайнэна, но в последний момент что-то случилось, я сразу понял, в чем дело. Видно, теперь вы не присоединитесь к нам в открытую.

— Не могу, — беспомощно сказал Коллинз.

Окинув внимательным взглядом троих своих гостей, бывших работников Тайнэна, отважно вступивших в борьбу против директора ФБР и его гигантского аппарата, Коллинз вдруг почувствовал, как они близки ему. И он решил рассказать им о своем последнем разговоре с Тайнэном...

— Как видите, ничего особенного, — закончил он свое повествование. — Тайнэн предложил мне условия капитуляции: я не должен подавать в отставку, лететь в Калифорнию и выступать против тридцать пятой поправки. Тогда моя жена будет в безопасности. Если я не подчинюсь, Карен вновь придется сесть на скамью подсудимых. Выхода у меня не было, и я капитулировал.

Пирс обменялся со своими друзьями взглядами.

— Возможно, мы сумеем помочь вам, Крис.

— Как?

— Наша маленькая организация займется вашим делом. В Техасе живет один из лучших наших людей — Джим Шэк. Он десять лет прослужил в ФБР и ушел, потому что директором стал Тайнэн. И с нами сотрудничают два тамошних кадровых фэбээровца, которые ненавидят Тайнэна. Они многое могут для вас сделать.

— Каким же образом?

— Для начала проверят старое судебное дело вашей жены. Затем порыскают по сторонам, постараются проверить, действительно ли у Тай-

нэна есть новая свидетельница или он врет, шантажируя вас.

— Дайте мне подумать, — все еще колебался Коллинз.

— Думать уже некогда, — напомнил ему Пирс. — Ассамблея Калифорнии голосует сегодня... Кстати, включи-ка телевизор, Ван, а то пропустим. Проголосуй ассамблея против — и наше дело сделано. Но если ассамблея скажет «да»...

— Каковы прогнозы?

— По последним данным, ассамблея склоняется в пользу ратификации.

На экране телевизора камера оператора сфокусировалась на надписи, выложенной золотыми буквами над портретом Линкольна за спиной спикера ассамблеи: «Legislatorum est justas condere».

— Что это значит? — поинтересовался Ван-Аллен.

— «Долг законодателей — устанавливать справедливые законы», — перевел Коллинз.

— Сейчас как раз тот самый случай, — заметил Пирс.

Раздался голос диктора:

— Итак, голосование начинается. Для принятия поправки достаточно простого большинства, то есть если «за» будет подан сорок один голос, поправка принята. Если сорок один голос будет подан «против», вызвавшая столь много споров тридцать пятая поправка отклонена. Внимание!

Коллинз замер в кресле, следя за экраном.

Бежали секунды. В нижней части экрана сменялись цифры. Тридцать шесть. Тридцать семь. Тридцать восемь. Тридцать девять. Сорок. Сорок один.

С галереи для зрителей вперемешку доносились взрывы восторга и стоны отчаяния. Их заглушил голос диктора:

— Голосование в ассамблее штата Калифорния завершено. Тридцать пятая прошла большинством в один

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

голос. Теперь ее судьба всецело в руках сената Калифорнии и будет решена окончательно семьдесят два часа спустя.

Пирс выключил телевизор.

— Этого я и боялся. — Он внимательно обвел глазами остальных. — Что ж, по-моему, всем ясно, что надлежит делать. — Он шагнул к Коллинзу, напряженно застывшему в кресле. — Крис, нам нужна вся помощь, какую вы только способны оказать. Разрешите же, в свою очередь, предложить нашу помощь вам, чтобы развязать вам руки.

— Вы о Карен?

— Да. Позвольте мне связаться с Джимом Шэком и с людьми в Форт-Уэрте.

— Хорошо, — ответил Коллинз. — Приступайте. — Он понял, что в этих людях его последняя надежда. — Я очень вам благодарен. Но есть еще одно дело, в котором вы могли бы помочь. И если нам повезет, тридцать пятой поправке будет нанесен смертельный удар.

— Ради этой цели мы готовы на все, — заявил Пирс.

Коллинз поднялся из кресла.

— Доводилось ли кому-нибудь из вас слышать о некоем документе «Р»?

— Нет, — сказал Пирс. — Это название ни с чем у меня не ассоциируется.

Ван-Аллен и Ингстрап также заявили, что никогда о таком документе не слышали.

— В таком случае, — продолжал Коллинз, — позвольте мне информировать вас о нем. Все началось в ночь смерти полковника Бакстера. Впервые я узнал о существовании документа «Р» несколько дней спустя...

Не опуская ни малейшей подробности, Коллинз изложил все события последних недель. Говорил он целый час — о полковнике Бакстере, его

вдове, таинственном документе «Р», поездке с Джошем в концлагерь Тьюл-Лейк (Пирс понимающе кивнул, зная, о чем идет речь), встрече с членами ассамблеи Кифом, Тобнясом и Юрковичем, фальсификации статистических данных, о начальнике люкисбергской тюрьмы Дженкинсе, о Сюзен Раденбау, Раденбау и Рыбацком острове, председателе Верховного суда Мейнарде и Арго-сити, Раденбау и Рамоне Эскобаре...

Закончив рассказ, Коллинз ожидал увидеть недоверие на лицах слушателей, но заметил лишь, что они тщательно обдумывают услышанное.

— Вы даже не изумлены? — спросил он.

— Нисколько, — ответил Пирс. — Мы хорошо знаем Тайнэна, слишком многое уже видели и слышали сами.

— И вы верите мне?

— Каждому слову. Мы знаем, что Тайнэн готов на все. Он не останется ни перед чем, и он победит, если только мы не противопоставим ему все свои силы. Если вы полностью встанете на нашу сторону, Крис, мы в течение нескольких часов приведем в действие всю нашу контрфэбэеровскую организацию. Я просил бы вас остаться здесь на вечер, Крис. В Вашингтон вы можете вернуться завтра утром. Ван-Аллен принесет нам поест, и мы возьмемся за разработку плана действий. Затем сядем за телефоны и обзовем всех наших людей. К утру они уже будут выполнять полученные задания. Что вы скажете на это?

— Я готов, — ответил Коллинз.

— Отлично. Главную работу мы оставим за собой. В первую очередь пройдем по вашим следам. Я знаю, что вы все сделали самым тщательным образом, но расследование — наша жизнь, и мы сможем найти информацию там, где вы прошли мимо. К тому же при вторичном опросе даже те люди, с кем вы уже беседовали, могут вспомнить новые де-

тали, упущенные раньше. Я еще раз опрошу Раденбау. Ван-Аллен еще раз прочешет Арго-сити. Ингстрап займется патером Дубинским. А вам, Крис, следует встретиться с Ханной Бакстер. Идет?

— Я обязательно с ней встречу, — заверил Коллинз.

— Хорошо. А теперь сбросим пиджаки и галстуки, попросим Вану принести поест и выпить и займемся разработкой плана.

— Думаете, у нас есть еще шанс?

— Если повезет, Крис.

— А если о нас узнает Тайнэн?

— Значит, не повезет... — ответил Пирс.

Когда Кристофер Коллинз вернулся следующим утром в Вашингтон, его дом был пуст. На зеркале в спальне он нашел приклеенную клейкой лентой записку: «Мой милый! Надеюсь, что ты не расстроишься — ведь я делаю это ради нас обоих. Я улетаю сегодня в Техас. Мне ни в коем случае нельзя было скрывать от тебя ничего. Я должна была понимать, что как политический деятель ты все время на виду и уязвим и что кто-нибудь вроде Тайнэна раскопает мою историю и сумеет использовать ее тебе во зло. То, что ты испугался обнародования дела и возобновления процесса (испугавшись за меня, я знаю), подсказывает мне, что ты не уверен в исходе процесса. И поскольку ты не решился бросить вызов Тайнэну (из-за меня), то решила сделать это сама. В Техасе я надеюсь найти эту его так называемую новую свидетельницу и вырвать у нее правду. Я хочу доказать свою невинность целиком и полностью — тебе, Тайнэну, всем — независимо от того, сколько на это понадобится времени, и мне кажется, что только я сама могу это сделать. Я остановлюсь у друзей в Форт-Уэрте и не объявлюсь, пока не добьюсь своего. Я хочу, чтобы ты любил меня и верил мне. Карен».

У Коллинза помутилось в глазах. Такого поворота событий он не ожидал никак. «Надеюсь, что ты не расстроишься», — написала Карен. Ее надежды не оправдались — он не был расстроен, он был убит мыслью о том, что его беременная жена где-то в Техасе, в Форт-Уэрте, одна, в беде. Нет, это было выше его сил! Он хотел помчаться в аэропорт и купить билет на первый самолет в Форт-Уэрт, но... это все равно, что искать иголку в стог сена. И все же надо что-то делать.

Так еще ничего и не придумав, он услышал, как в спальне зазвонил телефон.

Молясь про себя, чтобы это была Карен, он сорвал с телефона трубку. И узнал голос Тони Пирса:

— Доброе утро, Крис. Я прилетел прямо вслед за вами.

— А, привет... — Коллинз чуть было не назвал собеседника по имени, но вовремя вспомнил правила, разработанные вчера вечером в Чикаго: ни малейшего упоминания о Пирсе и его друзьях по телефону.

— Хочу сообщить, — продолжал Пирс, — что Вернон Тайнэн завтра вечером вылетает по делу в Нью-Йорк, а оттуда летит в Сакраменто. В пятницу он выступает перед юридической комиссией сената, чтобы как следует подтолкнуть тридцать пятому. Он последний свидетель, которого заслушает комиссия, прежде чем вынести резолюцию на голосование.

Коллинз все еще был слишком взволнован мыслями о жене, чтобы среагировать на новости о Тайнэне и понять их значение.

— Извините меня, — сказал он, — но боюсь, что я плохо сейчас сообщу. Я только что зашел домой и нашел записку от жены. Она...

— Стоп, — перебил его Пирс. — Я понял. Но по вашему телефону об этом говорить не будем. У вас рядом с домом есть автомат?

— Несколько. Ближайший...

— Не говорите, не надо. Отправляйтесь прямо туда и позвоните мне. Я буду ждать. Номер я дал вам вчера. Помните его?

— Да. Сейчас позвоню.

Схватив записку, Коллинз выбежал из дому, крикнув на ходу ждав-

шему его в машине личному шоферу Пагано, что он сейчас вернется.

Несколько минут спустя он одолел два квартала и свернул на заправочную станцию, где зашел в телефонную будку, закрыл за собой дверь, опустил монеты в щель и набрал номер Тони Пирса. Тот мгновенно снял трубку.

— Теперь можете говорить без опаски, — сказал он. — Что с женой? Убежала?

— В Техас. Доказывать свою невиновность.

— Вы сказали, что она оставила вам записку, — ответил спокойно Пирс. — Не откажетесь прочитать ее?

Достав из кармана записку Карен, Коллинз прочитал ее Пирсу. Кончив читать, он сказал:

— Я на грани того, чтобы отправиться в Форт-Уэрт искать жену.

— Нет, — твердо возразил Пирс. — Мы сами ее найдем. Она пишет, что остановится в Форт-Уэрте у друзей. Дома есть ее записная книжка?

— У нас общая книжка с адресами. Но где-то должна быть и ее старая.

— Хорошо. Как только вернетесь домой, найдите ее. Затем... Нет, по своему телефону лучше эти адреса не читайте... По дороге на работу позвоните еще раз из автомата и прочтите мне имена и адреса всех

знакомых Карен в районе Форт-Уэрт — Даллас.

— Отлично.

— Я попрошу Джима Шэка побыстрее заняться этой новой свидетельницей Тайнэна.

— Спасибо, Тони. Только... как же вы найдете свидетельницу? Ведь Тайнэн отказался сообщить мне ее имя.

— Это нетрудно. Я ведь говорил, что у нас есть два агента в центральном аппарате ФБР. Один из них работает в ночную смену. Когда Тайнэн и Эдкок уйдут домой, он просмотрит досье Карен, передаст имя свидетельницы мне, а я — Шэку.

— Не знаю даже, как благодарить вас, Тони.

— Бросьте, — ответил Пирс. — Одно дело делаем. Хорошо бы вам успеть завтра в Калифорнию, чтобы выступить против показаний Тайнэна. Если он окажется единственным свидетелем, представляющим правительство, то легко убедит сенаторов ратифицировать поправку. И еще я надеюсь, что к завтрашнему дню мы сумеем найти документ «Р». В течение ближайшего времени мы еще раз опросим Раденбау и патера Дубинского. А вы поедете сегодня к Ханне Бакстер?

— Она не может принять меня сегодня. Я звонил ей из Чикаго еще утром. Согласилась принять меня завтра в десять утра.

— Хорошо. Если будут новости, я позвоню вам на службу. Ваш телефон обезврежен от прослушивания входящих звонков?

— Да. Мне его теперь проверяют каждое утро.

— Хорошо. Я позвоню.

Впервые за многие годы Вернон Т. Тайнэн собрался навестить мать не в субботний день.

Помимо того что он ехал к ней в среду, его визит был несколько необычен и в других отношениях. Во-первых, он не потрудился взять для матери досье с грифом «Секретно. Для служебного пользования» на очередную знаменитость. Во-вторых, он не собрался оставаться у нее обедать. В-третьих, было не без четверти час, а три пятнадцать.

Этот беспрецедентный визит был вызван телефонным разговором с матерью, состоявшимся десять минут назад. Мать не звонила ему регулярно — так, позванивала иногда.

— Я тебя не отрываю от дел, Верн?

— Нет, нисколько. У тебя все в порядке?

— В полном. Я звоню поблагодарить тебя.

— Поблагодарить? За что?

— За то, что ты такой заботливый сын. Телевизор теперь работает просто прекрасно.

— О чем это ты? — спросил Тайнэн.

— Сегодня утр. приходил мастер, сказал, что его послед. ты. Очень мило, Верн, что ты помнишь о матери, несмотря на всю занятость.

Тайнэн молчал, пытаясь справиться с мыслями.

— Верн, ты меня слышишь?

— Слышу, мама. Гм... Я, наверное, заеду к тебе на минутку.

— Неожиданная радость для меня. Спасибо еще раз за мастера.

Повесив трубку, Тайнэн откинулся в кресле. Ошибка? Неправильный адрес? Еще что-нибудь? Но ведь он никаких техников не посылал.

Он тут же вскочил с кресла, вызвал машину и помчался к матери. Войдя в подъезд ее дома, он проверил сигнализацию, выругался, потому что она не была включена, и поднялся вверх.

Роз Тайнэн сидела в своем кресле у телевизора и смотрела полуденную эстрадную программу. Тайнэн рассеянно поцеловал ее в щеку.

— Очень рада тебя видеть, — сказала она. — Приготовить поесть?

— Нет, спасибо, мама. Я всего на минутку. — Тайнэн показал рукой на телевизор. — Ну как, все теперь в порядке? Я уже и не помню, что там не ладилось.

— Временами прыгало изображение.

— Значит, техник утром приходил? А в какое время?

— Около одиннадцати.

— В фирменной одежде?

— Конечно.

— Ты не помнишь, мама, как он выглядел?

— Что за глупый вопрос, — ответила Роз Тайнэн. — Выглядел как телевизионный техник. А что?

— Хочу проверить, послали ли они своего лучшего мастера. Долго он работал?

— С полчаска.

Тайнэн хотел выяснить все, что можно, но так, чтобы не обеспокоить мать.

— Кстати, мама, — сказал он как бы невзначай, — ты видела, как он работал? Была в комнате?

— Мы немного поболтали, но он был очень занят, и в конце концов я пошла мыть посуду.

— Та-ак. — Тайнэн подошел к дивану и посмотрел на черный телефонный аппарат, стоящий на тумбочке. — Мама, у тебя есть отвертка?

Роз Тайнэн с трудом встала из кресла.

— Сейчас принесу. Зачем она тебе?

— Проверю телефон, раз уж заехал. А то, когда ты звонила, что-то было плохо слышно.

Как только мать принесла отвертку, Тайнэн отвинтил дно, снял коробку и принялся рассматривать механизм.

— Ага, — выдохнул он.

Он нашел «клопа» — подслушивающее устройство размером меньше миниатюрного наперстка, передающее

разговор на магнитофон приемной станции. Прибор того самого образца, которым пользуется ФБР. Тайнэн извлек его из аппарата, спрятал в карман и снова собрал телефон.

— Нашел повреждение? — спросила мать.

— Да, мама, все в порядке.

Теперь самое главное — выяснить, что они (но кто именно, пока не ясно) успели с утра подслушать.

— Мама, ты пользовалась сегодня телефоном? Не с самого утра, а часов с одиннадцати?

— Сейчас припомню.

— Припомни, пожалуйста. Тебе кто-нибудь звонил? Или ты кому-нибудь звонила?

— Мне звонила только миссис Гроссман.

— О чем вы разговаривали?

— О новом лекарстве, которое ей выписал врач, а потом я звонила тебе.

— И все?

— Да, хотя... Постой-ка... Сегодня ли это было? Да, сегодня. Я очень долго беседовала с Ханной Бакстер.

— Не припомнишь о чем?

Роз Тайнэн начала перечислять темы своей беседы с подругой. Ничего особенного. Обычный разговор двух старых женщин.

— Ханна старается все время хоть чем-то занять себя, — заключила Роз Тайнэн. — Очень тоскует. Конечно, с ней ее внук Рик... Но все равно обстановка в доме не та, когда ее муж был министром юстиции. Кстати, министр юстиции будет у нее завтра...

Тайнэн, до этого слушавший вполуха, сразу насторожился.

— Ты что-то путаешь, мама. Бакстер действительно был министром юстиции, но ведь он умер.

— Она говорила о новом министре, как там его...

— Кристофере Коллинзе?

— Вот-вот. Он приедет к ней завтра.

— Зачем? Она сказала зачем?

— Нет.

— Коллинз едет к миссис Бакстер, — сказал Тайнэн больше самому себе, чем матери. — Так, так. В какое время ты говорила с Ханной по телефону?

— По какому телефону? Я не сказала, что мы беседовали по телефону. Она забегала ко мне сегодня утром выпить кофе.

— «Забегала», — повторил Тайнэн с облегчением. — Отлично. Ладно, мама, мне пора. Еще много надо сделать перед завтрашней поездкой в Калифорнию. И, пожалуйста, не впускай больше в дом никаких техников, не связавшись сначала со мной.

— Слушаюсь, раз директор так хочет.

— Директор так хочет. — Он по-

целовал мать в лоб. — И большое тебе спасибо за информацию.

— Какую еще информацию? — удивилась мать.

— Когда-нибудь объясню.

На следующее утро шел сильный дождь, над Вашингтоном нависло мрачное тяжелое небо, вполне соответствующее настроению Кристофера Коллинза, ехавшего из своего министерства в дом Бакстеров в Джорджтауне.

Дела шли из рук вон плохо. Со вчерашнего дня он не получал никаких известий ни от Тони Пирса, ни от Ван-Аллена, ни от Ингстрапа. Судя по всему, проводимый ими в столице и их друзьями по всей стране розыск не нащупал никаких нитей, способных привести к документу «Р». И что еще хуже, не было известий от Джима Шэка из Форт-Уэрта о Карен. Завтра в полдень на том конце страны, в Калифорнии, соберутся сорок сенаторов штата для последнего голосования по тридцать пятой поправке. Для ее прохождения требуется простое большинство — двадцать один голос. Согласно статье в сегодняшней «Вашингтон пост» консультант президента по опросам общественного мнения Рональд Стивман информировал Уодсворта о результатах последнего конфиденциального опроса калифорнийских сенаторов: тридцать из них намеревались голосовать за новую поправку. К концу завтрашнего дня тридцать пятая поправка станет частью конституции США. Будущее еще никогда не казалось Коллинзу столь мрачным.

Он заметил, что его министерский лимузин уже подъезжает к старому трехэтажному дому в Джорджтауне. Было ровно десять утра — на встречу с Ханной Бакстер он приехал минута в минуту.

Никаких иллюзий относительно результатов этого визита Коллинз не питал. Он встречался с Ханной Бакстер в самом начале своих поисков, и она почти ничем не смогла помочь ему. Да, верно, она вывела его на Раденбау, это было уже что-то, но и Раденбау не знал всего о документе «Р». Коллинз сомневался, что при второй встрече Ханна Бакстер сумеет помочь ему чем-то большим. Но он обещал Тони Пирсу сделать это и хотел сдержать слово.

Коллинз позвонил в дверь, и вместо служанки дверь ему открыла сама Ханна Бакстер, на полном лице которой светилось обычное радушие.

— Очень рада снова видеть вас, Кристофер. — Впустив в дом, она позволила ему поцеловать себя, потом отстранила. — Дайте-ка мне на вас взглянуть. Вид отличный, разве что несколько усталый.

— Вы выглядите намного лучше,

чем в прошлый раз, Ханна, — ответил Коллинз. — Как у вас дела?

— Так себе, Кристофер. Слава богу, со мной живет маленький Рик. Правда, когда он днем уезжает в школу, я чувствую себя совершенно брошенной. А как Карен?

— Как никогда хорошо, спасибо. Шлет вам привет, — покривил душой Коллинз. Они вошли в гостиную.

— Жаль, что я не смогла приготовить к вашему приезду погоды по лучше, — сказала хозяйка, кивнув в сторону раздвижных стеклянных дверей, прикрытых тяжелыми плотными шторами. — Могли бы посидеть в патио. Что ж, давайте поудобнее расположимся здесь.

Коллинз подождал, пока Ханна присядет на диван, затем сел напротив нее на кресло с высокой спинкой лицом к шторам.

— Не выпьете ли чаю или кофе, Кристофер? — спросила хозяйка.

— Нет, спасибо, Ханна. Ничего не хочу. Я приехал по делу и много времени у вас не отниму.

— Буду рада помочь.

— В общем-то, это тот же самый вопрос, по поводу которого я приезжал в прошлый раз, вскоре после смерти Ноя, помните?

— Не совсем, — миссис Бакстер нахмурила лоб. — Столько всего случилось... Вы, кажется, спрашивали о каких-то бумагах?

— Да. Я спрашивал об одном документе, связанном с тридцать пятой поправкой, нечто вроде дополнения к ней. Ной просил меня разыскать и переработать его. Он называется «документ «Р»». Но разыскать этот документ так и не удалось. Тем не менее он мне необходим. В прошлый раз я спрашивал, слышали ли вы когда-нибудь о нем от Ноя. Вы ответили отрицательно. Но я надеялся, что, может, вы все-таки припомните...

— Нет, Кристофер. Если бы Ной упоминал о нем, я бы не забыла. Но ведь Ной никогда не рассказывал мне о своих служебных делах.

Коллинз решил зайти с другой стороны.

— Не упоминал ли когда-нибудь Ной при вас об Арго-сити? Министрство юстиции интересовалось этим городком в Аризоне.

— Нет, ни разу.

Огорченный, Коллинз все же решил пройти по старым следам еще раз.

— В прошлый раз я спрашивал вас, мог ли Ной рассказать о доку-

менте «Р» кому-либо из друзей и деловых знакомых. Вы предложили мне связаться с Дональдом Раденбау в льюисбергской тюрьме, за что я был вам очень признателен.

— Вы посетили его? — поинтересовалась Ханна.

— Нет. Я приехал в Льюисберг, но поздно. Раденбау накануне скончался.

— Вот бедняга! Какая трагедия! А Тайнэн? Вы спрашивали его о документе «Р»?

— Сразу же после встречи с вами. Но он ничем не помог.

— Тогда боюсь, вам крупно не повезло, Кристофер, — пожалала плечами миссис Бакстер. — Если Тайнэн ничем не смог помочь, то не сможет помочь и никто другой. Как вы знаете, Ной и Вернон были очень близки. Я хочу сказать, что они вместе трудились над тридцать пятой поправкой. Ведь Вернон и Гарри Эдкок работали вместе с Ноем в этой самой комнате в тот вечер, когда с мужем случился удар. Они как раз о чем-то беседовали, когда Ноя неожиданно скрутило, он схватился за сердце и рухнул на пол. Просто ужас, что было.

Этого обстоятельства Коллинз не знал.

— Тайнэн и Эдкок были у Ноя, когда с ним случился удар? Вы не ошибаетесь?

— Как я могу забыть? — сказала печально Ханна. — В тот день Ной плохо себя чувствовал, никого не хотел принимать. Однако Тайнэн очень настоятельно просил о срочной встрече и приехал сразу после ужина.

— Вместе с Гарри Эдкоком?

— Я почти уверена, что Эдкок приехал с ним. Но... — вдруг засомневалась вдова. — Так все спуталось... Вам очень нужно знать точно, приезжал ли тогда Гарри?

— Что ж, может, не так это и важно...

— Нет, нет, мне совсем нетрудно проверить, — сказала женщина, поднимаясь с дивана. — Я посмотрю записи в календаре Ноя в его кабинете.

Она вышла из комнаты. Коллинз откинулся в кресле, сознавая, что ничего путного так и не выяснил. Отчаяние все больше охватывало его.

Вдруг он услышал какой-то шорох сбоку от себя и, резко повернувшись, заметил, как подозрительно колеблется плотная штора. Глянув вниз, он увидел, что она приподнимается у самого пола, и из-под нее выползает Рик Бакстер, внук Ханны, с неразлучным портативным магнитофоном в руках.

— Привет, Рик, — окликнул его Коллинз. — Что ты делаешь там, за шторой? Подслушиваешь наш разговор?

— Лучший тайник в доме, — улыбнулся в ответ Рик.

— Как машинка, тянет? — поинтересовался Коллинз.

Мальчик поднялся на ноги, отбросил спадающие на глаза пряди волос и похлопал рукой по кожаному чехлу магнитофона.

— Отлично работает с тех пор, как вы ее починили, мистер Коллинз. Хотите послушать?

Не дожидаясь ответа, Рик нажал кнопку перемотки, потом остановил ее и включил звук. Раздался голос Ханны Бакстер:

«...а Тайнэн? Вы спрашивали его о документе «Р»?»

Затем его собственный голос: «Сразу же после встречи с вами. Но он ничем не помог».

Снова голос Ханны: «Тогда, боюсь, вам крупно не повезло, Кристофер. Если Тайнэн ничем не смог помочь, то не сможет помочь и никто другой. Как вы знаете, Ной и Вернон были очень близки...»

— Ловко сделано, Рик, — сказал Коллинз. — Придется мне впредь вести себя в вашем доме осторожнее.

Мальчик выключил магнитофон. — Не бойтесь, мистер Коллинз, я ведь на правительство не работаю. Это просто мое хобби.

Коллинз все еще разыгрывал впечатления:

— Чисто ты нас записал. Вполне можешь идти работать в ФБР.

— Нет, меня не возьмут, я еще маленький. Но играть в ФБР интересно. Я из-за этой штормы кассет двадцать записал, не меньше. Никто и не знает, что я там сижу. Только один раз дедушка меня поймал.

— Дедушка тебя поймал? — переспросил Коллинз.

— Заметил из-под шторы носок ботинка.

— Он очень рассердился?
— Еще как! Велел никогда больше не устраивать подобных проделок.

Коллинз непроизвольно вздрогнул и пристально посмотрел на мальчика. — Извини, Рик, я что-то толком не расслышал. Что сказал тебе дедушка?

— Сказал, чтобы я больше никогда не устраивал подобных проделок и что он накажет меня, если еще раз поймает.

Коллинз так и замер в своем кресле. В памяти всплыли последние предсмертные слова Бакстера: «Документ «Р»... Это... Разоблачить... Я видел проделку... Найдите...»

Неужели полковник пытался своими последними словами, из последних сил, указать на Рика? На «проделку» Рика? На то, что тот подслушивал за шторами?

«Я видел проделку... Найдите...»

Неужели полковник во время последнего разговора с Тайнэном, за секунды до удара, заметил, как слезнонулась штора, и понял, что маль-

чик записал их секрет на пленку? И вспомнил об этом перед смертью, когда очень ненадолго обрел сознание?

Возможно ли это? Черт возьми, возможно ли это?!

Кашлянув, Коллинз заговорил снова, пытаясь ничем не выдавать охватившее его волнение.

— Послушай, Рик...
— Да, мистер Коллинз?

— Разумеется, строго между нами, но ведь ты слушался деда, когда он тебе велел не заниматься больше подобными проделками?

— А то нет! Я потом еще много раз его записывал.

— И не боялся, что попадешься?

— Нет, — уверенно ответил Рик. — Я был очень осторожен. И потом, с риском гораздо интереснее.

— Храбрый ты парень. Значит, записывал деда?

— В основном только его. По большей части он принимал посетителей здесь.

«Спокойно, — сказал сам себе Коллинз. — Не спугни его. Спокойно».

— А в последний раз, когда дедушка беседовал с директором Тайнэном и с ним случился удар, ты их тоже записал?

— Ага. Хотя здорово потом испугался, когда все забегали.

— То есть когда дедушка потерял сознание?

— Ну да. — Мальчик поднял вверх магнитофон. — Но до того я записал каждое их слово.

— Не может быть, Рик. Ты действительно записал последний разговор твоего дедушки с директором Тайнэном?

— Делов-то! Тайнэн сидел там же, где сейчас сидите вы. Дедушка сидел там, где только что сидела бабушка. Мистер Эдкок — вот там, на стуле. И говорили они о том же документе «Р», о котором вы только что спрашивали бабушку.

У Коллинза пошел мороз по коже. Он правильно понял последние слова Ноя Бакстера. Изю всех сил он пытался сохранить спокойствие.

— Они говорили о документе «Р»? Ты не ошибаешься?

— Дедушка о нем не говорил. Говорил только директор Тайнэн.

— И ты слышал каждое его слово?
— Конечно, — ответил Рик. — И записал все, как сейчас записал вас.

— Хорошая получилась запись?
— Вы же слышали, как работает моя машинка, — гордо ответил Рик. — Я прокрутил запись на следующее утро.

— Да, машинка у тебя что надо, — прищелкнул языком Коллинз. — Мне бы такую. — Он сделал паузу. — А что стало с записью? Ты ее стер?

Сердце его замерло в ожидании ответа.

— Нет, я никогда не стираю, — ответил Рик.

— Значит, лента у тебя?

— Больше нет. Записей дедушкиных разговоров я у себя не держал. Когда дедушка уже был в больнице, я взял последнюю кассету, написал на ней «м. ю. д.» — «министр юстиции дедушка», — поставил месяц — январь — и вместе со всеми остальными кассетами положил ее в верхний ящик дедушкиного шкафа, где он хранил свои магнитофонные записи.

— Но шкаф увезли отсюда?
— Ага.

— Рик, ты не помнишь, о чем был разговор? Что они говорили о документе «Р»?

Мальчик состроил гримасу, вспоминая.

— Я ведь особенно не прислушивался — только записывал. А утром просто хотел убедиться, что хорошо получилось.

— Но ведь что-то ты должен помнить. Ты ведь упомянул, что Тайнэн говорил о документе «Р».

— Верно. Но что именно он сказал, вспомнить не могу. Он все говорил, говорил, а потом дедушке вдруг стало плохо, и все забегали, бабушка плакала, я перепугался, выключил магнитофон и сидел за шторой, пока не приехала «скорая». Когда все столпились у двери, я проскользнул и убежал к себе.

— Больше ты ничего не помнишь?
— Извините, мистер Коллинз, но больше ничего.

— Хватит и этого, — Коллинз благодарно хлопнул мальчика по плечу.

В гостиную вернулась Ханна Бакстер.

— Опять этот озорник пристаёт к вам со своим магнитофоном, Кристофер?

— О нет, нет. Мы очень славно поболтали. Рик мне здорово помог.

— Я нашла календарь, — сказала Ханна. — Ной ждал обоих — Тайнэна и Эдкока.

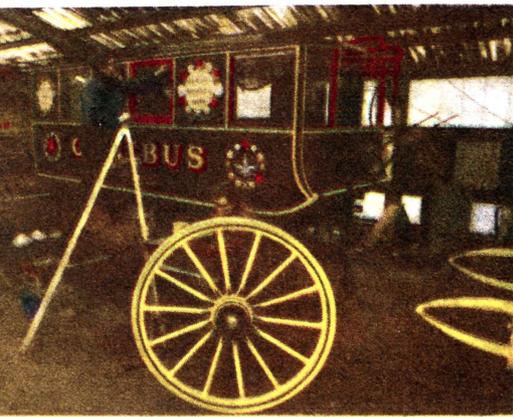
— Я так и думал, — ответил Коллинз. Подмигнув Рiku, он встал. — Пожалуй, мне пора. Большое спасибо, Ханна. И тебе спасибо, Рик. Позвони мне, если когда-нибудь захочешь работать в министерстве юстиции.

Выйдя на улицу, Коллинз уже не замечал лившего из тяжелых туч дождя. В душе у него сияло солнце. С небольшим темным пятном. Несгораемый шкаф с личным архивом полковника Ноя Бакстера находился теперь в кабинете директора ФБР в здании имени Эдгара Гувера.

— Пагано, — сказал Коллинз шоферу. — Высади меня у первого же автомата. Мне необходимо срочно позвонить.

Окончание следует

Сокращенный перевод с английского Ю. ЗАРАХОВИЧА

КУЧЕР В ЦЕНТРЕ ЛОНДОНА

Сто пятьдесят лет назад точно такой омнибус, набрав двадцать пассажиров, отправился в путь от лондонского Сити до процветающего района Паддингтон. Расстояние небольшое — около пяти километров, но знаменательный рейс остался в памяти англичан, ибо он открывал движение омнибусов по Лондону и тем самым положил начало общественному транспорту в британской столице.

Лондонские реставраторы братья Эрик и Лесли Кук три месяца работали над реконструкцией первого омнибуса, взяв за основу один из последних образцов подобных экипажей пятидесятилетней давности. И вот результат: ныне можно купить билет, сесть в омнибус (правда, это бывает лишь раз в сутки), кучер позвонит в колокольчик, взмахнет кнутом, и тройка гнedyх помчит пассажиров по улицам Лондона. Как 150 лет назад.

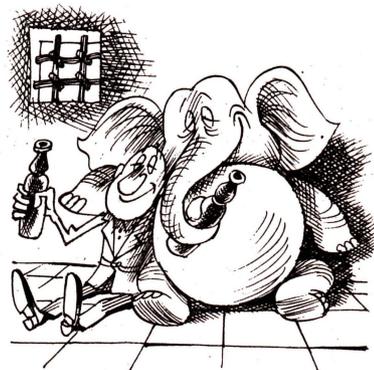

СИЛА ТРАДИЦИИ

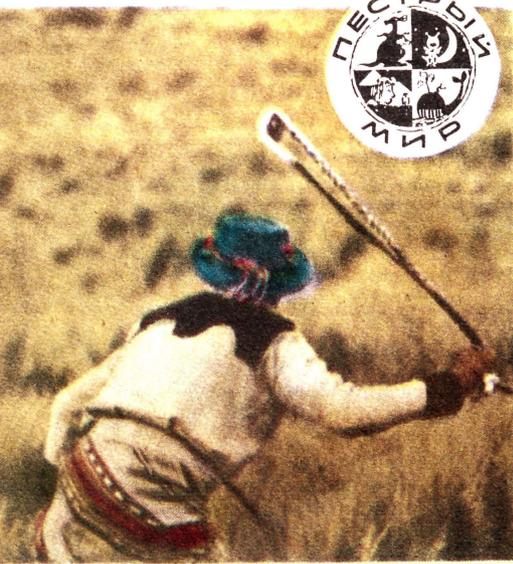
Говорят, что в Англии с традициями не шутят. И все же... Еще в средние века в Лондоне было установлено правило: перенять овец по одному из мостов через Темзу запрещается. С одним исключением: почетным гражданам города это разрешалось. Недавно некий член лондонского городского совета решил использовать свое звание почетного гражданина и напомнить о старинной привилегии. Во фраке, с цилиндром на голове и с кнутом в руках, он прогнал по мосту через Темзу стадо овец, застопорив при этом уличное движение. А полиция? Полиция была бессильна: старое правило сохраняет законную силу до сих пор.

ЗАКОН ЕСТЬ... ЗАКОН?

Сколько ни пиши о курьезных законах, существующих в силу прецедента в США, а все равно мало. Приходило ли вам когда-нибудь в голову напоить слона... пивом? Если вы живете в городе Натчез (штат Миссисипи), то лучше, чтобы такая мысль и не приходила: это абсолютно противозаконно. Не дай бог прихожанину в городе Омахе чихнуть в церкви, даже если у него хронический насморк, — его немедленно арестуют: таков закон. В Джефферсон-Сити категорически запрещено «бешено» скакать на... быке. В городе Денисон (штат Айова) не стоит дразнить заключенных в тюрьмах сквозь решетку: можешь сам оказаться за ней. В штате Нью-Джерси нельзя разводить дыплят — в чем бы вы думали? — в бутылках! Законы города Топика запрещают держать в доме больше пяти кошек. Но, пожалуй, всех превзошел один из городов в Калифорнии. Здесь можно подвергнуться штрафу, если будешь кататься на велосипеде... в плавательном бассейне.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

ПО ПРИМЕРУ ДРЕВНИХ МАЯ

Эти состязания проводятся в Гватемале каждую осень. Необычны они хотя бы уже потому, что ведут свою историю со времен майя. А заключаются в метании камней из пращи, боевого оружия могущественных некогда индейцев Центральной Америки.

Камень помещается в средней — расширенной — части пращи, после чего участник состязания начинает все быстрее и быстрее раскручивать оружие над головой. Наконец метатель отпускает один конец пращи, и камень летит в заданном направлении — чем дальше, тем лучше. Просто? Только на первый взгляд. Владение пращей — искусство, и победители состязания пользуются заслуженным почетом.

ПОРХАЮЩИЕ ЛИСТЬЯ

В горах Восточного Сьерра-Мадре, неподалеку от Мехико, есть одно заповедное место: каждый год с наступлением осени деревья там одеваются вот таким необычным «лиственным» нарядом. Это слетаются на зимовку бабочки-монархи, причем на небольшом участке в восемь гектаров их собирается до 50 миллионов. А когда приходит весна, бабочки отправляются в далекий путь через весь континент в южную Канаду. Хотя за лето в местах постоянного обитания «монархов» успевает смениться три-четыре поколения и на зимовку возвращаются уже праправнуки, феноменальная генетическая память помогает им безошибочно находить тот же самый участок в мексиканских горах, который они никогда и не видели.

СЪЕДОБНЫЕ... ПЕРЕБОРКИ

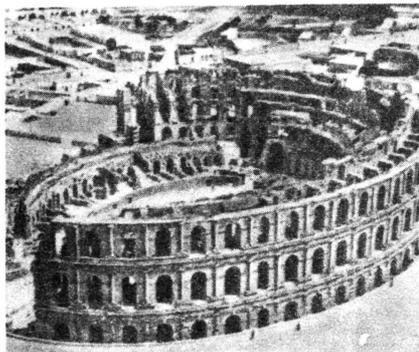
С необычным проектом выступил Дуглас Уорф, профессор университета штата Северная Каролина (США). Поскольку место в космических кораблях весьма ограничено, то брать с собой достаточный аварийный запас продуктов при длительных межпланетных полетах будет трудно. Единственный выход для космонавтов, по мнению профессора, — это использовать в пищу... собственные корабли. То есть часть внутренних переборок, шкафов и полок следует изготавливать из прессованной смеси яичного белка, кукурузной муки и сухого молока. Такая «мебель» будет достаточно тверда, чтобы вынести перегрузки, и вполне пригодна для питания в случае непредвиденных задержек в космосе. Технически это легко осуществимо, говорит Дуглас Уорф, и уже сейчас можно приступать к соответствующим опытам в ходе орбитальных полетов.

Колизей в Риме по своей известности — один-единственный. Но вообще-то в мире «колизеев» было не так уж мало. Взять хотя бы тот, что расположен в Тунисе, южнее порта Суса, на пустынном плато. Это амфитеатр в Эль-Джемме, построенный в начале III века. Хотя тунисский «колизей» подвергся разрушительному действию времени и набегов, он и в наши дни выглядит впечатляюще: длина его большого диаметра 148 метров, малое — 122, а высота стен достигает 36 метров.

Помимо естественных причин разрушения амфитеатра в Эль-Джемме, есть еще одна — «практического» свойства. По неизвестным причинам здесь не водятся скорпионы. И вот жители окрестных селений, желая защитить себя от ядовитых тварей, брали камни из стен старинной постройки и ставили их у входа в свои жилища, — так, мол, «колизей» и рассыпался.

Другая легенда утверждает, что в Эль-Джемме зарыты сокровища. При этом больше всего шансов найти богатство у скромнейшей девушки. Если таковая пожелает раскрыть тайну амфитеатра, ей надо явиться туда рано поутру, прихватив с собой овцу, стать в центре «колизея», остричь овцу и из ее шерсти соткать скатерть. Затем забить животное и, приготовив традиционный «кус-кус», разложить его на новой скатерти. Если все это девушка успеет сделать до захода солнца, сокровища непременно откроются ей. Не было, однако, случая, чтобы кому-либо удалось воспользоваться этим «рецептом»...

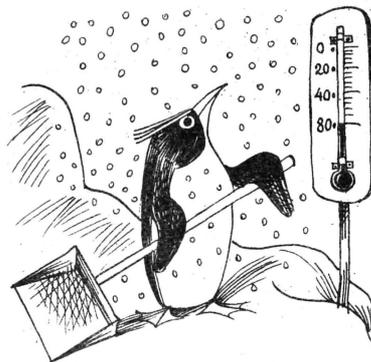
ВРЕМЯ — ЖДЕТ

В центре города Дубровник (Югославия) на высокой башне помещены часы. В этом нет ничего удивительного: башенные куранты существуют во множестве городов планеты. Удивительно другое: дубровникские часы отбивают каждый час дважды. Первый раз — тогда, когда и положено, а второй — на три минуты позже. Специально для любителей опаздывать.

ЧЕМ СЕГОДНЯ ПАХНЕТ?..

Гниющим мусором? Выхлопными газами? Сероводородом? На эти и подобные вопросы должны ежедневно отвечать 80 «нюхальщиков» в западногерманском городе Мангейме. Цель обследования — составить карту запахов в различных районах, определить общее состояние атмосферы над городом и выявить промышленные предприятия, загрязняющие воздух. Хотя работа еще не закончена, заранее можно сказать, со слов руководителя группы доктора Рихарда Зейца, что картина будет безрадостной: в ежедневных отчетах нюхальщиков чаще всего встречаются слова «отвратительный» и «ужасный» и ни разу — «свежий» и «приятный».

То, что в Антарктиде несладко, понятно всем. Известно, температура там порой опускается ниже —80° по Цельсию, без специальных вездеходов ни проехать, ни пройти, а жить можно только в особо утепленных жилищах. В общем, что такое Антарктида, каждый представляет. И вот оказывается, что это далеко не самое снежное место на Земле. Да, самое ледяное, но не самое снежное! На Южном полюсе выпадает от десяти до пятидесяти сантиметров снега в год. И не больше.

ОПУСТОШИТЕЛЬНОЕ НАШЕСТВИЕ

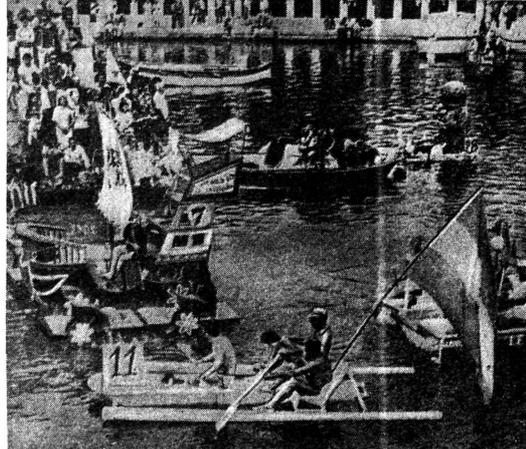
Мыши обычно считаются пугливыми, безобидными существами. Однако две с половиной тысячи жителей австралийского городка Кастертон в корне изменили свое мнение после того, как подверглись осаде полчищ маленьких грызунов. За два дня они подчистую подобрали в домах даже сигареты и спички, не говоря уже о крупах и прочих съестных припасах. По городу нельзя было ни пройти, ни проехать, поскольку улицы покрывал сплошной мышиный «ковер». И лишь усиленные отряды полиции с помощью ядохимикатов очистили Кастертон от серых грабителей.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

„Вокруг света“, 1901 год

ШВЕЙЦАРСКАЯ ИГРА

Что город, то норы, что деревня, то обычаи. Разные бывают игры, и многие из них неизвестны городским спортсменам, ибо созданы горцами, пастухами и тому подобными людьми, проводящими свою жизнь не в душных помещениях, а на вольном воздухе. Игры, требующие силы и ловкости, созданы швейцарцами много веков тому назад и с тех пор мало изменились. К числу чисто швейцарских развлечений принадлежит игра в «летающий орех», родиной которого считается бернский кантон. Эта национальная игра требует от участников не только силы и ловкости, но еще и очень верного глаза. Чтобы не ослепнуть в этом спорте, надо быть потомком Вильгельма Телля, который попадал стрелой в яблоко, положенное на голову любимого сына. «Летающий орех» имеет форму не шара, но яйца. Перед началом игры его кладут на наклонное бревно и прикрепляют к нему небольшим количеством глины. Игроки делятся, как и при всякой игре в мяч, на две партии: те, которые охраняют бревно, вооружены

ВАННЫ — НА СТАРТ!

Ралли, гонки, регаты, соревнования, состязания... Сколько их на свете? Не сосчитать... Вот и еще одно из соревнований. Проводится оно раз в году, в июле, в небольшом городе Кань на юге Франции. Это гонки на воде, а в качестве плавательного средства используются... ванны и только ванны! Почему? Трудно сказать. Либо устроители почитали обыкновенные лодки слишком уж традиционными, либо им захотелось, чтобы их соревнование было единственным и неповторимым. Впрочем, кому не нравится, может не участвовать.

Гонки на ваннах родились недавно, но здесь уже есть свои традиции. Например, чтобы «суда» были более устойчивыми, к каждому из них по бокам прикрепляются деревянные балансиры, и в результате получается конструкция, напоминающая тримаран. По традиции ползается также, чтобы участники расписывали свои транспортные средства как можно более красочно. Это очень важно, ибо чемпионом может стать и второй, и даже третий пришедший к финишу — победителя определит судейская коллегия. Ведь она не только фиксирует место, занятое в состязании, но тщательно оценивает лодки-ванны и решает, чьи еще и краше.

длинными лопатками, похожими на весло. Этими лопатками «орех» посылается противникам сначала не очень далеко, а потом все дальше и дальше в зависимости от силы и ловкости каждого игрока. Противники вооружены короткими и широкими лопатками, которые разрешается бросать вверх, дабы задержать «орех» в пределах строго определенного и очерченного пространства. Если «орех» пролетит над этим пространством без задержки, то это дает одно «очко» той партии, которая находится у бревна. В противном случае одно «очко» приходится на долю того игрока, который метко попал широкой лопаткой в «орех», брошенный противниками. Выбывшим из игры считается тот, кто трижды бросил «орех» дальше установленных границ. Не у дел остается и тот, кто бросил мяч неудачно и дал противникам возможность задержать его. Когда все игроки с длинными лопатками окажутся выбывшими из игры, то к бревну направляются их противники и передают проигравшим свои короткие лопатки.

ВНЕДРЕНИЕ

Название звездолета «Диоген-1» полностью отражало цель звездного путешествия. Древнегреческий мудрец, как известно, большую часть жизни занимался поисками человека. Его же космический тезка искал разумную жизнь во вселенной...

— Командир, — взволнованно сказал штурман, — данные спектрального анализа показали наличие органического вещества на планете Ромбус, вращающейся вокруг звезды альфа Орион.

«Неужели удача?!» — подумал командир.

— Пригласите ко мне, пожалуйста, членов Совета звездолета.

Картина, которую увидели астронавты, вызвала буйный восторг. В джунглях разгуливали огромные динозавры, а над ними парили птеродактили. Планета обитаема! Когда страсти улеглись, Совет принял решение о высадке на планету пяти членов экипажа во главе с командиром.

Разгуливающие и летающие ящеры указывали на то, что скорее всего на Ромбусе нет развитой цивилизации, разве что на планете живут дикари. Инструкция категорически запрещала вмешиваться в ход исторического процесса. Поэтому необходимо незаметно внедриться в среду аборигенов. Группа внедрения выглядела подобно настоящим дикарям: звериные шкуры на плечах, у каждого в руке дубинка. Много часов блуждали они по джунглям, прежде чем увидели первого аборигена. Увидев новоиспеченных дикарей, он бросился к ним с радостными возгласами. Нечленораздельная речь аборигена мгновенно была расшифрована астронавтами с помощью миниатюрных электронных устройств. По приглашению дикаря астронавты подошли к хижине, возле которой несколько его собратьев зажаривали на костре тушу кабана. Приветливо встретив незнакомцев, они жестами пригласили их на трапезу.

За несколько дней дружба между астронавтами и аборигенами настолько окрепла, что землянам трудно было найти причину, чтобы расстаться с дикарями. Наконец командиру «Диогена-1» пришлось объяснить дикарям, что они должны уйти за женами. Но они вернутся. В залог этого командир подарил вождю собственного изготовления кремневый нож... Операция «Внедрение» прошла успешно.

...Председатель Совета по проблеме обнаружения внеземных цивилизаций был очень доволен докладом командира звездолета «Диоген-1».

— Вы с честью выполнили задание, — сказал он. — И пусть вас не огорчает, что звездолет «Диоген-2», вылетевший после старта вашего корабля в противоположном направлении, побывал на планете Ромбус раньше. Теоретически давно было известно, что пространство искривлено. Следовательно, два звездолета, вылетевшие в диаметрально противоположных направлениях, могут встретиться в одной и той же точке пространства аналогично двум теплоходам, отправившимся в кругосветное путешествие вокруг Земли. «Диоген-2» оказался вблизи так называемой «черной дыры», где колоссально сконцентрирована масса и особенно велико искривление пространства. Поэтому траектория звездолета изменилась, и он опередил вас. Оба звездолета доставили важное подтверждение наличия разумной жизни на этой планете. Хочу поздравить вас с командиром звездолета «Диоген-2».

Капитаны обменялись дружескими улыбками, вызвавшими, однако, у обоих какие-то смутные ассоциации. Затем командир «Диогена-2» неуверенно положил на стол председателя Совета уже знакомый коллеге кремневый нож, доставленный им в качестве доказательства существования разума на планете Ромбус.

В номере использованы фотографии из журналов: «Атлас» (Франция), «Бунте иллюстрире» (ФРГ), «ГЕО» (ФРГ), «Джигрографикал мэгэзин» (Великобритания), «Нэшнл джигрографик» (США).

Наш адрес: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны для справок: 285-88-83; отделы: «Наша Родина» — 285-89-83; иностранный — 285-89-56; науки — 285-89-38; литературы — 285-80-58; писем — 285-88-68; иллюстраций — 285-89-36; приложение «Искатель» — 285-80-10.

© «Вокруг света», 1979 г.

Сдано в набор 04.09.79. Подп. к печ. 18.10.79. А04757. Формат 84×108/16. Печать офсетная. Условн. печ. л. 6,72. Учетно-изд. л. 11,8. Тираж 2 800 000 экз. Заказ 1530. Цена 70 коп. Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.

ПЛЫВУТ ГОРШКИ
ПО ИРАВАДИ

Чтобы слепить горшок, нужны как минимум гончарный станок и глина. Станок — сооружение нехитрое, сделать его недолго, зато глина годится гончару далеко не всякая. Все зависит от того, что за горшок нужен, что в нем будет держать. В тропической стране, такой, как Бирма, приходится беречь продукты от жары и влаги, от мышей и змей. И тут глиняный сосуд ничем не заменить.

Всем известно, что лучшая красная глина для блюд и плошек водится в окрестностях города Йе, светлая — для кувшинов — в Моунъюа, а на черной, из которой получают особо прочные горшки для готовки, буквально стоит город Пьи. Но где Пьи, где Йе, а где Моунъюа! Все в разных концах страны, а продукция их нужна повсюду.

Тут и возникает проблема транспортировки, извечная проблема: «За морем телушка — полушка, да рубль перевоз». К тому же у горшков есть два существенных недостатка: тяжелы они, много не унесешь, а мало нести нет смысла, потому что стоят дешево. И, самое главное, хрупки.

А дороги в Бирме не относятся пока к числу лучших в мире. Даже в сухой сезон. Во время же дождей и вовсе их размывает так, что они превращаются в болото.

Зато есть в Бирме великая река Иравади, Слоновья река. С дальнего севера страны катит она свои волны в Бенгальский залив, разрезая Бирму почти пополам. Тысяча семьсот тридцать километров судоходны, а триста последних к истоку недоступны современным кораблям. Зато бирманские лодки и плоты идут по всей длине Иравади.

Но сколько тяжелых и хрупких глиняных горшков нагрузить на плот или в лодку?

Бирманские плотогонны эту задачу решили очень простым способом: они плывут на горшках.

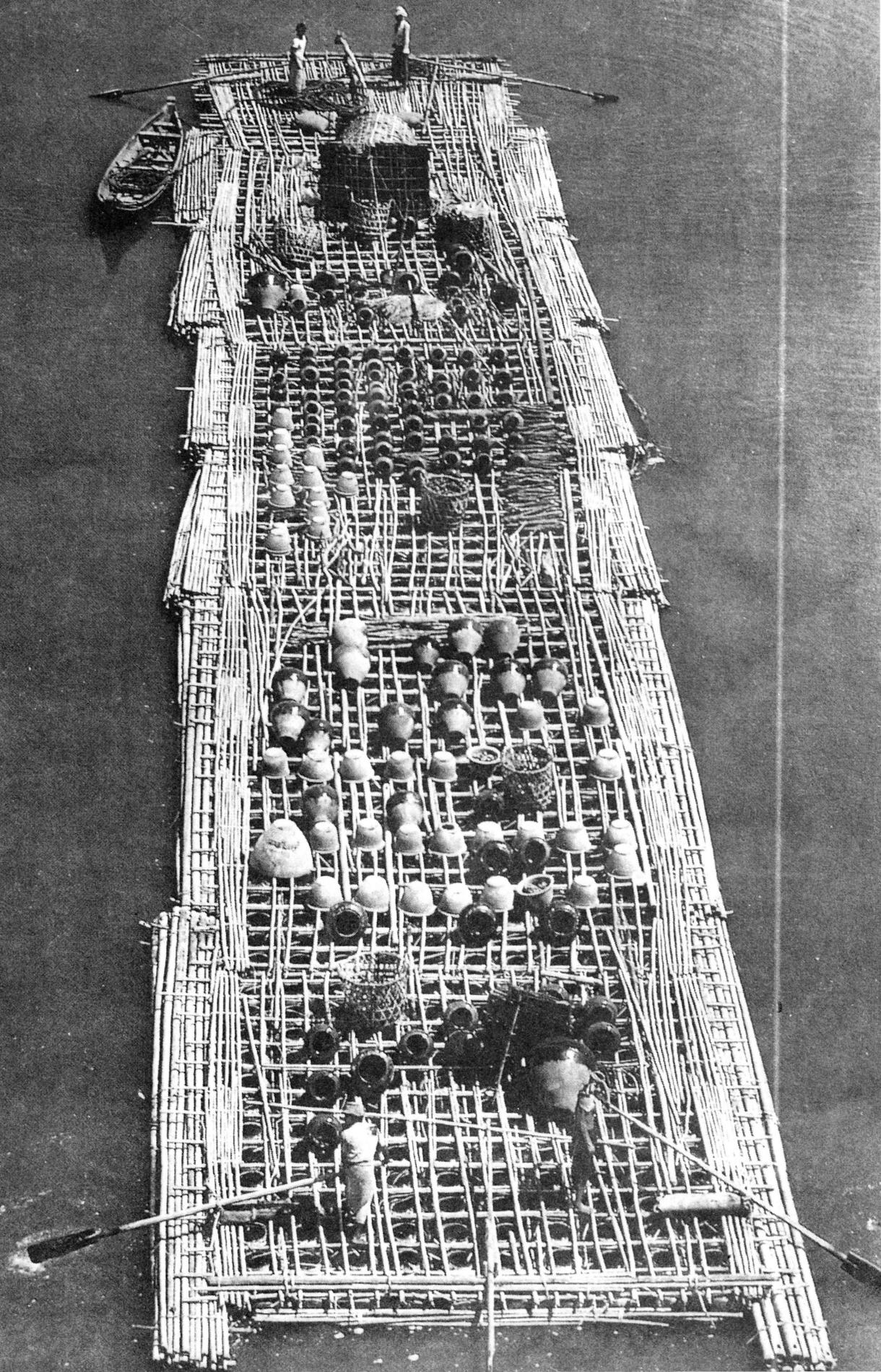
Сначала вяжут из бамбука платформы с ячейками — десять в ширину, двенадцать в длину. В каждую ячейку ставят глиняный горшок, закутанный в рисовую солому. Потом соединяют по шесть-семь платформ в один большой плот, жесткость конструкции которого обеспечивают связки бамбуковых стволос, прочных, толстых, но гибких. Горшечно-бамбуковый плот готов.

Полые сосуды придают ему плавучесть, а их тяжесть — остойчивость. Да еще сверху можно нагрузить товар. Опытные плотогонны проведут плот от Пьи против течения, ловко минуя мели, и ни один горшок не побьется. А от многодневного купания в водах Слоновьей реки керамика становится только прочнее.

Бамбук тоже в воде не гниет — хорошо вымоченный, он становится ценным товаром, и, распродавая горшки, гончары постепенно разбирают плот и торгуют бамбуком. В обратный путь гончары-плотогонны пускаются в легкой лодочке, и занимает он у них куда меньше времени. Плытут по течению, отдыхая от трудной дороги на ярмарку.

Долгой дороги. Ведь где Пьи, где Йе, а где Моунъюа, но горшки-то всем нужны!

Л. ОЛЬГИН

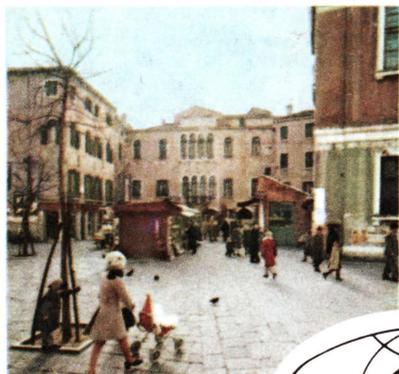
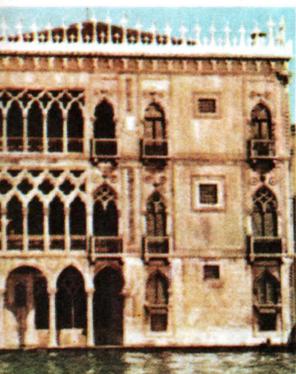

Цена 70 коп.

Индекс 70142

ИТАЛИЯ

БЮРО МЕЖДУНАРОДНОГО

МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА

